

Сергей Мушкалов

**АЛЕКСЕЙ ГУБКИН
И ЕГО НАСЛЕДНИКИ**

Пермь 2008

Сергей Мушкалов

**АЛЕКСЕЙ ГУБКИН
И ЕГО НАСЛЕДНИКИ**

Пермь 2008

ББК 63.3 (2) 52–2
М93

Мушкалов С. М.

Алексей Губкин и его наследники. – Пермь: изд. Богатырев П. Г., 2008. – 232 с.

В книгу включены 49 очерков, отражающих многогранную торгово-промышленную, общественную и благотворительную деятельность одного из крупнейших представителей купеческого сословия России, почетного гражданина города Кунгура Алексея Семеновича Губкина (1816–1883), а также А. Г. Кузнецова, М. Г. Ушковой и других его наследников и родственников.

Предназначена для учащихся школ, педагогов, историков, краеведов и всех интересующихся историей родного края.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	5
Книга первая	
КУНГУРСКИЙ РОТШИЛЬД.	
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ А. С. ГУБКИНА	
ГЛАВА 1. СТРАНИЦЫ ИЗ РОДОСЛОВНОЙ.....	7
В глубь веков.....	7
Братья Губкины.....	9
ГЛАВА 2. КУПЕЦ, КОТОРОГО ЖАЛОВАЛ САМ ЦАРЬ... ..	14
Чайный магнат.....	14
Почетный гражданин.....	17
Благодетель.....	20
Семьянин.....	24
Елизаветинский приют.....	26
Самое первое на Урале.....	36
Рассадник технических знаний.....	46
«В Москву!».....	53
Скорбная весть.....	57
«Московская трагедия».....	59
К небесной пристани.....	62
Завещание.....	72
ГЛАВА 3. ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	77
Несостоявшийся юбилей.....	77
Сквозь годы.....	83
Книга вторая	
НАСЛЕДНИКИ ЧАЙНОГО МАГНАТА	
ГЛАВА 1. ФИРМА.....	88
Торговый дом.....	88
Торгово-промышленное товарищество.....	90
ГЛАВА 2. КУЗНЕЦОВЫ.....	97
Кунгурский филантроп.....	97
Зять чайного магната.....	105
Кунгурская миллионерша из Парижа.....	109
ГЛАВА 3. УШКОВЫ.....	115
Дело семьи Ушковых.....	115
Потомственный почетный гражданин К. К. Уш- ков.....	121

	«Свет Марья Григорьевна».....	125
	Правнуки чайного магната.....	127
	Григорий Ушков. Штрихи к портрету старшего сына.....	131
	Полонез Сергея Кусевицкого.....	134
	Наумовы.....	140
	Ф. Шаляпин – родственник Ушковых.....	144
ГЛАВА 4.	ПЛЕМЯННИЦЫ ЧАЙНОГО МАГНАТА.....	151
	Ковалевы.....	151
	Фекла Столбова, жена чиновника.....	157
ГЛАВА 5.	ДРУГИЕ ЛИЦА.....	162
	Приказчики и доверенные.....	162
	«Друг сердешный Шмигельский».....	167
	Отец Павел.....	169
Книга третья		
АДРЕСА НА КАРТЕ		
ГЛАВА 1.	КУНГУР.....	173
	Дом чайного магната.....	173
	Храм-памятник.....	175
	Кузнецовский дворец.....	181
	Дачный дом.....	184
	Кунгурское педагогическое.....	186
	Кузница кадров.....	191
	Машзавод. Этапы большого пути.....	195
ГЛАВА 2.	МОСКВА.....	202
	На Рождественском бульваре.....	202
	Московская чаеразвесочная.....	204
	Осташево.....	206
ГЛАВА 3.	КРЫМ.....	213
	Форос.....	213
	Форосское чудо.....	218
	Меллас.....	222
	Биологическая станция в Севастополе.....	224
ГЛАВА 4.	ДРУГИЕ ТЕРРИТОРИИ.....	228
	Рождествено.....	228
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....		231

ОТ АВТОРА

Имя главного героя настоящей книги, в принципе, не нуждается в представлении. Оно, без сомнения, хорошо известно каждому кунгуряку.

Малограмотный мужик, ставший одним из крупнейших предпринимателей пореформенной России. Неутомимый, честный труженик, сумевший произвести революцию в торговле чаем. Щедрый благотворитель, получивший потомственное дворянство. Почетный гражданин г. Кунгура. Примерный семьянин: любящий муж и трогательный отец... Вот далеко не полная характеристика одного из самых ярких и колоритных представителей купеческого мира нашего города.

Интерес к чайному магнату, заметно возросший за последние годы, стимулировал обращение и к судьбе его наследников. Итогом этой работы и стала книга, которую Вы держите в руках.

Источниковедческая база, привлеченная для создания книги, достаточно обширна. Это и документы Кунгурского Городского архива (ревизские сказки, городские обывательские книги, метрические книги, формулярные списки сотрудников Губкинского Технического училища...), материалы Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (журналы Кунгурской Городской Думы и Уездного Земского собрания, доклады Кунгурской Уездной Земской Управы, раскладки казенного налога и городского оценочного сбора, рекламные листы, фотографии, рукописи и т. д.), публикации в газетах «Пермские губернские ведомости» и «Пермские епархиальные ведомости», труды В. Н. Шишонко, П. А. Бурышкина, Е. Д. Золотова, В. Л. Семенова, статьи П. А. Примаченко, З. Я. Лепихиной, О. А. Реневой, Л. Ю. Елтышевой, интернет-материалы.

Большую помощь в создании книги оказал краевед из поселка Форос (Республика Крым, Украина) Павел Петрович Фирсов. Кроме того, автор выражает искреннюю благодарность сотрудникам Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника О. А. Реневой, Л. Ю. Елтышевой, И. А. Поповой, Н. В. Паршаковой, а также ведущему специалисту отдела культуры администрации г. Кунгура С. А. Алтухину и учителю средней школы № 1 г. Кунгура С. Т. Лапшиной за предоставленные материалы и помощь в подготовке книги.

Автор не претендует на полный объем информации по теме и будет признателен за любые замечания и предложения.

Книга первая

КУНГУРСКИЙ РОТШИЛЬД

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ
А. С. ГУБКИНА

ГЛАВА 1. СТРАНИЦЫ ИЗ РОДОСЛОВНОЙ

В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Род Губкиных – один из самых старинных в Кунгуре. Первые сведения о представителях этой династии датированы 1719 годом. В переписной книге города значатся «на посаде пахотные крестьяне: во дворенке Авраам Карпов сын Бушуев, у него же брат Осип 17 лет, у него же подворник Карп Петров сын Губкин 30 лет»¹.

Обратившись к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, выясняем, что «подворник» – это шатун, бродящий по дворам, бездомок, бобыль, батрак, работник, постоялец².

Вероятно, К. П. Губкин принадлежал к крестьянскому сословию и, лишь недавно приехав в город, жил постояльцем или работником у крестьянина А. К. Бушуева в небольшом домедворенке.

Но, видимо, Карп Петрович оказался человеком предприимчивым, так как спустя всего четыре года, в 1723 году, в «Книге окладной г. Кунгура именной переписи мужеского полу полковника князя Сонцева-Засекина» он записан уже в числе кунгурских купцов³. В этой же книге указаны и его сыновья – Илья (3 года) и Иван (40 недель)⁴.

Карп Петрович Губкин умер в 1751 году в возрасте 59 лет⁵. Поэтому в «Книге 3-й ревизии» (1764 г.) упоминаются лишь его дети: Илья (44 года), Иван (42 года), Агриппина (37 лет), Марья (36 лет) и Ирина (30 лет)⁶. Сведения о них обрывочны и крайне скудны.

Илья Карпович Губкин (род. 1720) был женат на «дочери вотчины баронов Строгановых, обретающегося в Кунгуре дворника Никифора Поздиева» Евдокии (род. 1719) и имел троих детей: Наталью (род. 1751), Маремьяну (род. 1755) и Ивана (род. 1757).

Иван Карпович Губкин (род. 1722) женился на дочери кунгурского посадского Дементия Швецова Акилине (род. 1724). У них дети – Пелагея (род. 1746), Максим (род. 1747), Парасковья (род. 1752)⁷.

К середине 1760-х годов дочери К. П. Губкина были уже выданы замуж. Агриппина Карповна – за крестьянина села Троицкого Кунгурского уезда Наума Сумцова. Мария Карповна – за копииста Пермской провинциальной канцелярии Конона Кадешникова. Мужем Ирины Карповны был кунгурский посадский Константин Сметанин ⁸.

Информацией о роде занятий семьи Губкиных автор не располагает. Известно лишь, что во второй половине XVIII века они занимались кожевенным промыслом. Иван Ильич Губкин был владельцем небольшого кожевенного завода, который впоследствии унаследовал его сын Семен Иванович.

С. И. Губкин (1789–1848) был кунгурским купцом третьей гильдии. Пропитание имел от «разной торговли». Занимался извозом, перевозил товары из Москвы и Нижегородской ярмарки в Сибирь и обратно. Пользовался большим доверием в деловых кругах. Некоторое время служил дозорным.

Жил он в приходе Успенской церкви, по Мининской улице, в построенном своими руками одноэтажном деревянном доме (длиной и шириной по четыре сажени). Кроме того, на усадьбе находились деревянный флигель, амбар, две конюшни и другие службы ⁹. (В 1860-х годах на месте родительского дома А. С. Губкин построил двухэтажный каменный особняк, сохранившийся до наших дней – С. М.)

Семен Иванович был женат на дочери кунгурского мещанина Анне Степановне Сибиряковой (род. 1792)¹⁰. Семья была строгих устоев, соблюдала все русские обычаи. Жили скромно. Сыновья Степан, Алексей и Яков смогли получить лишь домашнее образование.

Семен Иванович Губкин умер в 1848 году в возрасте 59 лет и был похоронен в ограде Тихвинской церкви. Там же позднее обрела свой последний приют и его супруга.

В начале XX века материалы о родословной А. С. Губкина собирал кунгурский краевед, бывший диакон Благовещенского собора Е. Д. Золотов. Результаты своих изысканий Евгений Дмитриевич представил в специальную комиссию «по вопросу об ознаменовании 100-летия со дня рождения А. С. Губкина». В декабре 1915 года один из членов этой комиссии, купец С. Л. Сартаков, выкупил рукопись у автора, уплатив «условную

сумму», и направил ее в Москву, в адрес правления товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰» для последующего издания¹¹. Однако рукопись кунгурского краеведа так и не была опубликована. Ее дальнейшая судьба пока неизвестна.

-
1. Кунгур. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. – М., 1886. С. 7.
 2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. – М.: Терра, 1995. С. 166.
 3. Кунгур. Материалы для истории города... С. 21.
 4. Там же.
 5. Там же. С. 77.
 6. Там же.
 7. Там же.
 8. Там же.
 9. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 92. Л. 112.
 10. Там же.
 11. *Семенов В. Л.* А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 139.

БРАТЬЯ ГУБКИНЫ

У А. С. Губкина было два брата – Степан и Яков. Так получилось, что они оба оказались в тени колоритной фигуры Алексея Семеновича.

Младший из братьев – Яков Семенович – родился в 1818 году. Был женат на Вере Даниловне (род. 1823)¹. Данными об их детях автор не располагает.

По сведениям патриарха кунгурского краеведения Л. Н. Лелюхова, Яков и Алексей Губкины жили совместно. Первым их занятием было кожевенное, а основным – ямщина. Яков Семенович руководил рабочими и извозом. Алексей Семенович принимал приезжих в своем доме².

Позднее братья разделились. Алексей занялся продажей чая. Яков организовал торговлю «разными товарами». Удалось установить, что в 1863 году оба брата «производили торг» в Иркутске. Причем, стоимость товаров, привезенных Я. С. Губкиным составляла 673324 рубля, а его братом – 494791 рубль³.

Яков Семенович имел небольшую каменную лавку в самом центре города, на Киттарской улице, прямо напротив здания городской управы. В 1889 году в ней по-прежнему шла торговля. Лавка принадлежала наследникам купца и оценивалась в 400 рублей ⁴.

В краеведческой литературе сложился стереотип, что Яков Семенович умер рано, завещав будущему чайному магнату 10 тысяч рублей, с которых тот якобы и развернул собственное дело. Данной версии придерживался даже такой известный краевед, как А. А. Дмитриев ⁵.

Между тем, это неверно. По свидетельству священника Благовещенского собора о. Николая Старицына, близко знакомого с семьей Губкиных, Яков Семенович умер около 1869 года ⁶. Фирма его брата к этому времени существовала уже около тридцати лет и давно прочно стояла на ногах. Так что пресловутое наследство, якобы полученное Алексеем Семеновичем, уже не могло сыграть существенной роли.

Яков Губкин, как и все братья, был прихожанином Благовещенского собора. Сохранились сведения, что в 1861 году он преподнес в храм «медное накладного серебра паникадило, стоящее 1500 руб.»⁷. Диакон собора Е. Д. Золотов в «церковной летописи города Кунгура» отмечает, что данное паникадило, с двумя ставами свеч и двадцатью четырьмя свечниками, висело посредине храма на железной цепи, укрепленной на связях. Шар и крест на нем были вызолочены через огонь ⁸. Другой ценный дар – большой благовестный колокол весом в 700 пудов – сделан купцом в пользу Тихвинской церкви ⁹.

Старший из братьев – Степан Семенович – родился в 1814 году. В браке с Евдокией Евдокимовной (род. 1817), которая приходилась родной сестрой крупнейшему кунгурскому купцу-кожевнику В. Е. Фоминскому ¹⁰, имел пятерых дочерей: Александру (1836–1893), Феклу (1838–1911), Анну (1846–1888), Любовь (род. 1849), Марию (род. 1852).

В 1845 году С. С. Губкин отделился от отца и братьев «особым капиталом»¹¹. Занимался кожевенным промыслом. В 1860 году построил в подгорной части города, на углу Успенской и Хлебниковской улиц, двухэтажный каменный дом (современный адрес – ул. Ленина, 46). По данным Кунгурского БТИ, длина

здания составляет 18,8 м, ширина – 10 м, общая площадь внутренних помещений – 211,9 кв. м¹².

Известно, что в 1849 году Степан Семенович передал в Благовещенский собор большой напрестольный серебряный крест с таким же подножием, отличной чеканки, весом более 12 фунтов и «евангелие в лист», в серебропозлащенных досках и с таким же переплетом, украшенное серебряными изображениями, финифтью и стразами, весом 33 фунта. Оба пожертвования обошлись ему в 1500 руб.¹³.

Степан Степанович Губкин умер в 1867 году. В память об усопшем его супруга пожертвовала 300 рублей Богоявленскому собору на приобретение серебропозлащенной ризы для храмовой иконы Параскевы Пятницы¹⁴.

В 1877 году Евдокия Евдокимовна Губкина пожертвовала деньги на строительство в Кунгурском Иоанно-Предтеченском женском монастыре домово́й церкви в честь Св. Великомученика Пантелеимона и Св. праведника Симеона Верхотурского. Позднее в этот же храм ею было передано напрестольное евангелие (издания 1857 года) в серебропозлащенном окладе, серебряный крест весом 2 фунта 76 золотников, а также серебропозлащенные ризы на иконы Вседержителя и Владимирской Божией Матери¹⁵.

Старшая дочь Губкиных, Александра Степановна, была замужем за кунгурским купцом второй гильдии Иосифом Титовичем Ковалевым. Фекла Степановна – за известным в городе чиновником, статским советником Николаем Михайловичем Столбовым.

Марию Степановну выдали замуж за Оханского уезда Нытвенского завода вольноотпущенного князя Голицына Ивана Ивановича Казакова (род. 1832). Их бракосочетание состоялось в Кунгуре 4 ноября 1870 года¹⁶. Как сложилась судьба еще одной дочери Губкиных – Любви Степановны, пока не известно.

Анна Степановна Губкина замуж не выходила. Занималась общественной деятельностью. В 1880-х годах вносила значительные средства на перестройку Тихвинской церкви. Этому же храму она подарила одноэтажный деревянный дом¹⁷. В 1888 году преподнесла в Благовещенский собор серебряный крест стоимостью 2000 руб.¹⁸. За заслуги и пожертвования по духов-

ному ведомству в 1885 году А. С. Губкина вместе с сестрами была награждена грамотой Св. Синода ¹⁹.

Анна Степановна всегда охотно отзывалась на события городской жизни. Об этом свидетельствует, в частности, ее заявление в Кунгурскую Городскую Думу в 1876 году. «Как известно мне, – пишет А. С. Губкина, – Кунгурская Городская Дума на одном из последних заседаний своих, обсуждая вопрос о продолжении постройки общественных рыбных лавок, поручила Городской Управе достраивать таковые на имеющиеся средства (6000 руб.), но в случае недостатка оных заключила позаимствовать необходимую сумму у частных лиц, с согласия Думы. В виду сего я нашла возможность предложить Городскому обществу услуги свои: если оно будет иметь действительную надобность в займе денег на достройку памятных лавок, то капитал мой от 5000 до 8000 руб. всегда свободных для этой надобности за 6% годовых с условием, чтобы как проценты, так и капитальную сумму уплачивать мне по истечении каждого года, последнюю же по равной части в течение четырех лет»²⁰.

Купецкая дочь Анна Степановна Губкина умерла 30 августа 1888 года в возрасте 45 лет от «расслабления организма». Похоронена на Вознесенском кладбище ²¹.

В 1891 году наследники С. С. Губкина продали опустевший родительский дом известному кунгурскому купцу Я. А. Колпакову за 7500 рублей ²². После революции здание было национализировано и подверглось значительной перепланировке. Первоначально использовалось как жилое, затем в нем находился ряд организаций. В 1942 году в бывшем особняке был открыт детский сад № 15 Кунгурского машзавода ²³. Во второй половине 1960-х годов дом передали системе здравоохранения. Сначала в нем размещалась городская санитарно-эпидемиологическая служба. С конца 1970-х годов в здании находится отделение скорой медицинской помощи центральной городской больницы.

Флигель долгое время использовался под жилье. Сейчас в нем магазин «Ирина». Двухэтажный каменный служебный корпус, построенный в 1868 году, переоборудован под склады и гаражи. О былом великолепии старой купеческой усадьбы напоминает и сохранившаяся до наших дней каменная ограда.

1. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 232. Л. 15.
2. ККМ.
3. *Шилов А. В.* Чайная торговля в России и на Урале в XIX веке // Кунгур – чайная столица Российской Империи. – Кунгур, 2007. С. 13.
4. Именной список домовладельцам г. Кунгура с показанием ценности и доходности их недвижимых имуществ, по оценке Кунгурской земской оценочной комиссии в 1889 году // ККМ. ОФ 6122/7. С. 60.
5. *Дмитриев А. А.* Биографический указатель памятных деятелей Пермского края. – Пермь, 1902. С. 13.
6. *Старицын Н.* Кунгурский Благовещенский собор // ПЕВ. 1869. С. 308.
7. Там же.
8. *Золотов Е. Д.* Церковная летопись города Кунгура // ПЕВ. 1902. С. 275.
9. *Золотов Е. Д.* История храмов Кунгура. Рукопись. ККМ. ОФ 6122/51 д-5464. Л. 92.
10. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 92. Л. 130 (об.).
11. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 232. Л. 15.
12. Архив Кунгурского БТИ.
13. *Старицын Н.* Указ. соч. С. 307–308.
14. *Золотов Е. Д.* История храмов Кунгура... С. 89.
15. Там же. С. 132.
16. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 6. Л. 247.
17. *Летихина З. Я.* Православный Кунгур. – Пермь: Энтер-профи, 1999. С. 93.
18. *Золотов Е. Д.* История храмов Кунгура... С. 99.
19. ПЕВ. 1885. С. 251.
20. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1876 год. – Кунгур: Типография А. Зубарева, 1877. С. 93–94.
21. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 24. Л. 569.
22. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1898 год. – Кунгур: Типография А. П. Паркачевой, 1898. С. 25.
23. *Мушкалов С. М.* А он работает, живет. К 125-летию Кунгурского машиностроительного завода. – Пермь: Раритет-Пермь, 2002. С. 151.

ГЛАВА 2. КУПЕЦ, КОТОРОГО ЖАЛОВАЛ САМ ЦАРЬ

ЧАЙНЫЙ МАГНАТ

Средний из братьев, Алексей Семенович Губкин, родился в Кунгуре 14 марта 1816 года. Получив в семье лишь домашнее образование, будущий чайный магнат унаследовал от родителей «любовь к труду и деятельности, любовь к народу, а также чувство страха Божия и преданность святой церкви»¹. Эти качества он бережно нес в течение всей жизни.

Первоначально Алексей Семенович вместе с отцом и братьями занимался доставкой мануфактурных товаров в Сибирь. Однако в 1840 году отделился от них. Получив в качестве стартового капитала 10 тысяч рублей, он вложил их в торговлю чаем, чем немало удивил современников.

Дело в том, что торговля чаем в те годы считалась откровенно невыгодной. Продукт этот числился тогда среди редких товаров и широкого потребления не имел. Поэтому в большинстве регионов страны чай был баснословно дорог.

Дороговизна эта обуславливалась целым рядом причин. Во-первых, чай закупался за пределами России, в Китае, в связи с чем его доставка потребителю сопровождалась значительными расходами. Во-вторых, «заграничный» товар облагался высокой пошлиной. Кроме того, общеизвестно, что торговля с Китаем тогда носила в основном меновой характер. Причем, из всех русских товаров китайцы предпочитали мануфактуру. Но цены на оба вида товаров были разными, так что сделки производились не в пользу русских купцов.

Однако вскоре рыночная конъюнктура в стране изменилась. На рубеже 1830–1840-х годов цены на мануфактурные товары стали резко падать, а на чай, наоборот, возросли.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Губкин снарядил гужевые возы с мануфактурой и кожами. Не имея еще приказчиков, он сам отправился в далекое путешествие. Благо, что дорога в Забайкалье была молодому купцу хорошо знакома. Этим путем он не раз возил товары вместе с отцом.

В Кяхте, которая к тому времени стала своеобразным центром российско-китайской торговли, изделия кунгурских ремес-

ленников Алексей Семенович очень выгодно обменял на чай. Были это не привычные для нас пачки с акцизной ленточкой, упакованные в ящики, а едва просохшие, сбитые в большущие тюки зеленые не рассортированные листья. Дома подшучивали: «Мало своих, так Алешка удумал закупить банные веники. И не где-нибудь, а таскался за ними аж в Кяхту»².

Так завязалось одно из самых доходных в России дел. Новый товар предстояло поставить на поток. Путь был дальний: на лошадях тюки с чаем везли из Китая через всю Сибирь на знаменитую некогда Ирбитскую ярмарку – это более четырех тысяч верст, полных опасностей.

Какие бы то ни было опоздания исключались. Точно в срок Алексей Губкин продавал оптом свои «веники» уральским купцам, а то, что оставалось, успевал перебросить на ярмарку в Нижний Новгород.

Окупив с лихвой все затраты, Губкин стал с тех пор ежегодно снаряжать в Кяхту обозы. Однажды в Кунгур, где у него была своя чаеразвесочная, Губкин привез товар караваном верблюдов. Поглазеть на невиданных животных собралось почти все население города. Сопровождаемые шумом толпы, «корабли пустыни», груженные тюками с чаем, мерно брели по пыльным улицам. Воспоминания об этом событии надолго остались в памяти кунгуряков³.

Пример молодого кунгурского предпринимателя оказался заразителен. В Кяхту устремились купцы из многих регионов России. Возникла острая конкуренция.

Но Губкин, предвидя подобное развитие событий, постарался прочно занять свое место. Прежде всего он упорядочил цены на разные сорта чая. Торгуя на ярмарках, развешивал чай в любых количествах по требованию покупателя. Это был довольно смелый шаг, ибо оптовые продавцы (торговля чаем велась лишь крупными партиями – так называемыми «фактурами», а розницы не было совсем) всячески противодействовали такому началу.

Алексей Семенович стал детально интересоваться сортами чая, упаковкой, способами перевозки. Это помогало ему постоянно учитывать запросы потребителей и своевременно реагировать на них. «Наилучший продукт по дешевой цене в любое время, в любом месте доставить потребителю», – эти слова стали

основным принципом торговой деятельности кунгурского чае-торговца.

Благодаря принятым мерам, А. С. Губкин смог не только удержать свою фирму на плаву, но и занять ведущие позиции в чайной торговле в масштабах всей страны. Кроме того, он приобрел репутацию человека, который смог «цивилизовать российскую чаеоторговлю»⁴.

Но Алексей Семенович, даже прочно встав на ноги, не остановился на достигнутом. Он постарался обосноваться непосредственно на китайском рынке и усовершенствовать процесс закупки чая. С этой целью в Китай выехала целая группа доверенных лиц. Среди них был и молодой кунгуряк Михаил Грибушин.

Свою службу в фирме именитого земляка Михаил Иванович начал двенадцатилетним подростком. Первоначально был швейцаром. Спустя три года переехал в Кяхту, где прожил пять лет. Вершиной карьеры стала для него должность управляющего чайными плантациями в Китае⁵. В 1856 году М. И. Грибушин, которому едва исполнилось 24 года, объявил об открытии собственного торгового дела. Возможно, к этому его подтолкнул сам Алексей Семенович Губкин.

В фондах Кунгурского городского архива сохранились прошения А. С. Губкина: «На производство торговли в настоящем 1867 году по городу Бирску и уезду оного равно и в других местностях, даю я доверенность кунгурскому мещанину Павлу Андрееву Ковригину, которую представляю при сем Всеподданнейше прошу»⁶.

Другие доверенности были выданы им «Арскому второй гильдии купеческому сыну Осипу Яковлеву Молоткову на производство торговых дел моих в кяхтинской пограничной торговой слободе» (14 января 1867 года)⁷; «Кяхтинскому первой гильдии купцу Николаю Алексееву Иванову на принятие товаров моих от Торгового дома Окулова и Токмакова в Ханькоу» (29 марта 1867 года)⁸; «Крестьянину Бирского уезда Аскинской волости села Аскино Степану Тихонову Викутину на производство торговли моей в городе Бирск и уезде его» (4 мая 1867 года)⁹; «Кяхтинскому купцу первой гильдии Михаилу Федорову Немчинову на приемку у Александра Иванова Игумнова принадлежащих мне товаров» (13 июля 1867 года)¹⁰.

На каждом из перечисленных документов имеется приписка, сделанная рукой самого чайного магната: «К сему прошению потомственный почетный гражданин, кунгурский I гильдии купец Алексей Семенов Губкин руку приложил жительство имею в городе Кунгуре в собственном доме»¹¹.

В 1879 году А. С. Губкин начал осваивать завоз чая морем через Одессу. Это позволило значительно сократить накладные расходы и снизить цены. В результате чай стал более доступен широким слоям населения.

С начала 1880-х годов фирма Губкина стала получать чай не только с собственных плантаций в Китае, но и приобретать его на Лондонском чайном рынке. Ежегодный торговый оборот купца в этот период составлял более шести миллионов рублей¹². Немалую часть полученной прибыли Алексей Семенович направлял на благотворительность.

-
1. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 339.
 2. <http://www.08.nov.ru/journal/105/>
 3. *Шадрин А. П.* Купец, которого жаловал сам царь // Искра. 1993. 25 февраля.
 4. *Микитюк В. П.* Как уральский торговец всю Россию чаем напоил // Помещик. 2005. № 10. С. 68.
 5. ГАПО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 452. Л. 91.
 6. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 285. Л. 4.
 7. Там же. Л. 13.
 8. Там же. Л. 35.
 9. Там же. Л. 36.
 10. Там же. Л. 44.
 11. Там же. Л. 36.
 12. *Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал. – СПб, 1904. С. 252.

ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН

В памяти кунгуряков А. С. Губкин остался не только удачливым предпринимателем, но и видным общественным деятелем. Он служил по выбору бургомистром в городском магистрате, трудился в отделении Сибирского банка, избирался гласным Кунгурской Городской Думы, был почетным мировым судьей.

По воспоминаниям современников, купец «в делах общества принимал самое живое участие и многие граждане в нем находили опытного советника и руководителя, а в случае надобности и защитника»¹.

За свои труды на благо города, службу в Сибирском банке и заслуги по епархиальному ведомству Алексей Семенович был награжден двумя золотыми медалями на Аннинской и Станиславской лентах, знаками Палестинского общества, общества спасения на водах и Красного Креста². В июле 1872 года «за особые труды и значительные пожертвования по учреждению технического училища» он был «Всемиловитейшее пожалован» орденом Св. Владимира 3-й степени³.

В июле 1873 года А. С. Губкин, в числе других именитых жителей города, встречал на кунгурской земле великого князя Алексея Александровича. Вместе с М. И. Грибушиным, бывшим в то время городским головой Кунгура, и В. А. Пиликиным Алексей Семенович преподнес высокому гостю «хлеб и соль». После молебна, состоявшегося в Благовещенском соборе, Его Императорское Высочество при огромном стечении народа «изволил» на городском экипаже прибыть в дом почетного гражданина Г. К. Кузнецова, где был накрыт «обеденный стол». Из числа кунгуряков на торжественный обед были «удостоены приглашения» лишь А. С. Губкин, городской голова М. И. Грибушин да председатель Уездной Земской Управы В. В. Расов⁴.

В августе 1873 года Алексею Семеновичу по Высочайшему повелению было присвоено звание «Почетный гражданин города Кунгура»⁵. Получив сообщение о столь знаменательном событии, Кунгурская Городская Дума отметила, что «городское общество принимает за особую честь иметь в своей среде Почетным Гражданином такое лицо, как всеми уважаемый А. С. Губкин, неоспоримо заслуживший полнейшую благодарность общества незабвенными пожертвованиями в пользу города»⁶. По инициативе Думы была создана особая депутация в составе городского головы, членов управы, а также А. Г. Пиликина, А. М. Пономарева, И. Е. Симакова, Н. П. Риттер и А. С. Мельникова, которая вручила купцу благодарственный адрес⁷.

В ноябре 1874 года «во внимание к обширным торговым оборотам и полезной деятельности» Алексей Семенович был

удостоен звания коммерции советника. В том же месяце пожалован Государыней Императрицей фотографическими карточками императорской четы за «значительные пожертвования в пользу воспитательных и благотворительных заведений». В ноябре 1878 года получил чин статского советника. В ноябре 1879 года был удостоен особой «признательности» от жены наследника престола Марии Федоровны за пожертвования на устройство барачков при общине Св. Георгия в Петербурге.

В июне 1881 года «во внимание к благородной деятельности и значительным пожертвованиям на общепользные дела» А. С. Губкин был Высочайше пожалован чином действительного статского советника. В том же году он получил благодарность императора Александра III за пожертвования на устройство земледельческих колоний для административно-ссылных. В сентябре 1883 года Алексею Семеновичу были Всемилостивейше предоставлены права и преимущества, сопряженные с чином действительного статского советника, наравне с лицами, состоящими на действительной гражданской службе ⁸.

Таким образом, некогда «незначительный кунгурский торговец» благодаря своей энергичной деятельности, природному уму и терпению развил свою торговлю до «громадных размеров», стал известен «чрезвычайно далеко», а за свою «любовь к развитию знаний в России» и щедрые пожертвования достиг чина действительного статского советника, получив потомственное дворянство Российской Империи.

-
1. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 339.
 2. Там же. С. 333.
 3. Там же. С. 344.
 4. Журналы Кунгурского Уездного Земского собрания за 1873 год. – Вятка. Печатня А. А. Красовского, 1874. С. 528.
 5. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 344.
 6. *Семенов В. Л.* А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 45.
 7. Там же.
 8. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 344–345.

БЛАГОДЕТЕЛЬ

Начиная собственное торговое дело, Алексей Семенович дал обет: «по копейке с каждого приобретенного им рубля отдавать Богу или бедным». И этой клятве он был верен всю жизнь.

Значительную помощь именитый часторговец оказывал Благовещенскому собору, прихожанином которого был. По воспоминаниям современников, «соборный храм и извне, и внутри был украшен преимущественно на его средства»¹.

В начале 1860-х годов купец пожертвовал 10 тысяч рублей на строительство нового иконостаса². «Прекрасная стенная живопись внутри собора, величественный иконостас и больших размеров серебряный вызолоченный на престольный крест с таким же пьедесталом, служат и на долгое время будут служить памятником любви и усердия Алексея Семеновича к этому храму», – писал близко знавший А. С. Губкина пермский историк В. Н. Шишонко³.

На средства Алексея Семеновича на колокольне собора установили шар и восьмиконечный крест, вызолоченные через огонь⁴. В 1867 году приобрели для иконы «Вход Господень в Иерусалим» украшенную драгоценными камнями и «осыпью» серебропозлащенную ризу «высокой художественной работы», стоимостью 1500 рублей⁵. В 1880 году А. С. Губкин пожертвовал 4000 рублей на устройство в храме калориферной системы отопления⁶. В 1883 году передал в дар три ризы и два стихаря из золотой парчи стоимостью 3000 рублей⁷. После смерти купца в храм также поступила принадлежавшая ему небольшая икона Божией Матери «Нечаянная Радость» в серебропозлащенном окладе⁸.

Оказывал Алексей Семенович помощь и другим кунгурским храмам: Иоанно-Предтеченскому, около которого были погребены его супруга и дочь, и Тихвинскому, в ограде которого обрели место вечного упокоения его родители. Кунгурскому Иоанно-Предтеченскому женскому монастырю купец пожертвовал пять колоколов, общим весом 33 пуда 13 фунтов, а также выстроил в обители на свои средства один из келейных корпусов⁹.

Помогал Губкин и бедным кунгурякам, прежде всего ремесленникам-челоботарям. Как известно, Кунгур «издревле» был одним из центров кожевенного производства. В городе работало

несколько заводов, на которых выделялся «разных сортов ко-
жевенный товар, который здесь же, в Кунгуре, перешивался на
обувь»¹⁰.

По свидетельству В. Н. Шишонко, кунгуряки занимались по преимуществу шитьем обуви, причем, шили на дому целыми семьями. «Когда сбыт товара в Сибири хорош, – пишет Василий Никифорович, – купцы имеют нужду в ремесленниках-швецах, платят им за работу хорошо, а в случае застоя в торговле, убавляют заработанную плату, уменьшают количество самой работы, а некоторым и совсем отказывают от работы. В этом случае мешчане, не зная никакого другого ремесла, терпят большую нужду и стараются покупать коженый товар на свой счет, шьют из него обувь и продают на рынке.

В торговый день (понедельник) все чеботари, имеющие готовый товар (сапоги, башмаки, рукавицы, перчатки и проч.), выносят его в коженый ряд и здесь ждут покупателей. Почти каждый из этих ремесленников с нетерпением ждет покупателей, чтобы поскорее продать свой товар, на вырученные деньги купить кожи для работы на неделю, а на остальную сумму купить хлеба и разной провизии для семьи, нередко состоящей из 6–8 человек, а то и более.

Можно представить критическое положение этих бедняков, когда товар остается у них непроданным: целую неделю им приходится сидеть без работы и без хлеба. А если и в следующий через неделю торговый день будет такое же несчастье? А таких бедняков-сапожников бывают иногда не только десятки, а целые сотни. Поневоле должны они отдавать свой товар скупщикам за предлагаемую последними цену, лишь бы не остаться без работы и без хлеба.

Хорошо еще, если покупатель отдает наличные деньги, а то нередко случается, что покупатель – коженый заводчик – непременно постарается, купивши сапоги, взамен денег наградить кожей своего завода, поставивши ей цену по своему усмотрению, и дать лишь часть денег – на пропитание. Конечно, к таким мерам прибегали и прибегают только незначительные заводчики и коженники, любители поприжать бедняков, а солидные заводчики и коженники очень редко и вообще мало покупают с рынка.

Такое крайне незавидное положение ремесленников бывало довольно часто, особенно в так называемое глухое время, т. е. вскоре после Крестовской ярмарки, и в начале зимы, когда требование на шитый кожевенный товар бывает самое незначительное, и после Ирбитской ярмарки»¹¹.

Вот в это критическое для ремесленников время Алексей Семенович «появлялся раза два-три на рынок, покупал у них товар за наличные деньги, а потом чеботари сами уже несли свою работу прямо к нему на дом и получали деньги. Таким образом, он давал им возможность существовать и работать. Притом, он, как хорошо знавший достоинство товара и работы, выдавал настоящую цену, чем поднимал цену вообще на работу и не давал другим эксплуатировать ремесленников. Такие покупки кожевенного товара он делал несколько раз. Случалось даже и так, что в некоторые годы он и не думал покупать обувь, но чеботари, вынужденные недостатком работы, а потому и хлеба, не продавши свой товар на рынке, прямо шли к нему и просили купить, – и он покупал»¹².

Оказывал купец и другую помощь беднейшему населению. Так, например, в 1877 году, когда неурожай в восточной части России вызвал «страшную дороговизну хлеба», он купил 2000 кулей муки. Ее выдавали «в продолжение почти года» одним беднякам совершенно бесплатно, а другим – за умеренную плату. «Это благодеяние, – отмечал В. Н. Шишонко, – было тем полезнее, что повлияло на понижение цены на хлеб, и, значит, освободило от лишней переплаты и тех городских жителей, которые покупали муку с рынка: они имели теперь возможность покупать хлеб много дешевле, как рассчитывали раньше хлебные торговцы»¹³.

Благотворительность А. С. Губкина не ограничивалась только родным городом. По воспоминаниям современников, он весьма охотно «отзывался на все государственные нужды и полезные для России начинания»¹⁴. Так, например, в 1874 году пожертвовал 15 тысяч рублей в пользу Царскосельской Мариинской гимназии, 10 тысяч рублей – Николаевской мужской гимназии, 10 тысяч рублей – женскому ремесленному училищу, 15 тысяч рублей – в пользу состоящей под Высочайшим покровительством школы фельдшерниц, а также 50 тысяч рублей – на

сооружение в Петербурге инвалидного дома. В 1879 году внес 5 тысяч рублей на устройство барачков при общине Св. Георгия в Петербурге, в 1881 году – 50 тысяч рублей на организацию земледельческих колоний для административно ссыльных¹⁵. Полезная деятельность Алексея Семеновича и его щедрые пожертвования обратили на него милостивое внимание императорской четы.

Между тем, отношение в обществе к именитому кунгуряку было весьма неоднозначным. В 1881 году в одной из уральских газет появилась заметка, в которой рассказывалось о визите к предпринимателю членов Ирбитского комитета о бедных: «...две из них отправились на квартиру одного такого богача и будто бы благотворителя А. С. Губкина...Минуты через две выходит г. Губкин, остановясь в дверях, сухим деловым тоном спросил: «Что вам нужно?!» Одна из дам объяснила в чем дело. Он, почти не дав ей договорить, ответил: «Не могу, ничего не могу», повернулся и ушел. Подобный прием с непривычки произвел на просительниц крайне неприятное, тяжелое впечатление. Воочию узнали они, каковы эти хваленые благотворители»¹⁶.

И тем не менее, даже несмотря на подобные суждения, почетный гражданин города Кунгура Алексей Семенович Губкин заслужил неоспоримое право на память и уважение со стороны россиян, не утративших «любви к Отечеству и сознания национальной гордости».

-
1. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 340.
 2. *Золотов Е. Д.* Церковно-приходская летопись Благовещенского собора города Кунгура. Рукопись. ККМ. ОФ 6122/51 д-5464. С. 47.
 3. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 340.
 4. *Золотов Е. Д.* Указ. соч. С. 22.
 5. Там же. С. 50.
 6. Там же. С. 57.
 7. Там же. С. 111.
 8. Там же. С. 78.
 9. *Золотов Е. Д.* Церковная летопись города Кунгура // ПЕВ. 1902. № 13. С. 162–163.
 10. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 341.
 11. Там же.

12. Там же. С. 342.
13. Там же.
14. Там же. С. 344.
15. Там же.
16. *Микитюк В. П.* Как уральский торговец всю Россию чаем напоил // Помещик. 2005. № 10. С. 68.

СЕМЬЯНИН

В начале XIX века богатые люди считали достаточным научить своих детей читать, писать и считать. Поэтому и А. С. Губкин получил лишь домашнее образование. С таким багажом знаний будущий чайный магнат и начал свой жизненный путь.

Между тем, «он ... получил в своей семье любовь к труду и деятельности, любовь к народу, а также чувство страха Божия и преданность к св. церкви. Воспитанный в религиозной семье, строго соблюдавшей и постановления св. церкви, и прекрасные старинные русские обычаи и предания, он всегда свою жизнь был преданным сыном св. церкви, горячим патриотом и другом народа, – не на словах, а на самом деле. Он никогда не был красноречивым или любителем поболтать, а говорил мало, но веско. Красноречивее всяких слов он выражал свою любовь к народу своими делами»¹. Кроме того, в памяти кунгуряков купец остался и как истинный «русский хлебосол», любивший «принять и угостить»².

Сведения о семье Алексея Семеновича обрывочны и скудны. Его супруга – Татьяна Ивановна Кузнецова (1821–1875) – была родом из мещанского сословия. На первых порах торговой карьеры мужа она «скупала по домам у жителей города выварки чая, подсушивала их, а затем смешивала с настоящим китайским чаем. Товар расфасовывали и пускали в продажу»³.

В семье Губкиных было две дочери – Анна и Елизавета. Точную дату рождения старшей пока, к сожалению, установить не удалось. Можем лишь предполагать, что она родилась около 1836–1838 годов. В середине 1850-х годов Анну Алексеевну выдали замуж за кунгурского купца первой гильдии Григория Кирилловича Кузнецова (1832–1897). В их семье было трое детей: Александр, Мария и Николай.

Сохранились сведения, что Анна Алексеевна была слаба здоровьем. Поэтому она прожила лишь около тридцати лет⁴. Точная дата ее кончины пока не установлена, так как в метрических книгах кунгурских храмов за 1865–1870-е годы запись об этом событии отсутствует.

Не отличались крепким здоровьем и внуки А. С. Губкина. Так Александр Григорьевич Кузнецов, унаследовав от матери болезнь легких, ушел из жизни в 1895 году в возрасте 39 лет. Четырьмя годами раньше умерла от туберкулеза и его сестра – Мария Григорьевна (в замужестве – Ушкова). Третий внук именитого чаоторговца – Николай – скончался 17 марта 1869 года в возрасте 8 лет от скарлатины и был похоронен на Вознесенском кладбище⁵.

Короткой оказалась жизнь и младшей дочери Алексея Семеновича – Елизаветы. Она умерла 16 января 1868 года в возрасте 4 лет от скарлатины. Отпевание девочки состоялось в Благовещенском соборе, прихожанами которого были ее родители. Похоронили усопшую на Иоанно-Предтеченском кладбище⁶.

По свидетельству В. Н. Шишонко, младшая дочь была «единственным утешением» как самого Алексея Семеновича, так и его жены. Смерть девочки стала для них «тяжелым испытанием, ниспосланным свыше». К тому же сама Татьяна Ивановна в этот период была тяжело больна, а вскоре и вовсе «лишилась зрения». Потеря дочери и подала первую мысль тоскующим по ней родителям устроить судьбу бедных девочек-сирот⁷.

В 1872 году купец основал в городе Общественный приют для девочек (впоследствии переименованный сначала в Елизаветинский дом призрения бедных детей в Кунгуре, а затем – в Елизаветинскую рукодельную школу) и выделил на его содержание 30 тысяч рублей⁸. Первоначально заведение располагалось в одном из корпусов Иоанно-Предтеченского женского монастыря. Позднее для него было выстроено особое трехэтажное здание на углу Успенской и Фроловской улиц. Подробнее об этом – в очерке «Елизаветинский приют».

Супруга именитого чаоторговца (к тому времени – уже коммерции советника) Татьяна Ивановна Губкина умерла 25 марта 1875 года от аневризма легких в возрасте 54 лет. Ее похоронили на Иоанно-Предтеченском кладбище, рядом с дочерью.

Погребение совершил протоиерей о. Евфимий Веселовский соборно с городским духовенством ⁹.

Со времени погребения дочери и жены Алексей Семенович стал принимать «живое участие» в устройстве кладбищенской Иоанно-Предтеченской церкви, самой бедной и убогой из кунгурских храмов. В 1874 году с согласия купца было предпринято переустройство и расширение церкви. Большая часть материалов и денег получены от него же. Кроме того, Губкин «позаботился» и о внутреннем украшении вновь выстроенного Никольского придела ¹⁰.

Много лет спустя в склепе под алтарем Иоанно-Предтеченской церкви нашел свой последний приют и сам Алексей Семенович. А его внук А. Г. Кузнецов возвел над могилой деда величественный Свято-Никольский храм, один из лучших в Пермской губернии.

1. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 339.

2. Там же.

3. *Лелюхов Л. Н.* История города Кунгура и Кунгурско-Присылвенского края. Глава 13. Рукопись. ККМ. С. 32.

4. *Летихина З. Я.* Кунгурские купцы // Искра. 1994. 12 июля.

5. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 5. Л. 266.

6. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 4. Л. 111.

7. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 342.

8. *Сивков П.* Женский приют в Кунгуре // Екатеринбургская неделя. 1893. 24 октября.

9. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 11. Л. 176.

10. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 340.

ЕЛИЗАВЕТИНСКИЙ ПРИУТ

В январе 1869 года у А. С. Губкина умерла младшая, горячо любимая дочь Елизавета. Ее потеря и подала затосковавшему родителю «первую мысль» «устроить судьбу бедных девочек-сирот»¹.

В 1872 году Алексей Семенович учредил в городе Общественный детский приют. Заведение разместилось на втором этаже одного из келейных корпусов (кстати, построенного в 1968 году на средства того же А. С. Губкина)² Иоанно-

Предтеченского женского монастыря. На содержание приюта купец внес в Кунгурский Общественный Фоминых банк «на вечное хранение» 30 тысяч рублей с условием, чтобы данный капитал «навсегда оставался неприкосновенным»³.

Попечительский комитет заведения возглавил городской голова Кунгура М. И. Грибушин. Ему, в частности, был предоставлен контроль «за правильным обучением и воспитанием детей». 2 мая 1872 года Кунгурская Городская Дума избрала «из среды здешнего купечества» двух товарищей (ими стали купцы второй гильдии Ф. Д. Коробков и В. В. Расов), которым надлежало «ежедневно посещать приют и замеченные ими неисправности доводить до сведения городского головы»⁴.

Однако на территории монастыря приют находился совсем недолго. По свидетельству В. Н. Шишонко, «число девочек-сирот, желавших поступить в приют было значительно больше предназначенных вначале стипендий, а помещение в монастыре было незначительно»⁵.

В письме, направленном в Городскую Думу, Алексей Семенович сообщал: «Городской Управе известно, что мною учрежден при здешнем монастыре приют призрения детей местных жителей. Известно также и то, что по независящим ни от меня, ни от города причинам, я вынужден был возбудить ходатайство о выводе этого приюта из монастыря и о преобразовании его на других началах под непосредственным управлением города с моим личным участием. Дело по этому предмету находилось на рассмотрении Святейшего Синода, теперь окончено разрешением вывода и предоставлением мне права приступить при учреждении нового детского приюта, вне духовного ведомства, действовать на основании существующих постановлений»⁶.

Заручившись поддержкой городских властей, Губкин обратился к пермскому губернатору Н. Е. Андреевскому с просьбой «ходатайствовать в установленном порядке» об утверждении Устава Елизаветинского дома призрения бедных детей в Кунгуре.

Желая, по возможности, организовать управление делами создаваемого приюта «просто и рационально», Алексей Семенович предложил Городской Управе «принять в этом деле участие и образовать структуру приютского управления в составе городского головы в качестве товарища и с сотрудничеством других

лиц, каких Управа сочтет необходимым определить по своему усмотрению с включением на этот предмет и почетных дам города»⁷.

Рассмотрев заявление именитого чаеоторговца, Городская Дума единогласно постановила «образовать состав управления детским приютом под председательством самого учредителя и городского головы в звании попечителя приюта, назначив ему товарищем (заместителем – С. М.) одного из членов Управы и двух других лиц по выбору Думы и с согласия учредителя на каждые три года, а также привлекать через попечителя почетных дам города для наблюдения за питомцами приюта»⁸.

С согласия А. С. Губкина, почетными блюстительницами Елизаветинского приюта были утверждены купеческие жены Александра Степановна Ковалева, Августа Степановна Фоминская, Маремьяна Федоровна Турицына, а также супруга отставного подполковника Александра Ивановна Полежаева⁹. (В последующие годы эти обязанности также исполняли А. И. Кузнецова, Ф. С. Столбова, З. П. Ковалева и Т. Д. Пономарева).

По Уставу Елизаветинский дом призрения бедных детей был рассчитан на «40 человек женского пола»¹⁰. Впредь до постройки особого здания приют разместился «на частной квартире» в доме кунгурского купца В. С. Рязанова¹¹.

Одновременно Губкин направил в Кунгурскую Городскую Думу прошение об отводе «избранного им пустопорожного селитебного места для постройки приюта для девиц бедных граждан города Кунгура». Заслушав обращение, Дума постановила «избранное Губкиным место для постройки приюта» отвести бесплатно¹².

Позднее, когда строительство здания уже шло полным ходом, Городская Дума получила от Алексея Семеновича еще одно прошение. «В видах правильного устройства приютской жизни детей, – писал купец, – я бы желал, чтобы при этом учреждении имелся необходимый для детей сад и другие приспособления для детских упражнений. Вследствие чего покорнейше прошу исходатайствовать разрешение к отводу для этой потребности одного свободного квартала по левую руку от отведенного места под постройку приюта»¹³. Принимая во внимание «заботливость» учредителя, его просьбу, конечно же, уважили.

Кроме того, он также получил «во временное пользование» печь для обжига кирпича и три кирпичных сарая. Однако вскоре, когда одновременно развернулось строительство зданий и приюта, и технического училища, выяснилось, что производительность старых кирпичных сараев низка и «если не принять, необходимых мер, то потеряется бесполезно очень много времени и сама постройка зданий замедлится надолго»¹⁴. Городская Дума в очередной раз пошла навстречу и передала Губкину дополнительно еще «два новых, выстроенных в прошлом году, кирпичных сарая»¹⁵.

Проект здания Елизаветинского приюта разработал известный петербургский архитектор Р. Р. Генрихсен¹⁶. Документ был Высочайше утвержден 26 июня 1874 года. По плану на отведенной усадьбе на углу Успенской и Фроловской улиц, помимо трехэтажного основного корпуса, предполагалось возвести одноэтажный каменный дом для размещения служб, ледников, сараев и конюшен, каменное здание для учебной прачечной и бани, а также отдельное деревянное строение для дворника и сторожей¹⁷.

Закладка комплекса состоялась 9 мая 1876 года. По свидетельству очевидцев, к месту, назначенному для постройки, одновременно прибыли крестные ходы из Благовещенского собора и Скорбященской церкви. «При большом стечении народа, – отмечали кунгуряки, – был отслужен молебен и совершена закладка здания местным соборным протоиереем Е. В. Веселовским со всех четырех углов. После молебна был устроен обед»¹⁸.

Строительные работы продолжались более двух лет и обошлись А. С. Губкину, по данным В. Н. Шишонко, в 360 тысяч рублей¹⁹. (Корреспондент «Екатеринбургской недели» Павел Сивков приводит в своей публикации другую сумму затрат – 150 тысяч рублей²⁰).

Торжественное открытие здания состоялось 29 октября 1878 года. После благодарственного молебна городской голова И. Т. Ковалев и сопровождавшие его гласные Городской Думы В. Е. Фоминский и Д. Е. Семовских вручили учредителю приюта памятный адрес. За обедом два хора певчих: женский – из обитательниц приюта и мужской – соборный – пропели народный гимн²¹.

«Я оглянулся, – пишет специально приехавший для освещения события корреспондент «Пермских губернских ведомостей», – с одной стороны – громадное, освещенное газом здание школы, с другой – погруженный в серебристую дымку город. А над всем этим тихая лунная ночь. Какая чудная картина»²².

На следующий день журналист стал свидетелем разговора двух кунгурских мешан. «Теперь, брат, – говорил один из них, – нам и железной дороги не надо. Что ж, что она мимо прошла. Город не обеднеет ... пока Губкин жив, только дай Бог ему веку»²³.

Возведенный для приюта дом был рассчитан на 80 воспитанниц. Комнаты в нем устроены высокие, хорошо освещенные, с прекрасной вентиляцией. Дортуары могли вместить до ста человек. Здание было оснащено многими техническими новинками того времени: освещалось газом, имело собственный водопровод и паровое отопление²⁴.

На первом этаже размещались комнаты для воспитанниц, помещения кастаньянши, ключницы, швейцаров, кухарок, прачек, а также кухня, буфет, пекарня и столовая. На втором – рекреационный зал, классы, контора, квартира начальницы, умывальня, кабинеты для хранения классных принадлежностей. На третьем этаже находились спальни, умывальни, помещения для хранения белья, гимнастический зал, библиотека, лазарет, аптека, комната для сиделок и изолятор. Территория усадьбы была обнесена каменной оградой. Большое пространство внутри двора отводилось для занятий гимнастикой. Позади служебных помещений был разбит сад и огород²⁵.

Заведение было принято под покровительство Императрицы Марии Федоровны. Девять воспитанниц стали стипендиатками Императрицы, а еще две – Великой княгини Ксении Александровны²⁶.

По Уставу в приют, устроенный А. С. Губкиным, принимались дети от 2 до 12 лет из бедных семей. В заведении они могли находиться до 16 лет, а сироты – до 18 лет. При поступлении девочки осматривались врачом, и тех, кто имел какие-либо «неизлечимые болезни», в приют не зачисляли.

С семилетнего возраста воспитанницы обучались грамоте и наукам по программе приходских училищ. Кроме того, им преподавали церковное пение, рукоделие и ремесла. Более способ-

ные ученицы после окончания своего курса могли продолжить учебу в Кунгурской женской прогимназии.

Старшие воспитанницы осуществляли «надзор» за младшими, «учились разным предметам, какие необходимы в быту порядочной хозяйке: подметать и мыть полы, чистить посуду, готовить пищу, накрывать и убирать столы, чистить и чинить белье, обрабатывать огород»²⁷. На выходные девочек отпускали к родителям или родственникам «хорошего нравственного поведения»²⁸.

В июле 1882 года А. С. Губкин возбудил ходатайство о преобразовании Елизаветинского дома презрения бедных детей в рукодельную школу. В связи с этим купец дополнительно пожертвовал на содержание приюта капитал в 200 тысяч рублей. «Увеличив средства заведения, – отмечал Алексей Семенович, – я желал бы, чтобы учебная программа школы была шире, чем это практиковалось в доме призрения»²⁹. Кроме того, он предложил передать школу из ведомства Министерства внутренних дел в Министерство народного просвещения.

Однако процесс по ряду объективных и субъективных причин растянулся на несколько лет. И в своем новом качестве – как Елизаветинская рукодельная школа – приют начал действовать лишь с 13 октября 1885 года. В режим учреждения был внесен ряд изменений. Так, например, поступить в него девочки теперь могли лишь с семи лет. Полный курс учебы был рассчитан на пять лет с распределением учащихся на пять классов. Обучение шло по программе трехклассных женских прогимназий «с присоединением кратких сведений из естественной истории в применении к хозяйству и гигиене»³⁰.

Параллельно с занятиями в классах воспитанницы обучались приемам кройки и шитья, вязанию, вышиванию «бумагой», шерстью, бисером и шелком, плетению кружев, необходимым «домашним работам», а также чеботарному ремеслу (в связи с чем девочек часто называли «августейшими башмачницами») ³¹.

Все предметы были обязательны для учащихся, за исключением пения, которому обучались лишь «обладающие достаточным голосом и слухом». Воспитанницы, прошедшие курс первых двух классов, но «не подающие надежд на успешное прохождение дальнейшего курса наук», занимались исключительно

рукоделием и исполняли «разные домашние работы по хозяйству»³².

Воспитанницы, окончившие пятилетний курс обучения, работали в белошвейной и модной мастерских. Под руководством особых мастериц девушки выполняли «необходимые работы» для рукодельной школы, а также частные заказы на платье, белье, метки и разные вышивки³³. Услугами мастерских рукодельной школы пользовались многие именитые купеческие семьи Кунгура: Грибушины, Сартаковы, Пономаревы, Якушевы³⁴. Сохранились сведения, что четвертая часть средств, полученных от частных заказов, поступала в пользу ученицы, выполнившей работу³⁵.

Воспитанницы, окончившие курс с особым отличием по успехам и поведению, получали звание «ученой мастерицы». Если девушки по достижении 16-летнего возраста в течение полугода исполняли обязанности помощницы учителя или учительницы в каком-либо начальном училище, то они могли получить звание первоначальных или народных учительниц. Окончившие курс с удовлетворительными успехами получали свидетельство на звание «мастерицы»³⁶.

Сохранились сведения, что воспитанницы относились к учредителю приюта с глубоким почтением. В дни памяти Алексея Семеновича, а также его жены, дочерей и внука девочки ходили в церковь к заупокойной обедне и панихиде. В канун каждого воскресного и праздничного дня в здании школы совершалось всенощное бдение. А в праздники воспитанницы обязательно посещали приходскую церковь.

В свободное от занятий время, а также в праздничные дни и летом на даче с целью «укрепления сил и здоровья» для девочек устраивались игры на открытом воздухе в крокет, серсо, кегли, мячи. В 1900 году на средства, заработанные от частных заказов, был приобретен волшебный фонарь для «полезного развлечения и занятия воспитанниц». Кроме того, в рукодельной школе имела неплохая библиотека, насчитывавшая свыше 780 томов. Однако книги для чтения выдавались лишь в каникулярное время и праздничные дни.

Летний период воспитанницы рукодельной школы жили на даче. По свидетельству очевидцев, «жизнь на даче, кроме укрепления здоровья и пользования отдыхом и чистым свежим возду-

хом, вносила некоторое разнообразие в жизнь закрытого заведения»³⁷. Некоторых девочек в летнее время, а также в рождественские и пасхальные каникулы, по просьбе родителей и на усмотрение начальницы школы, отпускали на небольшой срок к родным.

Несмотря на то что режим в приюте был достаточно строгий, бывшие воспитанницы всегда с теплотой вспоминали о времени, проведенном в его стенах. «Как воскресают воспоминания о школе, – писала Анна Федоровна Анкушина, – ведь 10 лет пробыто. Разве можно забыть. Нет, нет не забыть... Только потом, узнав жизнь на воле и испытав все ее радости и горести, школа и все остальное, связанное с ней, как приятное светлое мгновение пролетело и исчезло вдаль, пережито так красиво»³⁸.

«Мы вставали в семь часов утра, – вспоминала бывшая воспитанница рукодельной школы Татьяна Ивайлова (Кривоусова), – умывались, одевались, заправляли постель и шли парами в зал на молитву. Затем шли в столовую завтракать. Пили чай, к которому давали кусок белого хлеба и пиленый сахар. После чая расходились. Младшие, до восьми лет, играли кто как мог. Остальные отправлялись по классам. После 4-х уроков был обед, который в простые дни состоял из двух блюд, а в праздничные – из трех. На третье давали компот или сладкий молочный кисель. В пять часов снова был чай, а в восемь вечера – ужин.

Кормили нас неплохо. Обращение преподавателей было хорошее. Но за непослушание наказывали: ставили в коридор перед квартирой начальницы, снимали фартук, и последнее наказание – садили в отдельную комнату. Если все эти наказания не помогали, то исключали из школы.

При мне несколько раз устраивалась выставка рукодельных работ воспитанниц школы. Там были рисунки масляной краской и акварелью, выжигание, выпиливание. После выставки устраивалась продажа всех работ, а спрос на них был очень большой. Вырученные деньги шли в фонд школы.

Интересовались мы и политикой. Некоторые книжки потихоньку нам передавали ученики технического училища. Эти книжки про Ленина нам приходилось прятать, даже зарывали в землю, предварительно хорошо завернув»³⁹.

Воспитанницы оставались в приюте до 18 лет. Однако бедные девушки, у которых не оказывалось родственников, могли

находиться в заведении до 20 лет, «пока не выйдут замуж или не подыщут подходящего места»⁴⁰.

По выходе из рукодельной школы каждая девушка получала приданое: шубу, пальто, белье и, кроме того, 100 рублей деньгами. По свидетельству очевидцев, на выданные деньги начальница покупала со скидкой материал, обувь, одежду и даже швейные машины, и пока ученица не сошьет для себя все необходимое, ее из школы не выпускали⁴¹. Например, упоминавшаяся выше Татьяна Ивайлова, получив по выходе из приюта 125 рублей и, кроме того, еще 25 рублей за выполнение частных заказов, приобрела на эти деньги по 6 предметов нижнего белья, несколько блузок, 3 шерстяные юбки, 4 платья (из них – два шерстяных), постельное белье (простыни, наволочки, плюшевое одеяло), 6 полотенец, 2 скатерти (одну – суровую, другую – белую, и к ней 12 ручных салфеток), а также туфли, ботинки, каалоши, драповое осеннее пальто и суконную, на меху, шубу. Оставшиеся от покупок 40 рублей девушка увезла домой в Кыштым⁴².

Елизаветинская рукодельная школа управлялась особым попечительским советом. В течение многих лет в его состав входили купцы Г. К. Кузнецов, Я. А. Колпаков, С. И. Сибиряков, С. Л. Сартаков, Н. А. Пономарев.

После смерти Алексея Семеновича Губкина почетным попечителем заведения стал его внук, А. Г. Кузнецов. По воспоминаниям современников, Александр Григорьевич всегда был готов оказать поддержку всякому доброму начинанию. Находясь далеко от Кунгура, он «зорко следил за опекаемыми им учебными заведениями и искренне радовался их успехам»⁴³. Только на нужды рукодельной школы купец пожертвовал 83 тысячи рублей⁴⁴. В 1887 году на его средства была выполнена пристройка к зданию приюта⁴⁵. В 40 тысяч рублей обошлось ему строительство в городском сосновом бору двухэтажной каменной дачи для воспитанниц⁴⁶. В 1898 году наследники Александра Григорьевича внесли 60 тысяч рублей на увеличение основного капитала рукодельной школы⁴⁷.

С 1900 года попечителем приюта был правнук А. С. Губкина, потомственный почетный гражданин Григорий Константинович Ушков.

В 1918 году Елизаветинская рукодельная школа была закрыта. В сентябре 1920 года на базе художественной студии и мастерских приюта возникли Высшие художественные мастерские. Спустя два года они были преобразованы в художественный техникум, который просуществовал до 1924 года⁴⁸. В 1926 году в здании был открыт педагогический техникум (ныне – Кунгурское педагогическое училище).

1. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 342.
2. *Золотов Е. Д.* Церковная летопись города Кунгура // Боль души. Избранное. – Кунгур, 2002. С. 164.
3. РГИА. Ф. 733. Оп. 160. Д. 106. Л. 1.
4. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 295. Л. 22.
5. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 343.
6. *Семенов В. Л. А. С.* Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 92–93.
7. Там же. С. 93.
8. Там же.
9. Там же. С. 94.
10. Устав Елисаветинского Дома призрения бедных детей в городе Кунгуре. – Ирбит: Типография Е. С. Хитрово, 1875. С. 4.
11. *Золотов Е. Д.* Церковно-приходская летопись Благовещенского собора. Рукопись. Архив КKM. С. 174.
12. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 92.
13. Там же.
14. Там же. С. 91–92.
15. Там же. С. 92.
16. РГИА. Ф. 733. Оп. 160. Д. 106. Л. 116.
17. Там же.
18. *Елтышева Л. Ю.* Полезны завсегда, полезны нам науки. – Кунгур, 2004. С. 56.
19. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 343.
20. *Сивков П.* Женский приют в Кунгуре // Екатеринбургская неделя. 1893. 24 октября.
21. Правда. Кунгур // ПГВ. 1878. № 90. С. 518.
22. Там же.
23. Там же.
24. *Сивков П.* Указ. соч.
25. РГИА. Ф. 733. Оп. 160. Д. 106. Л. 116.
26. Там же. Л. 21.
27. Там же. Л. 11.

28. Там же.
29. Там же. Л. 1.
30. Отчет Кунгурской Елисаветинской рукодельной школы за 1900 год. – Кунгур. Типография М. Ф. Летунова, 1901. С. 1–2.
31. Августейшие башмачницы // Молодая гвардия. 1991. 16 сентября.
32. Отчет... С. 1–2.
33. Там же. С. 13.
34. *Братилова Ф. С.* Елизаветинская рукодельная школа // Искра. 1992. 11 июня.
35. Отчет... С. 16.
36. Там же. С. 1–2.
37. Там же. С. 20.
38. ККМ НВФ № 3779/6.
39. ККМ ОФ 7644.
40. Отчет... С. 20.
41. *Братилова Ф. С.* Указ. соч.
42. ККМ ОФ 7644.
43. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 73.
44. Там же.
45. *Елтышева Л. Ю.* Указ. соч. С. 56.
46. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 73.
47. Там же. С. 86.
48. *Семянников В. В.* Высшие художественные мастерские в Кунгуре // Грибушины и время. – Кунгур, 2000. С. 29–30.

САМОЕ ПЕРВОЕ НА УРАЛЕ

В 1871 году А. С. Губкин изъявил желание учредить в родном городе заведение для «воспитания и обучения полезным знаниям и ремеслам малолетних лиц мужского пола всех состояний, знаний и вероисповеданий»¹.

«Потомственный почетный гражданин Кунгура, купец первой гильдии А. С. Губкин обратился ко мне, – отмечал в своем обращении к министру внутренних дел пермский губернатор Н. Е. Андреевский, – с ходатайством о разрешении построить в Кунгуре каменный двухэтажный с подвальным помещением дом с целью пожертвовать его для предполагаемого в Кунгуре ремесленного училища. Он также спрашивает разрешения у правительства на принятие от него на содержание означенного училища 300 тысяч рублей, в том числе просит принять 1,5% билетами комиссии по гашению долгов 98400 рублей и наличными

деньгами 201600 рублей. Капиталы эти он обязуется внести поэтапно к 1 сентября 1874 года. Проект Устава указанного училища Губкиным будет представлен на утверждение правительства в первой половине будущего 1872 года»².

Место для строительства – земельный участок площадью 4744 кв. сажени на окраине города, в квартале Успенской, Малокожевенной, Киттарской и Кожевенной улиц – купец приобрел еще в 1869 году, оформив купчую на имя Кунгурского городского общества³. Позднее, в 1877 году, гласные Городской Думы передали данную землю, с согласия жертвователя, в собственность учебного заведения⁴.

Первый камень в фундамент здания училища был заложен 1 мая 1872 года. Строительные работы продолжались пять лет. Руководил ими выпускник Петербургского технологического института, талантливый инженер В. И. Ясинский, который и стал первым директором училища.

Здание Губкинского Технического училища было построено по проекту известного петербургского архитектора Р. Р. Генрихсена⁵ и представляло собой комплекс строений, занимавших целый квартал между Успенской и Киттарской улицами. Все здания были сложены из кирпича и покрыты железом. На строительство, по свидетельству В. Н. Шишонко, Алексей Семенович израсходовал более 450 тысяч рублей. Кроме того, на содержание училища он дополнительно пожертвовал еще 400 тысяч рублей⁶.

Благодаря корреспонденту «Пермских губернских ведомостей», приехавшему на открытие учебного заведения и оставившему очень подробное, вплоть до мельчайших деталей, описание всех помещений, мы можем представить себе детище Губкина. «Главное здание училища, – писал репортер, – занимает площадь 446 кв. с. В подвальном этаже, имеющемся под одною половиною этого здания, помещена обширная кухня с плитою, русскою печью и двумя большими медными котлами. Подле кухни устроена в шкафу подъемная платформа для подъема кушанья из кухни в буфет при столовой, расположенной в первом этаже. Здесь же находятся помещения для прислуги и теплые кладовые.

В первом этаже главного здания, разделенном широким коридором, идущим вдоль всего здания, с одной стороны от па-

радной лестницы, находятся обширная столовая с буфетом при ней, комнаты для собраний совета и канцелярии. С другой стороны находятся спальни, умывальная, ватерклозеты, больница с ванной комнатой и ватерклозетом при ней. В спальнях и больничных комнатах расставлены приготовленные В. И. Ясинским в училище железные кровати, числом 100, снабженные матрасом, подушкой, простынею и байковым, серого цвета, одеялом на каждой кровати. В головах при кроватях поставлены небольшие столики. В первом этаже всех комнат 21.

Во втором этаже главного здания, по сторонам широкого коридора, расположены классы, комнаты для черчения, рисования, разных коллекций и приборов, необходимых при преподавании естественной истории, физики, механики, технологии; рекреационный зал, умывальная, ватерклозет и квартира директора. Во втором этаже всех комнат 20. Вышина комнат в обоих этажах $5\frac{1}{2}$ аршин.

В правом двухэтажном флигеле, пристроенном к главному зданию и занимающем площадь 193 кв. саж., помещены учебные мастерские. В первом этаже – слесарная и токарная по металлу, в которых расставлены слесарные станки с тисками, ножные токарные станки, числом 16, ручные сверлильные станки, числом 5, и приводимые в движение от парового двигателя самоточки: 1 большая, 2 средних и 3 малых; станки: двойной сверлильный, цилиндросверлильный, долбежный, зуборезный, строгальный – большой, средний, 2 малых, поперечный и точило. Ножные токарные, ручные сверлильные станки и малые самоточки выписаны из Петербурга, где они исполнены были в механических мастерских приюта принца Ольденбургского, а остальные станки выписаны из Англии, от Робинзона.

Во втором этаже этого флигеля находятся мастерские: столярная, токарная и резная по дереву с 20 верстаками, 9 ножными токарными по дереву станками и 2 станками для распиловки дерева, приводимыми в движение от парового двигателя. На стенах этих мастерских повешены очень красивые шкафчики с столярным инструментом. Вышина комнат учебных мастерских $6\frac{1}{4}$ аршин.

Далее во дворе, в продолжение этого флигеля, находятся помещения для паровой 15-ти сильной машины и парового котла, выписанных из Англии от Робинзона и теперь устанавливае-

мых на место, для литейной, кузницы с двумя двусторонними горнами и химической лаборатории.

В левом, тоже двухэтажном флигеле, занимающем площадь 97 кв. саж., устроены 6 квартир для инспектора, воспитателей, мастеров, снабженные необходимой мебелью.

Из 3 отдельных надворных строений, занимающих вместе площадь 111 кв. саж., одно – погреб, другое – баня с прачечной, третье – газовый завод. На этом заводе светильный газ добывается из смеси нефтяных остатков с водой. Газодобывательные приборы, как то: реторты, холодильник, очиститель, регулятор, газометр выписаны из Петербурга, газгольдер же сделан здесь, и все это установлено было на месте самим строителем училища. Добываемый на заводе газ весьма чист, горит ярким, белым пламенем, нисколько не коптящим, и не распространяет никакого запаха в комнатах. Прачечная, находящаяся вместе с баней, как уже упомянуто, в особом надворном строении, снабжена моечною машиною, центробежным гидрокстрактором, выписанным из Хемница от Шиммеля, и катком, полученным из Гельсингфорса.

Следует поставить на вид, что при отоплении всех помещений училища голландскими духовыми печами, устроенными у нас впервые В. И. Ясинским, комнаты снабжены вентиляционными в стенах каналами, которые сведены к нескольким трубам, нагреваемым небольшими герметически закрывающимися топками, куда забрасываются от времени до времени мелкие дрова.

Нельзя умолчать и о том, что во всех помещениях училища проложены водопроводные трубы и предположено на берегу р. Сылвы построить домик для окончательной установки в нем выписанной из Англии паровой водокачки⁷.

Высочайшее соизволение на открытие училища последовало 6 мая 1877 года. А 31 мая Министр финансов утвердил устав нового учебного заведения.

Торжественное открытие училища наметили на воскресенье, 17 июля 1877 года. «Заметно было, что в нашем городе, – писал один из кунгуряков, – отличающемся тихою, можно сказать, замкнутою жизнью деловых людей, готовится прозойти что-то необычное»⁸.

С 10 часов утра в Благовещенском соборе начался молебен с архиерейским служением. Оповещенные звоном колоколов горожане не только заполнили сам храм, но и «густыми толпами» собрались на площади перед ним. Прибыли и высокие гости: губернатор Н. Е. Андреевский, викарный епископ Модест, пермский городской голова И. И. Любимов, именитые граждане Перми и Кунгура, административные чины... По воспоминаниям очевидцев, гости были «кто в парадных мундирах, кто во фраках, кто в сюртуках, украшенные орденами, медалями, цепями, означающими разные общественные должности»⁹. «Все смотрело особенно празднично, – отмечали «Пермские губернские ведомости», – даже погода, с утра хмурая, обещавшая разрешиться дождем, прояснилась, как будто и она пожелала оказать честь происходившему торжеству»¹⁰.

В полдень духовенство и жители города с хоругвями и иконами прошли крестным ходом по улицам Кунгура к Техническому училищу. По прибытии тотчас же начался молебен «в открытом на парадную лестницу зале, составляющем как бы продолжение верхней ее площадки». Внимание гостей привлекли установленные в зале, у боковых стен, один против другого «художественно написанные» большие портреты Государя Императора и Наследника Цесаревича в резных золоченых рамках, окруженные зеленью растений¹¹.

Как отмечали присутствовавшие, Преосвященный Модест, освятив воду, с крестом обошел и окропил этой водой комнаты, предназначенные для классов, учебных мастерских и спален, «переходя из одного помещения в другое по указанию учредителя и строителя училища»¹².

Молебен, прерванный «на время», возобновился по возвращении Владыки в зал. В завершение службы хор «наших кунгурских певчих под управлением недавно приглашенного для этого хора регента, обучавшегося пению в С.-Петербургской консерватории», исполнил «Тебе Бога хвалим». Едва только стихли последние звуки музыки, епископ Модест обратился к собравшимся со словом, в котором «красноречиво развил мысль о важности ускорения в умах и сердцах будущих учеников Технического училища, религиозных истин и христианской нравственности как вернейшего залога в успехах будущей деятельно-

сти заведения и сильнейшего побуждения для учащихся трудиться во время своего пребывания в училище, разумно трудиться и по выходе из него и через то сделаться истинно полезными самим себе, своим родителям и своему краю»¹³.

Слово владыки было выслушано «с особым вниманием». Церемония освящения здания завершилась провозглашением многолетия «Государю Императору, Государыне Императрице, Наследнику Цесаревичу, Наследнице Цесаревне, Великому князю Николаю Александровичу и всему Царствующему Дому, Преосвященным Вассиану и Модесту, учредителю и почетному попечителю Алексею Семеновичу Губкину»¹⁴.

Как отметил приехавший из Петербурга представитель Министерства финансов Н. П. Ильин, «двери нового технического училища открыты для юношества, ищущего просветить свой разум полезными знаниями и смолоду приучить свои руки к производству полезного труда, могущего трудящемуся доставить, по меньшей мере, обеспечение в житейских потребностях»¹⁵.

Далее гостей, собравшихся на празднество, пригласили в комнату, предназначенную для заседаний совета училища, украшенную поясными портретами Государя Императора и Наследника Цесаревича, и в примыкающие к ней помещения, «назначенные для канцелярии и собрания учителей», где им был «предложен» чай. Затем последовал осмотр училища. Назначенные членами попечительского совета заведения ближайшие родственники учредителя А. Г. Кузнецов и К. К. Ушков, мировой судья А. А. Малеев, «помогавшие А. С. Губкину в его трудах и разделявшие с ним заботы по устройству училища», а также директор В. И. Ясинский «с особой предупредительностью» показывали все помещения, объясняли их назначение, особенности устройства здания и «разных приспособлений» в учебных мастерских, больнице, кухне.

«При этом осмотре мы получили самое приятное впечатление: все до малейших частных сделано прочно, удобно, целесообразно, красиво, даже изящно. Видно, что учредитель не жалел средств, а строитель, бывший ученик С.-Петербургского Технологического института, вполне обладал необходимыми техническими познаниями для исполняемого им дела и не ску-

пился на время и свои силы, посвященные им до сих пор всецело исполнению задуманного А. С. Губкиным великого дела»¹⁶, – писал один из посетителей.

Все увиденное так поразило гостей, что они «продолжали расхваливать увиденное» даже войдя в столовую, где «была окончена сервировка обеденного стола на 100 персон». Учредитель попросил присутствующих «сначала закусить, а затем занять место за обеденными столами»¹⁷.

В пять часов вечера начался обед, меню которого «льстило вкусу». Для его подготовки Алексей Семенович пригласил И. П. Петрова, «по справедливости пользующегося лестной для него известностью лучшего ресторатора Перми»¹⁸.

Благодаря «Пермским губернским ведомостям», мы имеем возможность в полном объеме представить весь ход данного мероприятия. «Вслед за вторым блюдом, – писала газета, – официанты наполнили бокалы шампанским и начальник губернии провозгласил тост за здоровье Государя Императора. Раздавались громкие продолжительные крики «Ура», замолкшие только при раздавшихся неожиданно звуках гимна «Боже, Царя храни», пропетого хором певчих, которые незаметно для обедавших вошли в обеденный зал. Второй тост за здоровье Наследника Цесаревича провозглашен был А. С. Губкиным. Многократно повторяющиеся «Ура» – обедавшими – и «Многая лета» – хором певчих – последовали за словами А. С. Губкина.

Далее начался ряд тостов. Официанты едва успевали наполнять бокалы, а обедавшие уже мало обращали внимания на подносимые им кушанья. После того как, по предложению Кунгурского городского головы, были выпиты бокалы за здоровье Пресвященного Модеста и наполнены были снова, А. С. Губкин поднял бокал за здоровье Его Высокопревосходительства, Министра финансов Михаила Христофоровича Рейтерна»¹⁹.

Едва в зале «постихли» крики «Ура», слово попросил профессор Санкт-Петербургского Технологического института, действительный статский советник Н. П. Ильин, «командированный г. Министром для присутствия при торжестве открытия технического училища в Кунгуре». В своей речи, «коснувшись повода к происходящему празднеству, он говорил о значении и цели научно-ремесленного образования в государст-

ве, о причинах, вызвавших в новейшее время стремления частных лиц, различных обществ к распространению ремесленного образования в народе, о ходе развития в России ремесленных и технических училищ, заметив при этом, что начало научно-ремесленного образования у нас положено было состоявшимся в 1826 году повелением Императрицы Марии Федоровны Московскому Опекунскому Совету учредить в Москве ремесленное училище для обучения в нем 300 питомцев воспитательного дома полезным наукам и ремеслам, с целью сделать питомцев полезными членами общества не только приготовлением из них практических разного рода ремесленников, но и образованием мастеров с теоретическими, служащими к усовершенствованию ремесла и фабричных работ, сведениями, и способных к распространению их в России. Речь свою, которую присутствовавшие на празднестве слушали с напряженным вниманием, профессор окончил обращением к Алексею Семеновичу Губкину, которого он от имени Его Высокопревосходительства, министра финансов М. Х. Рейтерна, поздравил с благополучным окончанием задуманного на пользу общего дела, пожелав процветания Кунгурскому Техническому училищу, и сказал, что Его Высокопревосходительство заслугу перед отечеством А. С. Губкина считает такой многозначительною, что вменяет себе в приятную обязанность доложить об этой заслуге Его Императорскому Величеству, по возвращении Государя Императора в С.-Петербург, после чего передал А. С. Губкину письмо, адресованное ему от министра финансов, которое и было вслед затем громко прочитано начальником губернии»²⁰.

В заключение профессор сказал, что «гражданская доблесть, кроме высокой чести для гражданина, ее доказавшего, быть отмеченным Монаршею Милостию, получает себе еще другую награду, состоящую в том, что имя доблестного гражданина, вместе с его подвигом, увековечивается в Отечестве и передается с благодарностью от поколения к поколению лицами, основанием для благополучия которых послужила эта доблесть и предложил тост за здоровье учредителя и первого почетного попечителя Кунгурского технического училища Алексея Семеновича Губкина, пожелав ему при этом долголетней жизни, чтобы он мог увидеть созревшими плоды своей жертвы на пользу обществен-

ную и по праву ими насладиться»²¹. После этих слов столичного гостя, «сочувственные одобрения и крики «Ура» прервали тишину, до того продолжавшуюся», начались поздравления А. С. Губкина и искренние пожелания «здоровья ему и успеха основанному училищу».

На тост, предложенный потом за здоровье Его превосходительства начальника губернии, Н. Е. Андреевский «в простых, но выразительных словах» отвечал, что Кунгур, некогда «город с чисто магометанским населением, ныне не имеет жителей магометан, которые мало-помалу вытеснены были отсюда русским племенем, надвигавшимся с запада на Урал и несшим с собою истинные основания государственной жизни, а именно: любовь к промышленному труду и способность к умственному развитию»²².

Губернатор напомнил, как «назад тому 100 лет с небольшим от Кунгура оттеснено было пугачевское скопище и как кунгуряки, не сдавшие своего города мятежникам, и тогда уже доказали, насколько русский народ предан своему царю и любит государственный порядок, обеспечивающий трудолюбивому народу развитие материального благосостояния и умственный прогресс. Ту же историческую роль, т. е. борьбу с магометанством и гражданскою безурядицею исполняет и в настоящую пору русский народ, двинутый своим Царем на освобождение родственного славянского племени от гнета магометан»²³. Далее начальник губернии сказал, что наш город «выказывает несомненный прогресс» и предложил тост «за дальнейшее развитие в городе всего общепольного», а также за здоровье городского головы И. Т. Ковалева, «почтенного представителя деятельного и трудолюбивого населения Кунгура».

Следующий тост был предложен за здоровье представителя Министерства финансов, профессора Н. П. Ильина. А затем А. С. Губкин поднял бокал и предложил тост за здоровье Его Превосходительства Н. А. Ермакова. Профессор Ильин, «заметив некоторое недоумение, выразившееся на лицах большинства обедавших», попросил позволения «сказать несколько слов», которыми он желал бы присутствующим на обеде и не знающим вице-директора Департамента торговли и мануфактур

Н. А. Ермакова охарактеризовать деятельность этого сановника на поприще Общественной благотворительности.

Профессор рассказал собравшимся «об особом участии Н. А. Ермакова в трудах по осуществлению и управлению истинно благотворительными учреждениями, созданными в С.-Петербурге по мысли и частью на средства Великой княгини Елены Павловны, под личным ее руководством и надзором, о продолжавшейся более 10 лет плодотворной деятельности Н. А. Ермакова как председателя Петербургского комитета грамотности по распространению первоначального образования в народе повсеместною даровою рассылкою в народные школы полезных книг, средства для покупки которых Н. А. Ермаков умеет находить, привлекая только своею личностью к обильным на этот предмет пожертвованиям деньгами и книгами»²⁴. Но особенно была «оттенена» выступавшим личность Н. А. Ермакова как председателя дома призрения и ремесленного образования бедных детей, находящихся под высоким покровительством Наследника Цесаревича, по устройству ремесленного училища в С.-Петербурге. «Живое сочувствие Н. А. Ермакова, – говорил профессор, – всему здравому для распространения в отечестве научно-ремесленного образования и постоянная готовность его советом, личным ходатайствованием перед высшею властью содействовать осуществлению задуманного или упрочению дальнейшего существования уже совершенного»²⁵. По мнению именитого гостя, Губкин, предлагая тост за здоровье Н. А. Ермакова, хотел «засвидетельствовать свою благодарность лицу, оказавшему много услуг для приведения в исполнение мысли его учредить техническое училище в Кунгуре». После этой речи бокалы за здоровье Н. А. Ермакова «осушены были с воодушевлением»²⁶.

Далее последовали тосты за здоровье Преосвященного Васиана, епископа Пермского и Верхотурского, директора училища, членов попечительского совета, врача училища, кунгурского духовенства, за преумножение средств училища и, наконец, за всех гостей. «Поздно встали обедавшие из-за столов, и еще позднее оставили училище, в том числе и я, сильно затронутый приятными впечатлениями от виденного и слышанного», – отмечал корреспондент «Пермских губернских ведомостей»²⁷.

Так начиналась история Губкинского технического училища, отметившего в этом году свое 130-летие.

1. РГИА. Ф. 1287. Оп. 43. Д. 472. Л. 8.
2. Там же.
3. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 172. Л. 50.
4. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1877 год. – Кунгур: Типография А. Зубарева, 1878. С. 67–68.
5. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 172. Л. 53.
6. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 342.
7. Из Кунгура // ПГВ. 1877. № 60.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.

РАССАДНИК ТЕХНИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Первоначально Губкинское Техническое училище состояло в ведомстве Министерства финансов. Затем, с 1 августа 1881 года, его передали в ведение Министерства народного просвещения.

Учебное заведение было рассчитано на 300 человек, в числе

которых «допускалось» 120 бесплатных (40 – детей бедных родителей и 80 приходящих). Сто воспитанников были пансионерами (т. е. жили в училище на полном обеспечении). Их плата за обучение составляла 230 рублей в год. Остальные учащиеся были приходящими и платили по 50 рублей в год ¹.

В первые годы в училище было шесть классов. Прием производился по экзамену за курс начальной школы ². В 1883 году два класса были «найжены» излишними. По распоряжению Министерства, 28 июня 1883 года училище преобразовали в четырехклассное. Число учащихся сократилось до 100 человек. Изменились и правила приема. Отныне для поступления в первый класс требовалось предоставить аттестат об окончании курса в городском училище. Эти перемены были обусловлены «соображениями» о том, что шестилетний курс обучения признан «очень продолжительным», а также тем, что воспитанники городских училищ подготовлены «достаточно хорошо» для продолжения образования ³.

Для преподавания слесарного, кузнечного и токарного дела А. С. Губкин пригласил специалистов из столицы. Так, например, с 15 сентября 1879 года в училище работал выпускник Санкт-Петербургского технологического института, инженер-техник Константин Антонович Долинский (1845–?). Преподавал он механику, а также заведовал учебными мастерскими. Годовой оклад составлял 2250 рублей ⁴.

Учебная программа в училище была довольно насыщенной и включала следующие дисциплины:

Наименование предмета	Количество часов в неделю			
	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.
1. Закон Божий	1	1	1	1
2. Русский язык	1	1	1	1
3. Арифметика	2	-	-	-
4. Алгебра	3	1	-	-
5. Геометрия	6	-	-	-
6. Тригонометрия	-	2	-	-
7. Физика	4	1	-	-
8. Химия	-	3	-	-
9. Электротехника	-	-	2	-
10. Механика	-	4	3	-

11. Устройство машин	-	2	5	3
12. Технология металлов и дерева	-	2	2	4
13. Счетоводство	-	-	2	-
14. Строительное искусство	-	-	-	2
15. Рисование	2	2	2	2
16. Геометрическое черчение	3	-	-	-
17. Проекционное черчение	2	2	2	-
18. Техническое черчение	-	3	4	2
19. Практические занятия в мастерских	20	20	20	28
Всего	44	44	44	44

Кроме того, ученики обучались пению и игре на музыкальных инструментах ⁵.

В учебных мастерских мальчики овладевали производственными навыками. Под присмотром опытных мастеров изготавливали самую разнообразную продукцию – ручные молотки, приводные самоточки, токарные, сверлильные и винторезные станки, винтовые и колесные дрели, пепельницы и спичечницы, различный инструмент. Причем известно, что ассортимент изделий постоянно расширялся. Крестовины жировочных и дубильных барабанов, конные приводы к молотилкам, подшипники, шестерни, шкивы, печное литье раскупалось не только в Кунгуре, но и за его пределами ⁶.

В 1880 году работы воспитанников Губкинского технического училища были впервые представлены на выставке в Казани и получили там высшую награду с правом приобретения серебряного жетона. В 1882 году работы губкинцев, выполненные под руководством учителя Пояркова, были направлены на конкурс в Императорскую Академию Художеств ⁷. В 1887 году на Сибирско-Уральской промышленной выставке училищу присудили большую золотую медаль за отличное изготовление ручной молотилки. Малой серебряной медалью были отмечены работы по черчению. На выставке 1890 года училище получило похвальный лист за ручную отделку молотилки. В 1896 году – диплом за слесарные и механические изделия и графические работы. Изделия будущих техников экспонировались и на Всемирной выставке 1900 года в Париже ⁸.

В марте 1883 года почетный попечитель училища А. С. Губкин принял решение уменьшить в два раза плату за обучение

пансионеров. В октябре того же года учебное заведение было принято под Высочайшее покровительство. Пятнадцать воспитанников стали стипендиатами Императора⁹.

В феврале 1887 года «сибирское купечество, в лице многих его представителей, желая почтить исполнившееся в 1885 году двадцатипятилетие полезной деятельности на поприще торговли в Москве коммерции советника Александра Константиновича Трапезникова, внесло в Биржевой комитет 4000 рублей для утверждения одной стипендии имени А. К. Трапезникова в Кунгурском Техническом училище Губкина»¹⁰. Данная стипендия распространялась лишь на одного полного пансионера из детей «недостаточного состояния христианского вероисповедания»¹¹.

Кроме упомянутых выше к началу 1890-х годов в училище также были 1 стипендиат графа Игнатъева, 1 – Андреевского, 1 – почетного попечителя, 1 – Шадринской уездной земской Управы, 1 – Костромского губернского земства, 2 – Алапаевских заводов и 2 – Сысертских заводов¹².

По воспоминаниям современников, до 1892 года число желающих поступить в училище не превышало имевшихся вакансий, а потому случаев отказа в приеме из-за тесноты помещений в классах и мастерских не было. В 1892 году, впервые с основания учебного заведения, был принят полный комплект учеников I класса. И с тех пор уже никогда не было недостатка в желающих поступить в училище. Число их стало постепенно возрастать. Поэтому к поступающим стали предъявлять более высокие требования. Так, например, 28 апреля 1897 года было постановлено принимать из окончивших курс городских училищ только тех лиц, которые имеют в аттестатах по Закону Божьему, арифметике, русскому языку, геометрии и физике отметку не менее четверки¹³.

На 1 января 1893 года в училище обучался 81 человек. Из них – 41 мещанин, 20 крестьян, 18 дворян, 1 – из духовных лиц, а также 1 иностранец. По вероисповеданию: 19 православных, 1 римско-католического и 1 лютеранского. По классам: в I классе – 40 человек, во II – 14, в III – 17, в IV – 10¹⁴.

В 1894 году в связи с увеличением количества учащихся (а на 1 января 1895 года в пансионе состояло уже 115 воспитанников) были увеличены помещения под спальни и мастерские, а

также сделан пристрой к литейной мастерской. Стоимость произведенных работ составляла 3699 рублей¹⁵.

Весьма любопытные сведения об училищных нравах тех лет оставил на страницах «Екатеринбургской недели» кунгуряк Павел Сивков. «Поведение учеников училища, – писал он, – вполне удовлетворительно, и несмотря на то, что большинство из них принадлежит к низшим слоям общества, особенно выдающихся проступков за ними замечать не было. Уж если от кого ожидать «выдающихся поступков» – то это, скорее, от детей «высших слоев», если только под выдающимися поступками разуметь пьянство, лазанье ночью из спальни в форточку и возвращение утром тем же путем... Разумеется, до сведения начальства данные проступки не доходили, или уж очень редко...»¹⁶. Но, видимо, иногда учащихся все же наказывали. Так, например, в 1892 году, по данным того же П. Сивкова, было «оставлено без обеда, ужина, чая – 2 чел., задержано в училище в праздничный день – 148, посажены в карцер на 12 часов – 1, на 24 часа – 2»¹⁷.

Между тем, уже в середине 1890-х годов в среде будущих техников стали зреть революционные настроения. «Учительский персонал и состав учащихся в Кунгурском техническом училище в политическом отношении не возбуждал до последнего времени никаких сомнений», – отмечал в отчете за 1897 год уполномоченный Пермского жандармского управления ротмистр фон Оглио¹⁸.

«Режим жизни и учения был суровым, – вспоминал бывший выпускник училища Николай Михайлович Третьяков. – Все воспитанники подозревались в революционности. Следили за каждым нашим шагом. Двери пансиона, училища и мастерских всегда были закрыты на замок. Внутри и снаружи здания охранялись. В спальнях находились «дядьки», следившие за поведением учащихся. Ежедневно три раза проводилась проверка наличия учащихся. За проступки применялись наказания вплоть до карцера без хлеба и воды»¹⁹.

Однако несмотря на это, в 1896 году именно учащиеся Губкинского училища Александр Давыдов и Евгений Поморцев создали первый в Пермской губернии марксистский кружок. При участии губкинцев 1 мая 1898 года состоялась и первая в городе маевка. Да и в последующие годы будущие техники активно участвовали в различных митингах, манифестациях и за-

бастовках. В 1905 году городские власти даже призывали «немедленно прикрыть» учебное заведение, «как оказавшееся ныне рассадником противоправительственных и противозаконных мероприятий»²⁰.

В мае 1902 года был утвержден новый устав училища, составленный применительно к уставу низших технических училищ. Лучшие из выпускников получали аттестаты на звание мастера с отличием, остальные – на звание мастера по машиностроительному делу. Кроме того, воспитанникам училища, не имеющим по происхождению высших прав, предоставлялось право на личное почетное гражданство²¹.

Педагогический коллектив училища формировался в основном из инженеров и служащих с общеобразовательной и технической подготовкой. Большой вклад в работу заведения внесли А. В. Хвастунов, Ф. Ф. Скурский, Ю. В. Ошанин, А. Д. Порозов, В. А. Бородин, В. Н. Лисинский, Н. В. Пиликин и другие известные кунгурские педагоги.

Учебное заведение управлялось особым комитетом. Почетным попечителем училища 6 мая 1877 года был пожизненно назначен Алексей Семенович Губкин (1816–1893). С 13 июля 1884 года обязанности попечителя исполнял внук учредителя А. Г. Кузнецов (1856–1895)²². По воспоминаниям современников, будучи человеком энергичным, Александр Григорьевич всегда был готов «оказать поддержку всякому доброму начинанию». В 1883 году он пожертвовал 25 тысяч рублей на модернизацию учебных мастерских²³. Внес 21 тысячу рублей на нужды учебного заведения. В 1894 году учредил ежегодное пособие в 1486 рублей для увеличения жалования и пенсий преподавателям училища²⁴.

В 1895–1899 годах исполняющим обязанности почетного попечителя был елабужский купец первой гильдии К. К. Ушков. На средства Константина Капитоновича (4000 руб.) были приобретены новый котел и паровая машина для силовой станции, изготовлена динамо-машина, положившая начало электрическому освещению училища²⁵.

15 августа 1899 года почетным попечителем учебного заведения был учрежден потомственный почетный гражданин Григорий Константинович Ушков (правнук А. С. Губкина)²⁶. Сохранились сведения, что в 1898 году он вместе с другими наследни-

ками А. Г. Кузнецова пожертвовал 80 тысяч рублей на обеспечение содержания стипендиатом Его Императорского Величества и 60 тысяч рублей на нужды училища. Эти пожертвования были отмечены благодарностью Николая II ²⁷.

В 1902 году Г. К. Ушков пожертвовал 900 рублей на празднование 50-летнего юбилея училища ²⁸. В 1911 году – 674 руб. 50 коп. на содержание персонала. За его счет выплачивались пенсии вдове бывшего учителя пения Пантюхиной – 20 рублей в месяц, вдове бывшего швейцара – 16 рублей, формовщику литейной мастерской Варасову – 15 рублей ²⁹.

Большой вклад в развитие учебного заведения внесли и члены попечительского комитета училища: московский чиновник Л. В. Крушинский, дворянин А. А. Малеев, именитые кунгурские купцы Г. К. Кузнецов, В. Е. Фоминский, С. Е. Семовских, И. Т. Ковалев, А. М. Пономарев, Я. А. Колпаков, Л. И. Сартаков, С. Л. Сартаков, А. П. Чуватов, Н. И. Ковалев, Д. А. Пономарев, Н. А. Пономарев.

С 1 февраля 1906 года из-за финансовых затруднений пансион был закрыт. Учащиеся были вынуждены жить на частных квартирах. В освободившихся помещениях спустя некоторое время разместилось кунгурское реальное училище ³⁰.

В 1919 году работа технического училища была полностью парализована. Отступавшие колчаковцы демонтировали и увезли с собой все наиболее ценное оборудование. По свидетельству очевидцев, они сняли даже коленчатый вал у паровой машины.

В 1921 году Кунгурское техническое училище было преобразовано в механический техникум (ныне – Кунгурский автотранспортный колледж). В 1923 году началось восстановление учебных мастерских. Впоследствии на их базе было создано самое крупное предприятие города – Кунгурский машиностроительный завод.

1. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 172. Л. 57.

2. Список окончивших курс состоящего под Высочайшим покровительством Его Императорского Величества Кунгурского технического, Губкина, училища и краткие сведения об училище за 1877–1914 года. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1915. С. 8.

3. Семенов В. Л. А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 113.

4. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 42. Л. 49.
5. Список окончивших... С. 9–10.
6. *Мушкалов С. М.* А он работает, живет. К 125-летию Кунгурского машиностроительного завода. – Пермь: Раритет-Пермь, 2002. С. 14–15.
7. *Ренева О. А.* Самое знаменитое в Кунгуре // *Добрый день*. 2006. 15 июня.
8. *Мушкалов С. М.* Указ. соч. С. 17.
9. *Елтышева Л. Ю.* Полезны всегда, полезны нам науки. – Кунгур, 2004. С. 93–94.
10. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 62. Л. 1.
11. Там же. Л. 2.
12. *Сивков П.* Кунгурское техническое училище по отчету за 1892 г. // *Екатеринбургская неделя*. 1893. № 35. С. 722.
13. Список окончивших... С. 9.
14. *Сивков П.* Указ. соч.
15. *Елтышева Л. Ю.* Указ. соч. С. 96.
16. *Сивков П.* Указ. соч.
17. Там же.
18. *Варзаков В. Н.* Кунгурская школа автотехников. – Пермь: Кн. изд-во, 1978. С. 13.
19. Там же. С. 24.
20. Там же. С. 22.
21. Список окончивших... С. 17.
22. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 4. Л. 106.
23. *Летихина З. Я.* Путь в 125 лет // *Искра*. 2002. 11 июля.
24. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 172. Л. 65.
25. *Летихина З. Я.* Указ. соч.
26. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 147. Л. 8.
27. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 86.
28. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 172. Л. 22.
29. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 147. Л. 55.
30. Список окончивших... С. 11.

«В МОСКВУ!»

К началу 1880-х годов бурно развивающейся «чайной империи» А. С. Губкина стало тесно в уездном Кунгуре. В интересах дела купец перевел главную контору своей фирмы в Москву, а позднее, в 1882 году, и сам переехал на постоянное жительство в столицу¹.

По свидетельству людей, близко знавших «кунгурского Ротшильда», помимо торговых дел, была и еще одна причина

переезда. «Чувство самосохранения и любовь к жизни – этому дару Божию, неоценимому и ничем не заменимому, заставили тебя, – отмечал священник Кунгурского Благовещенского собора, протоиерей о. Константин Кротков, – оставить родной город, и ты оставил его, ты простился с ним и с нами без внутренней борьбы, скорби и туги сердечной. Провожая тебя в первопрестольный град Москву, мы думали, что ты, поправив там свое здоровье, отдохнувши духом, опять к нам возвратишься, бодрый телом и духом»².

«Губкин выехал из своего родного города Кунгура вместе со мною, – вспоминал Василий Никифорович Шишонко, – по дороге в г. Пермь, в одном экипаже. Когда я с ним поднялся на Иренскую гору, Алексей Семенович приказал ямщику остановить экипаж на горе. Высунувшись из последнего, еще раз посмотрел на Кунгур и, вздохнув, сказал мне: «Жаль оставлять Кунгур, но что поделаешь!?» Далее, немного помолчав и как будто сосредоточившись в себе, продолжал: «На лето приеду, а пока заведывайте училищем»³.

В Москве главная контора фирмы А. С. Губкина разместилась в самом сердце столицы, в здании Старого Гостиного двора на Варварке⁴. А для своего проживания купец приобрел двухэтажный каменный особняк на углу Рождественского бульвара и Малого Кисельного переулка⁵. По воспоминаниям современников, дом этот «был мощным и обширным, как крепость». Роскошный подъезд украшали резные двери, блестящие бронзой, а также фигуры двух львов⁶. Известно, что вместе с Алексеем Семеновичем в этом доме поселилась и семья его внучки, Марии Григорьевны Ушковой. В 1883 году усадьба купца оценивалась в 5644 руб. 78 коп.⁷.

Кроме того, удалось установить, что помимо многочисленного движимого и недвижимого имущества, купец владел и крепостными. В «Алфавите купцам первой гильдии» г. Москвы на 1882 год за А. С. Губкиным числилось, по результатам ревизии, семьдесят душ⁸.

В столице именитый кунгуряк помимо торговых дел занимался и общественной деятельностью. Так, например, практически сразу после переезда он был избран кандидатом в выборные Московского биржевого общества⁹.

Но, находясь далеко от Кунгура, от созданных им учреждений, Алексей Семенович, тем не менее, не забывал об их существовании и продолжал оказывать финансовую поддержку.

«Он ничего не жалел, – вспоминал В. Н. Шишонко, – что видно из того, что, вызвав меня в Москву в 1883 году, – он не стеснился, по моему ходатайству, перевести на мое имя в СПб 25 т. р. для сказанного технического училища»¹⁰.

Как известно, в сентябре 1883 года Государь Император Всемиловейше «соизволил предоставить г. Губкину права и преимущества, сопряженные с чином действительного статского советника, наравне с лицами, состоящими на действительной гражданской службе»¹¹. Кроме того, по сведениям В. Н. Шишонко, «почти накануне его (А. С. Губкина – С. М.) смерти Его Высочайшее Превосходительство г. Министр народного просвещения имел намерение представить Алексея Семеновича к ордену Св. Станислава I степени, но, к несчастью, Алексей Семенович скончался и дело остановилось»¹².

Почетный гражданин города Кунгура, московский купец первой гильдии А. С. Губкин ушел из жизни 27 ноября 1883 года, на 68 году жизни. Причиной смерти послужила желчекаменная болезнь. По свидетельству В. Н. Шишонко, Алексей Семенович болел долгое время. «Почти каждый год ездил лечиться то на Кавказские минеральные воды, то в Крым. По окончании нынешней (1883 года – С. М.) Нижегородской ярмарки он уехал в Крым, где и лечился виноградом более месяца. Возвратился в Москву бодрым и свежим, и, по своей привычке к труду и деятельности, стал выезжать. Потом вдруг сделался с ним припадок болезни, который заставил его лечь в постель, с которой он и не вставал уже. По рассказам его родных, будучи еще здоровым и бодрым, он часто начал поговаривать о поездке в Кунгур, о желании помолиться на могиле покойной жены его, Татьяны Ивановны, и дочери, о желании увидеться с родными и знакомыми в Кунгуре, посмотреть приют и техническое училище. Но о поездке в Кунгур из Москвы, за 1500 верст, в позднюю осень можно было только мечтать и поговорить, а исполнить, без крайней необходимости, едва ли кто решился бы. Так и Алексей Семенович, только поговорил и отложил эту поездку до весны 1884 года. Но так ему и не суждено было лично посмотреть Кунгур и побеседовать со своими родными и знакомыми!

Болезнь быстро начала усиливаться и никакие пособия московских медицинских знаменитостей не помогали. Больной, вероятно, чувствуя приближение смерти, сам изъявил желание принять христианское напутствие – исповедался и причастился Св. Христовых Таин, а затем еще раз был приобщен и соборован. Приготовившись к переходу в вечность, больной за три дня до смерти лишился языка, а затем 27 ноября в 11 ч. утра скончался»¹³.

«Так угадала навсегда самородная, поистине русская натура одного из самых славных деятелей земли Русской», – отмечал В. Н. Шишонко¹⁴.

Во время болезни Алексея Семеновича при нем «безотлучно» находились его внуки: Александр Григорьевич Кузнецов и Мария Григорьевна Ушкова с мужем и детьми.

Осенью 1883 года, вскоре после смерти купца, был создан его большой парадный портрет. Был он написан маслом по фотографии академиком живописи Маковским¹⁵ по заказу А. Г. Кузнецова, в особняке которого на Малой Дмитровке в дальнейшем и хранился¹⁶. Как отмечали очевидцы, «изображение оказалось чрезвычайно схожим с покойным Алексеем Семеновичем»¹⁷. К сожалению, проследить судьбу картины пока не удалось.

К этому же периоду относится и самое известное (помимо не менее известной фотографии конца 1870 – начала 1880-х годов) изображение А. С. Губкина. Неоднократно тиражируемый ныне портрет Алексея Семеновича был выполнен в технике ксилографии варшавским ксилографом И. Хелмицким и опубликован в № 48 журнала «Живописное обозрение» за 1883 год под заголовком «Русские деятели».

1. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 327.

2. Там же. С. 333.

3. Там же. С. 327.

4. *Ренева О. А.* Кунгурские страницы истории Москвы // *Добрый день.* 2007. 1 ноября.

5. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА). Ф. 179. Оп. 17. Д. 1337.

6. *Продавец чая // Русский торгово-промышленный мир.* – М.: Планета, 1993. С. 255.

7. ЦГИА. Ф. 179. Оп. 17. Д. 1337.
8. ЦГИА. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1148. Л. 117.
9. Сведения сообщены В. Н. Быковым (г. Москва).
10. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 327.
11. Там же. С. 345.
12. Там же. С. 344.
13. Там же. С. 329.
14. Там же.
15. В своем сочинении В. Н. Шишонко не указывает инициалы художника. Скорее всего, портрет А. С. Губкина создал Владимир Егорович Маковский (1846–1920), младший брат К. Е. и Н. Е. Маковских, художник-передвижник, автор картин «Объяснение», «Крах банка», «Вечеринка» и др. Известно, что ему оказывал поддержку А. Г. Кузнецов. Так, например, в 1892 году Александр Григорьевич помог художнику издать альбом фотогравюр его картин.
16. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 344.
17. Русские деятели // Живописное обозрение. 1883. № 48.

СКОРБНАЯ ВЕСТЬ

В Кунгур известие о кончине А. С. Губкина поступило утром 28 ноября. Источником информации послужила, по видимому, телеграмма А. Г. Кузнецова.

Дата эта выпала на понедельник. В городе это был по сложившейся издавна традиции базарный день. Поэтому слух о смерти Алексея Семеновича «с быстротою молний разнесся не только по Кунгуру, но и по окрестным деревням»¹.

В Благовещенском соборе едва закончилась литургия, как удар большого соборного колокола призвал кунгуряков на панихиду. По свидетельству очевидцев, храм быстро наполнился народом, «желавшим помолиться об упокоении души новопреставленного. В то же время стал распространяться слух и о том, что тело умершего Алексея Семеновича будет привезено в Кунгур и погребено рядом с его супругой и дочерью»².

На следующий день состоялось внеочередное собрание Кунгурской Городской Думы. Открывая заседание, городской голова В. А. Пиликин сообщил: «Вчерашнего числа многие из господ гласных по окончании литургии и панихиды в Благовещенском соборе по умершему в Москве действительному статскому советнику Алексею Семеновичу Губкину обратились ко мне с предложением почтить память усопшего как благотвори-

теля и почетного гражданина города Кунгура. Одновременно по желанию гласных была отправлена в Москву телеграмма с выражением прискорбия по случаю постигшей населения города утраты и с присоединением желания, чтобы тело покойного было погребено на родине, в Кунгуре»³. Наследник купца, А. Г. Кузнецов, в ответной телеграмме написал: «Искренне благодарю городское общество за высказанное желание, чтобы тело усопшего деда моего было погребено в Кунгуре. Желание это совпало с моим, о времени прибытия сообщу»⁴.

Дума приняла решение «по прибытии тела в Кунгур встретить его всем составом гласных Думы и возложить на гроб венок со следующей надписью: «Благотворителю Алексею Семеновичу Губкину – Кунгурское городское общество»⁵. Во время похоронной процессии ордена и другие регалии покойного поручалось, в знак чести, нести членам Управы, а также гласным А. М. Пономареву, И. Е. Симакову и Д. Е. Семовских⁶.

В тот же день состоялись собрания в устроенных А. С. Губкиным Елизаветинском приюте и Техническом училище, где также было «постановлено устроить венки на гроб почившего, а вечером на 29 число в том и другом заведении отслужить заупокойные всенощные бдения»⁷.

29 ноября во всех храмах города были отслужены заупокойные литургии и панихиды. На 11 часов была назначена общая панихида в Благовещенском соборе. «Массы народа наполнили не только самый собор, но и соборную ограду и даже часть площади, так что в собор можно было проникнуть только при большом усилии и содействии полиции», – отмечали очевидцы⁸.

По окончании обедни соборный протоиерей о. Иоанн Любимов сказал слово о том, «в каком состоянии и где находится душа умершего, по разлучении ее от тела», – при чем высказал учение церкви о состоянии душ умерших до страшного суда.

Затем началась соборная панихида, в которой участвовало все кунгурское духовенство, Городская Дума в полном составе, чиновничество, воспитанники Технического училища и Елизаветинского приюта. По окончании панихиды в соборе, по желанию городского головы и гласных Думы, была отслужена панихида и в зале Городской Думы в присутствии всех гласных.

Во всех богослужениях пел хор из числа воспитанниц приюта и некоторых воспитанников Технического училища под

управлением учителя пения Пантюхина. «Стройное заунывное пение, – вспоминал В. Н. Шишонко, – исполняемое детскими голосами, и нередко со слезами на глазах, невольно располагало сердце к молитве. Приятно было видеть, что эти дети, призреваемые в приюте, понимают, что они лишились отца, и оплакивают усопшего, как родного отца. Чувство скорби нередко пересиливало детские натуры, и сдерживаемые слезы их переходили в плач»⁹.

Так встретил Кунгур скорбную весть о преждевременной кончине одного из самых ярких представителей купеческого сословия города.

-
1. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 327.
 2. Там же. С. 328.
 3. *Семенов В. Л. А. С.* Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 63–64.
 4. Там же. С. 64.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. *Шишонко В. Н.* Указ. соч. С. 328.
 8. Там же.
 9. Там же.

«МОСКОВСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

В Москве же события развивались совсем по другому сценарию. По иронии судьбы смерть известного благотворителя стала причиной трагедии, приведшей к человеческим жертвам. О событиях того злополучного дня написали почти все столичные газеты и журналы.

Так, например, «Русские ведомости» опубликовали материал с места события начинающего в ту пору репортера Владимира Гиляровского¹. По его словам, причиной разыгравшейся трагедии стала раздача милостыни по случаю смерти «чайного магната».

«В день смерти, – пишет Гиляровский, – проходившим мимо громадного, мрачного с виду дома Губкина несколькими нищим подали по серебряной монете с просьбой помянуть усопшего. С быстротой телефона по ночлежным приютам распростра-

нился между нищими слух, что на поминовение Губкина раздадут деньги пригоршнями.

Тревожно провели нищие эту ночь в ожидании подаяния, в ожидании горсти серебра на каждого. Еще затемно толпы их хлынули на Рождественский бульвар, но решетчатые железные ворота были заперты. Стучались, просили, дрожали на морозе, стоя полубосыми ногами на льду тротуара и на снегу мостовой. А народ с каждой минутой прибывал.

Сотни нищих бежали со всех улиц и переулков, и скоро десятитысячная (по другим сведениям – пятнадцатитысячная² – С. М.) толпа заняла проезд Рождественского бульвара от Среденских ворот до Трубной площади. Ни прохода, ни проезда. Толпа была словно спаянная: яблоку упасть было некуда.

Набег нищих настолько был стремителен, что полиция не успела принять никаких мер. Катастрофу не предупредили, она должна была случиться и случилась. Ворота все еще не отпирались, сунутые несколько двугривенных только зажгли толпу, каждый стремился пролезть вперед, толпа хлынула и прижала несчастных, добившихся своей цели: встать первыми у железных ворот.

В то время тротуар у этого дома был очень высок, чуть не на аршин выше мостовой. Стоявшие на мостовой равнялись головами с поясом стоявших на тротуаре. Всем хотелось быть ближе к воротам, ближе к цели. С мостовой влезали, хватаясь за платье стоявших выше, и падали вместе с ними. Кто-то вдруг из передних крикнул:

- Подавать начали!

Как один человек, вся толпа подвинулась на шаг. Кого-то стащили с тротуара, наступили на него, раздался страшный крик:

- Задавили!..

Толпа ломилась еще больше. Сзади давили на ворота, ближайšie от ворот, задыхаясь в давке, стремились назад, падали с высокого тротуара на мостовую, на них лезли задние, не видя, что творится впереди. Гул толпы прерывался криками о помощи и предсмертными стонами. Когда уже все свершилось, явилась полиция и казаки. Дворники били нищих палками, городовые – ножнами, казаки – плетью»³.

Эти поминки (кстати, статья в одной из газет – «Новости дня» – так и называлась – «Кровавые поминки»⁴) надолго остались в памяти москвичей. По свидетельству В. А. Гиляровского, с места «давки» увезли два воза рваных шапок и опорков⁵.

«Катастрофа странная, небывалая» унесла жизни десяти человек. На следующий день журналист увидел трупы погибших в «темном, душном подвале анатомического театра. Исхудалые, истощенные, изломанные. Между ними лежал труп девушки лет шестнадцати»⁶. В числе задавленных на Рождественском бульваре оказался и «мелкий репортерчик» «Русской газеты» Сви-стун-Ломоносов⁷.

Другой очевидец событий А. П. Чехов репортаж о «беде, которая обрушилась на нищих на похоронах богача», опубликовал (под псевдонимом Рувер) в ноябрьском номере журнала «Осколки»⁸. Помимо описания произошедшей трагедии, Антон Павлович высказал и свои мысли о проблеме нищенства и благотворительности. «Москвич не может жить без нищих, – писал он. – Нищие для него такая же насущная потребность и такое же баловство, как и целодневное чаепитие. Он наймет людей в нищие, если только наука и время не похерят пролетариат»⁹.

Писатель предположил, что «когда-нибудь, лет через тысячу, на нашей планете нищенство удастся искоренить. Тогда все будут довольны: и ирландцы, и самарцы. Не будут довольны одни только москвичи, – иронизирует он. – Москвич подает как дитя, не рассуждая, и не утруждая себя никакими теориями о тунеядстве и проч. Он подает всем без различия званий, телосложений и возрастов – в этом внутренняя сторона его милостыни»¹⁰.

Удалось установить, что свой взгляд на трагедию, разыгравшуюся у дома Губкина, оставил и Л. Н. Толстой.

1. Репортаж В. А. Гиляровского о жертвах давки у дома Губкина был опубликован в № 330 газеты «Русские ведомости» за 1883 год.

2. *Гладышев В. Ф.* Репетиция «ходынки» // Пермские новости. 2007. 19 октября.

3. Русская газета // Гиляровский В. А. Сочинения в четырех томах. Т. 3. – М.: Правда, 1989. С. 59–60.

4. *Гладышев В. Ф.* Указ. соч.

5. *Гиляровский В. А.* Указ. соч. С. 60.
6. Там же. С. 58.
7. Там же. С. 60.
8. *Гладышев В. Ф.* Указ. соч.
9. Там же.
10. Там же.

К НЕБЕСНОЙ ПРИСТАНИ

Наследники купца приняли решение похоронить «своего знаменитого деда» на родной земле, рядом с его супругой и дочерью. По воспоминаниям очевидцев, они «с самой тщательной предусмотрительностью позаботились воздать последний долг усопшему с такой честью и торжественностью, какую он действительно заслужил! Ни большое расстояние (около 1500 верст), ни время года и неудобство пути, ни бесчисленные труды и хлопоты не остановили их»¹.

30 ноября 1883 года с А. С. Губкиным простились москвичи. Из его дома похоронная процессия прошла по Рождественскому бульвару, Лубянке и Варсанофиевскому переулку к церкви Вознесения, где состоялось отпевание. Обряд совершил Преподобный Мисаил Можайский с собором духовенства и полным хором певчих Чудова монастыря.

Из храма процессия по Рождественке вновь вернулась на Рождественский бульвар. Напротив дома покойного была сделана остановка и отслужена лития. Далее собравшиеся проследовали к вокзалу Нижегородской железной дороги. «Как от дома до церкви, – вспоминает В. Н. Шишонко, – так и от церкви до вокзала, гроб был несен на руках, а похоронный катафалк, запряженный шестеркой лошадей, сопровождал сзади. Бесчисленное множество народа, несколько громадных венков сопровождали шествие как в церковь, так и на вокзал»².

На вокзале Преподобный Мисаил вновь отслужил краткую литию. А затем, с вечерним курьерским поездом, усопший навсегда оставил Москву.

Первого декабря, около 10 часов утра, поезд прибыл в Нижний Новгород. На вокзале гроб с телом именитого чаеоторговца был встречен духовенством и братией находящегося поблизости монастыря и перенесен в монастырскую церковь, где в это время

уже шла заупокойная литургия. По окончании ее в храме была отслужена панихида.

Пребывание в монастыре затянулось на три дня. Все это время в свободные от богослужения часы читался псалтирь, а утром и вечером служились панихиды.

По свидетельству В. Н. Шишонко, принять участие «во встрече тела и первой панихиде» желали многие нижегородские граждане. Однако, к сожалению, часть из них не могла «исполнить этого желания». Дело в том, что лед на Оке был еще очень тонок и переправа через реку была невозможна. Поэтому «тело и было задержано до 3 числа, когда лед уже укрепился и переезд из Нижнего стал возможен»³.

Перед отъездом Преосвященный Макарий Нижегородский отслужил в монастырском храме литургию. После обедни он же совершил панихиду, к которой собралось городское и монастырское духовенство, а также множество жителей города. После молебна гроб был уложен в дорожный футляр и «отправлен далее».

Следующая остановка в пути следования была сделана в Перми. На станции служащие здешней конторы Губкина возложили, по инициативе П. П. Елтышева, на гроб купца металлический венок «изящной работы». По желанию пермяков и с архипастырского благословения, гроб с телом Алексея Семеновича перенесли в кафедральный собор.

В храме в ожидании прибытия тела до 12 часов пополудни местным духовенством была отслужена литургия. По ее завершении Преосвященный Ефрем, епископ Пермский, при большом стечении народа совершил в сослужении настоятеля Верхотурского Николаевского монастыря, архимандрита Григория, соборного духовенства и братии Крестовой церкви панихиду.

Вечером в соборе состоялась заупокойная всенощная, отправленная соборным духовенством и крестовой братией. «Храм и за всенощной был наполнен молящимися, — отмечал очевидец. — Даже в свободное от богослужения время народ посещал храм, в котором перед гробом было выполняемо, по назначению настоятеля собора, протоиерея о. Александра Луканина, соборными диаконами и псаломщиками в стихарях чтение псалтири. По окончании всенощной, часов около семи вечера, тело усопшего последовало в Кунгур»⁴.

В Кунгуре же в это время шли «деятельные приготовления» к встрече. Почти все общество «ожидало с нетерпением, так или иначе, выразить покойному чувства уважения и благодарности»⁵.

Со времени получения известия о смерти Алексея Семеновича по всем храмам города служились заупокойные обедни и панихиды. На старом Иоанно-Предтеченском кладбище, где были погребены его супруга и дочь, готовили могилу. В мещанском обществе шли «рассуждения и приготовления, как бы достойно почтить усопшего поильца и кормильца бедняков». Многие высказывали желание «выйти навстречу усопшему» в село Кыласово (расположенное в 22 верстах от города, где находилась последняя перед Кунгуром почтовая станция), чтобы оттуда нести гроб на своих руках. Это предложение поддерживалось очень многими из бедного мещанского населения, но было отклонено приехавшим А. Г. Кузнецовым⁶.

Настало 10-е декабря. «Утро было ясное, безветренное, с довольно крепким морозцем, – пишет В. Н. Шишонко. – Едва раздался заунывный звук колокола, в 8 часов утра, как массы народа всех возрастов, званий и состояний, стали собираться к дому Алексея Семеновича, стоящему на Сибирском тракте, в одном квартале по въезде в Кунгур из Перми. Многие отправлялись за Иренский мост – в подгорную деревню. Мещане же и все желавшие нести гроб шли за деревню, к так называемой Иренской горе, – при спуске с которой гроб был вынут из футляра и поставлен на приготовленные носилки»⁷.

К 8.30 дом А. С. Губкина наполнился собравшимся духовенством всех кунгурских церквей, гласными Городской Думы, чиновниками, родными и знакомыми покойного. В это время, по предварительно составленному представителями города, полиции и духовенства церемониалу, устанавливались на свои места воспитанники и воспитанницы учебных заведений, представители от мещанского общества. Для соблюдения порядка и во избежание тесноты и давки на всем пространстве от иренского моста до Благовещенского собора была протянута живая цепь из местной воинской команды и новобранцев. По свидетельству очевидцев, «порядок был замечательно хорош. Не было не только каких-либо несчастных случаев, но даже и обычной, при таком стечении народа, (тысяч до 10–12), давки»⁸.

Как только было получено известие, что гроб с телом покойного вынут из дорожного футляра и установлен на носилки, раздался похоронный перезвон во всех храмах города. Духовенство, облачившись в траурные ризы, вышло из дома купца и построилось в ряды. Псаломщик с запрестольным крестом и два псаломщика с фонарями по ту и другую сторону – все в одинаковых стихарях – открывали шествие. За ними шли гласные Городской Думы – по трое в ряд.

На иренском мосту процессия встретила гроб с телом усопшего. Гласные сменили переносивших его мешан. В голову колонны выдвинулся товарищ (кандидат) городского головы, который с двумя ассистентами нес на высоком древке посеребренный металлический венок, перевитый голубой лентой с надписью «От Кунгурского городского общества», сделанной «большими золотыми буквами»⁹.

От моста с одной стороны улицы выстроились в ряд воспитанники Губкинского Технического училища «со своими начальниками и наставниками». Двое из стоящих впереди мальчиков держали сделанный самими воспитанниками красивый венок со словами: «Учредителю Технического училища». По другую сторону улицы стояли воспитанницы приюта с начальницей и воспитательницами. Две девочки держали «изящно сделанный» венок с надписью: «Отцу сирот».

Когда гроб был внесен на городскую землю, к нему с одной стороны подошли с венком воспитанники Технического училища, с другой – девочки из приюта, и шествие проследовало дальше.

У дома Губкина процессия была встречена ожидавшим здесь духовенством. После краткой литии собравшиеся направились к собору. Впереди шли три псаломщика: один – с крестом, а два других – с фонарями. За ними – ученики городского и начального училища. У сылвенского моста к ним присоединились ученицы прогимназии. Затем следовали воспитанники Технического училища, воспитанницы Елизаветинского приюта, певчие и духовенство. Далее двигался катафалк. Впереди него несли венок от городского общества, а по краям – венки от Технического училища и приюта. Сразу за катафалком шли городской голова и члены Управы, гласные в полном составе, которые

попеременно несли гроб, родственники усопшего и простые кунгуряки.

«Пока печальная процессия находилась между иренским мостом и сылвенским, – отмечал очевидец, – собравшаяся масса народа была не так заметна. Но когда у последнего моста процессия поворотила по сылвенской набережной к собору, тогда только можно было видеть всю громадную массу собравшегося народа, буквально покрывшего все пространство между домом Губкина и собором. Когда несший крест был уже на горе, вблизи собора, только тогда был вынесен гроб из-за угла Успенской улицы. А когда духовенство поднялось на ту же гору, то конца толпы, шедшей за гробом, еще не было видно. Тихая погода, печальный перезвон и заунывное пение – все говорило о тихом пристанище, в которое идет усопший»¹⁰.

В Благовещенском соборе гроб установили на специально подготовленный помост, по углам которого стояли четыре тумбы для регалий покойного. С правой стороны, на первой тумбе, на бархатной подушечке лежал орден Св. Владимира 3-й степени, на второй – золотая медаль на Аннинской ленте. С левой стороны на первой тумбе находились знаки Палестинского общества, общества спасения на водах и Красного Креста, на второй – золотая медаль на Станиславской ленте.

Тотчас же после внесения гроба началась зауспокойная литургия. После ее окончания была отслужена панихида, в которой приняло участие все городское духовенство. Перед началом панихиды соборный протоиерей о. Константин Кротков произнес «прочувствованную» речь!

«Не так мы думали встречать тебя, новопреставившийся раб Божий Алексей!

Провожая тебя в первопрестольный град Москву, мы думали, что ты, поправив там свое здоровье, отдохнувши духом, опять к нам возвратишься, бодрый телом и духом. Мы надеялись, что, возвратившись к нам, ты снова явишься в заведениях, тобою созданных, заведениях, о которых его Преосвященство, посетивший их недавно, отозвался, как о заведениях великолепных, и сожалел, что не видит самого создателя. Мы надеялись, что дети, приютенные тобою, скоро опять окружают тебя, как отца и благодетеля своего, и ты, видя детскую любовь их к себе,

сам отдохнешь среди них душою, как часто любил ты мне выражаться.

Мы надеялись... Но Бог судил иначе.

Видно, советы наши не то, что советы Божии, и пути наши не то же, что пути Божии. Но как небо отстоит от земли, так советы наши отстоят от советов Божиих и пути Божии от путей наших. Правда, ты возвратился к нам. Но возвратился безгласен и бездыханен. И теперь окружили тебя воспитанники и воспитанницы учебных твоих заведений, но окружили, полные скорби и печали. Ибо они знают, что земля скоро сокроет от них и этот твой гроб, которому они предстоят. Одна молитва за тебя будет их достоянием...

Возблагодарим Господа за то, что бранные останки твои положатся здесь в родном твоём городе. Это дает возможность каждому, облагодетельствованному тобою, явиться на могилу и поклониться бранным твоим телу. Это дает возможность сиротам, получившим через тебя приют и воспитание, пролить на твоей могиле слезу благодарности. Прости нас если мы, по немощи человеческой или по своему легкомыслию, когда-нибудь чем-либо тебя оскорбили.

И мы временно тебя прощаем и благословляем. Иди с миром! Позволь возложить на гроб твой венок, приготовленный тебе от благодарных и признательных воспитанников и воспитанниц твоих учебных заведений. Да будет он залогом того негнеленного венца, который Господь уготовал любящим Его»¹¹.

Во время речи на гроб почившего были возложены венки от Технического училища и приюта, которые во время литургии лежали на особо приготовленных столиках. Венок же от городского общества был возложен сразу же по внесении гроба в церковь.

«Довольно поместительный» Благовещенский собор оказался мал для всех собравшихся. Поэтому литургия одновременно служилась и в Богоявленском соборе. Причем, оба храма «были наполнены».

По окончании панихиды началось чтение псалтири, которое продолжалось до всенощного бдения, а потом всю ночь – до обедни. Несколько раз чтение прерывалось служением панихид, которые «были петы по желанию и просьбе собиравшегося народа». Все время до 6 часов вечера собор был полон кунгуряков.

Одни уходили, другие приходили. Одни желали поклониться усопшему, другие – помолиться или отслужить панихиду. Простой народ, который не надеялся попасть в собор ко всеобщей или литургии, спешил теперь, в свободное от богослужения время, «выразить свои благодарные чувства в молитве и слезах»¹².

«Отраднo было видеть, – отмечал очевидец, – как бедная мещанка или бедный ремесленник, покупая свечку на свои трудовые две-три копейки, клали два-три земных поклона пред образом Спасителя, ставили эти свечи на подсвечники около гроба и почти вслух выражали свою молитву: «Дай ему, Господи, царство небесное! Он наш поилец и кормилец был». Приятно было видеть это. Потому что ясно было, что влекло в собор этих людей не праздное и холодное любопытство, а благодарное чувство любви. Отраднo было на душе, что добро не забывается людьми»¹³.

Около 4 часов пополудни в Кунгур приехал Преосвященный Ефрем. В 6 часов вечера в соборе началось всеобщее бдение, за которым на одном клиросе пел хор Преосвященного, на другом – певчие из числа техников и приятянок. По свидетельству В. Н. Шишонко, «собор был до того переполнен народом, что духота от тесноты и множества горевших свеч сделалась невыносимой – особенно к концу службы. При этом не можем умолчать, чтобы не отдать должной справедливости пению архиерейского хора. Много раз кунгурское общество слыхало певчих архиерейских, есть в Кунгуре и свои хорошие хоры певчих, но такого гармоничного, прочувствованного, задушевного пения давно, давно не слыхало»¹⁴. По окончании всеобщей владыка вместе со всем городским духовенством отслужил панихиду.

Похороны именитого чаеоторговца были назначены на 11 декабря. «День был воскресный, – вспоминают кунгуряки. – Многие еще до звона к литургии спешили в собор, чтобы занять место. Из окрестных деревень ехали крестьяне, а когда начался звон к литургии народ густыми толпами валил в собор или на площадь к собору. В Благовещенский собор, где служил Преосвященный, впускали только избранную публику, но, несмотря на это, собор был, как говорится, битком набит народом»¹⁵.

Около 11 часов, когда в приходских церквях закончилось богослужение, «вся площадь около собора и соборная ограда были покрыты сплошной массой народа. Множество людей

было еще в ограде Иоанно-Предтеченской церкви, где была приготовлена могила. По всему пути от собора до могилы, по улицам и около домов, даже на заборах и крышах был народ, дожидавший проводить или, по крайней мере, посмотреть на печальную процессию. Одним словом, весь город был в движении. Все спешили найти какое-нибудь место»¹⁶.

К концу литургии в соборе собралось все кунгурское духовенство. По окончании литургии владыка и все духовенство вышли на середину храма для служения панихиды.

«В ночное время, смотря на ясное, голубое небо, покрытое бесчисленным количеством звезд, – сказал в своей речи священник о. Михаил Холмогоров, – мы, братие, видим, что одни из них чуть-чуть заметны, другие более видны, а некоторые отличаются и величиной, и яркостью своего света, и блеском. Так и в жизни человеческой: одни из людей совсем незаметны, другие более видны, а некоторые особенно выдаются пред прочими и известны многим и многим. Были и есть светила св. веры и церкви, светила науки, искусств и других различных отраслей человеческих знаний, которые более или менее ярко горели и горят на горизонте человеческого мира.

И вот перед нами гроб почившего раба Божия Алексея, встретить которого вчера и проводить сегодня двинулся весь наш город: и богатый и бедный, и стар и млад. Все спешат поклониться праху его. Да и не наш только город, а и другие города, более нашего значительные, встречали с честью прах его. Значит, имя его известно не нам одним. Он был виден и знаем многими.

Да, братие! Почивший не был светилом наук или искусств, но был светильником добрых дел. Рожденный и выросший в нашем незначительном городке, воспитанный в старое доброе время в правилах св. веры и послушании церкви, получивший только незначительное домашнее образование, он, по воле Отца небесного, как кедр постепенно рос, рос и возрос в великое дерево, под сенью которого многие питались. И всем этим он обязан только самому себе. Он своим природным русским умом, терпением и любовью к труду приобрел и земные блага и известность. От первопрестольных наших столиц и до Китая известно имя его как энергичного деятеля, как честного торговца. Начиная от Государя земли русской вот до этих малолетних

здешних сирот, все знают его как благодетеля и как ревнителя просвещения юношества.

Время оценки его деятельности еще не настало. Только беспристрастное потомство вполне оценит все то добро, какое он сделал. Мы не будем говорить о тех его многочисленных и щедрых жертвованиях, которые он делал вне нашего города, а упомянем только о тех, которые всем нам известны.

Помнят здешние ремесленники, как ты, усопший брат наш, помогал им в трудные времена, когда они не знали, куда сбыть свою работу. В то время каждый из них шел к тебе, и ты брал товар их, хотя и не нужный тебе. И вот они собрались сюда, чтобы воздать тебе последнюю дань благодарной любви и почитания. Помнят здешние бедняки, как ты питал их во время дороговизны хлеба. И вот они спешат пролить благодарную слезу на гроб твой. А кого называли, называют и будут называть своим отцом эти, окружающие твой гроб, сироты-воспитанники и воспитанницы устроенных тобою учебных заведений. Им не только дан тобою приют, но дается воспитание и образование, да и последующая жизнь их тобою обеспечена.

Этот-то свет добрых дел усопшего и собрал все множество людей и собор священнослужителей с архипастырем во главе, чтобы воздать последний долг усопшему. Все мы, по чувству уважения и благодарности к нему за то добро, которое он сделал, воздаем ему только должное. Но что ему в наших почестях? Они свидетельствуют о благородных чувствах любви и благодарности нашего общества и о облагодетельствованных им. Но не почести нужны душе его, а молитвы.

И пока мы живы, доколе будут существовать устроенные им заведения, дотоле и молитва об упокоении души его не престанет возноситься к престолу Всевышнего. Между призываемыми им сиротами имя любящего отца будет живо и пойдет из рода в род, и детская сердечная молитва будет продолжаться. Но пройдут годы, столетия – и тогда молитва об усопшем не престанет. Не будет нас, не будет ближних и знакомых его, но вовеки будет существовать св. церковь, этот храм, украшенный его усердием, да и другие здешние храмы (Никольский и Тихвинский), которым он благодетельствовал, будут вопиять на небо о спасении его души.

В последний раз, братие, мы окружаем гроб этого незабвенного нашего гражданина – отца сирот. Скоро-скоро мрачная могила сокроет его от взоров наших. Помолимся же Господу Богу, чтобы он, Премилосердный, помиловал его, по великой своей милости, простил бы ему всякое согрешение, вольное и невольное, так как нет человека, который пожил бы и не согрешил, – и что бы Он, Всеблагий, учинил душу его со всеми святыми, где нет болезни, печали и вздыхания»¹⁷.

После завершения панихиды гроб с телом А. С. Губкина был вынесен из собора. В соборной ограде была спета лития, после чего процессия направилась по Соборной площади и далее по Сибирскому тракту на старое Иоанно-Предтеченское кладбище.

Впереди всех шли псаломщик с запрестольным крестом и два псаломщика с фонарями. За ними – ученики городского и народных училищ, ученицы женской прогимназии, ученики Технического училища, впереди которых несли венки от этого учебного заведения, воспитанницы приюта, со своим венком впереди. Далее несли венки: от служащих пермской конторы, от служащих московской конторы с надписью «нашему доброму хозяину» (венки этот, по свидетельству очевидцев, был великолепный, из живой лавровой зелени с восковыми и фарфоровыми цветами, он выделялся среди других «и своими размерами, и яркостью красок своих цветов»)¹⁸. Затем «следовали» другие венки «из живой зелени лавровых листьев», металлический от Кунгурского городского общества. Венки от химических заводов П. К. Ушкова (с надписью: «Славному русскому деятелю»), от внуков усопшего («Моему славному деду»), от служащих-сибиряков («Неутомимому деятелю Сибири») и Елизаветинского приюта поразили кунгуряков «своей величиной и свежестью зелени». За венками шли певчие и духовенство, а также гласные Городской Думы, которые несли гроб.

Напротив церкви женского монастыря была отслужена лития. На кладбище, у могилы, была вновь пропета лития. После чего гроб был опущен в подготовленный склеп. Далее на гроб были положены «некоторые венки». Преосвященный посыпал гроб землей – и склеп был заделан¹⁹.

«Так упокоился в общем для всех людей пристанище – матери сырой земле Алексей Семенович. Подобных похорон в

Кунгуре не бывало. Такого стечения народа, такого движения и общего желанья так или иначе выразить чувства уважения и памяти к усопшему тоже не бывало. Такого общего внимания и усердия всех жителей г. Кунгура, каких заслужил Алексей Семенович, никто в Кунгуре не достаивался. Ничего подобного Кунгур не видал. Да и подобных деятелей в Кунгуре не бывало», – отмечал корреспондент «Пермских епархиальных ведомостей»²⁰.

-
1. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 345.
 2. Там же. С. 330.
 3. Там же.
 4. Там же. С. 331.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. Там же.
 8. Там же. С. 331–332.
 9. Там же. С. 332.
 10. Там же. С. 332–333.
 11. Там же. С. 333–334.
 12. Там же. С. 335.
 13. Там же.
 14. Там же.
 15. Там же. С. 335–336.
 16. Там же.
 17. Там же. С. 336–338.
 18. Там же. С. 338.
 19. Там же.
 20. Там же. С. 339.

ЗАВЕЩАНИЕ

Духовное завещание именитого чаеоторговца было оглашено 11 декабря 1883 года, после его рассмотрения Московским городским судом.

Все движимое и недвижимое имущество, а также весь капитал Алексей Семенович завещал «в полную собственность» единственному внуку, Александру Григорьевичу Кузнецову, ко-

торый «немедленно после смерти моей и должен вступить в полное распоряжение всем моим имением, дабы от несвоевременного тем имением владения не было нанесено убытка»¹.

Полученное наследство было очень значительным. Только движимое имущество оценивалось в 4306692 рубля, а капитал – в разного рода ценных бумагах – 7895805 рублей (согласно таблицы для законной оценки процентных бумаг – 7821816 рублей). Долговые обязательства самого А. С. Губкина составляли 2410888 рублей².

В завещании, за «утверждение и вступление в силу» которого наследники уплатили пошлину в размере 138054 рублей³, чайный магнат подробно расписал «кому, что и когда именно» полагается, включая прямых наследников, а также те учреждения, которым он что-либо жертвовал.

Так, например, в случае смерти А. Г. Кузнецова указанное наследство должно было поступить «таким же порядком его детям, если же детей у него не будет, то вдове его во всяком случае должно быть выделено двести тысяч рублей, а все остальное мое имение, как движимое, так и недвижимое, поступает внучке моей Марии Григорьевне Ушковой и ее детям»⁴.

В случае же «наследования его имения» А. Г. Кузнецовым Алексей Семенович завещал «в течение шестимесячного срока по утверждению завещания из моего имения выделить моей внучке Марии Григорьевне Ушковой 300000 рублей, а также выдать по 200000 рублей каждому из детей ее, а именно: Григорию, Анне, Алексею, Наталье, а также тем ее детям, которые родятся после моей смерти»⁵. Особое значение придавалось выдаче средств в указанных размерах «живым правнукам». «Деньги, предназначенные к выдаче детям означенной внучки моей, – отмечал купец, – должны быть внесены в Государственный банк или другое кредитное учреждение только по достижении каждым из детей десятилетнего возраста, и из процентов этого капитала должны поступать средства на воспитание того, на чье имя он будет внесен. 1% от первоначального капитала выдавать до наступления пятнадцатилетнего возраста. Начиная с пятнадцатилетнего возраста и до наступления совершеннолетия выдавать на воспитание 2,5% от первоначального капитала, остальные же проценты поступают на приращение капитала, который

и должен быть получен тем, на чье имя он положен, только по достижении им совершеннолетия»⁶. Особо подчеркивалось, что «на детей, которые умрут до достижения десятилетнего возраста», А. Г. Кузнецов «никакого взноса делать не обязан»⁷.

Кроме того, Губкин поручил своим наследникам «сделать немедленно» еще ряд выплат. В частности, было завещано «вне-сти в Кунгурский Благовещенский собор 5000 рублей пятипроцентными государственными билетами на мое поминание, с тем, чтобы проценты от трех тысяч рублей поступали в пользу причта, а от двух – в пользу церкви». Также определено было выдать пособие «служащим у меня приказчикам за многолетнюю и верную службу»: А. Е. Владимирову – 6000 руб.; Н. И. Лепихину – 1000 руб.; П. П. Елтышеву, В. Н. Манакову и С. Ведрову – по 500 рублей каждому⁸.

После смерти Алексея Семеновича его наследники, исполняя волю покойного, пожертвовали в Перми 5000 рублей на нужды бедных и 1000 рублей – кафедральному собору. В Кунгуре они передали в городскую управу 10000 рублей для раздачи бедным. Во все кунгурские храмы ими были заказаны одинаковые парчовые ризницы (облачения для священника и диакона) стоимостью 1200 рублей каждая⁹.

«Нельзя не пожелать, – писали «Пермские епархиальные ведомости», – чтобы Господь наградил внука и преемника дел Алексея Семеновича таким же долголетием и счастьем в деятельности, каким пользовался покойный, и чтобы он наследовал и любовь почившего деда к родине, и русскому народу, и благотворительности»¹⁰.

15 декабря 1883 года Кунгурская Городская Дума рассматривала вопрос о распределении 10 тысяч рублей, пожертвованных А. Г. Кузнецовым в память его покойного деда, «между беднейшими жителями города».

Открывая заседание, городской голова В. А. Пиликин сообщил, что «как ему известно из переданного К. К. Ушковым разговора с Александром Григорьевичем, цель этого пожертвования охватывает собою не одних только нищенствующих, бездомных бедняков, но также может простираться и на таких лиц, которые хотя и не нищенствуют, но с большим трудом прокармливают свои семейства и имеют необходимость в ремонте своих

домов, необходимом обзаведении одеждой, бельем, в приобретении хлеба и других предметов первой необходимости. Поэтому при убеждении в благонадежности и действительной нужде таких лиц выдача субсидии может производиться до 50 и более рублей в одни руки. Однако с тем условием, чтобы пособие было употреблено непременно по этому назначению»¹¹.

Городская Дума, «приняв с глубокой признательностью столь щедрое пожертвование от уважаемых Александра Григорьевича и Марии Григорьевны», постановила: «Нынче же избрать комиссию из людей сведущих в определении состояния бедняков, которой поручить при участии членов Управы произвести закупку хлеба и мяса и раздать вместе с деньгами к наступающему празднику Рождества Христова, а также и к будущей Пасхе»¹².

Отец жертвователей, Григорий Кириллович Кузнецов, «уступил» для «временного помещения хлеба и мяса» одну из принадлежащих ему лавок на косогоре Киттарской улицы. В комиссию «по распределению материальной помощи, пожертвованной бедному населению» вошли М. П. Куренбих, П. З. Носков, Н. В. Кузнецов, Г. И. Черепанов, Д. И. Елтышев, Г. А. Шубин, В. И. Семовских, Д. И. Скрипов, А. И. Кожевников, В. Д. Гамилов, М. А. Титов, М. Е. Антонов, Д. И. Копысов, А. М. Пономарев и С. М. Пономарев¹³. Однако, несмотря на столь представительный состав, с поставленной задачей комиссия справилась далеко не лучшим образом.

Так, например, в апреле 1884 года, во время следующей раздачи, около 70 пудов муки «в тот же день вечером» было снесено в нищенский кабаk на окраине города, и «видно было, как женщины, обнявшись попарно, гуляли по улицам пьяные, с песнями». Члены комиссии потом оправдывались, что просителей муки «было очень много» и потому членами Управы было трудно узнать «кто именно заслуживает пособия»¹⁴.

Но наследников А. С. Губкина сей факт, по-видимому, ничуть не смутил. И «каждогодно», к Пасхе и Рождеству Христову, в Кунгур продолжали приходить по 1000 рублей, пожертвованных «для раздачи бедным жителям»¹⁵.

-
1. *Семенов В. Л.* Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 71.
 2. Там же.
 3. Там же.
 4. Там же.
 5. Там же. С. 72.
 6. Там же.
 7. Там же.
 8. Там же.
 9. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 345–346.
 10. Там же. С. 346.
 11. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 69.
 12. Там же. С. 69–70.
 13. Там же.
 14. Там же.
 15. *Золотов Е. Д.* Благотворительность и нищенство в г. Кунгуре // ПЕВ. 1887. № 2. С. 28.

ГЛАВА 3. ПОСЛЕСЛОВИЕ

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ЮБИЛЕЙ

Деятельность А. С. Губкина, несомненно, оставила яркий след в истории нашего города. Поэтому, когда в 1915 году был поднят вопрос о подготовке к празднованию столетнего юбилея купца, кунгуряки, несмотря на разгар Первой Мировой войны, «пожелали» отметить данное событие «достойнейшим образом».

Первым «мысль о подготовке к чествованию юбилея» выдвинул гласный Городской Думы, заведующий учебными мастерскими Губкинского Технического училища Алексей Данилович Порозов. Городская Управа, в которую он направил свое «специальное» заявление, «вполне присоединилась» к данной инициативе и рекомендовала Городской Думе «для выработки означенного юбилея избрать из состава гласных особую комиссию, которой поручить разработку данного вопроса»¹.

На состоявшемся 3 января 1915 года заседании Думы А. Д. Порозов озвучил «ряд фактов», которые «побудили его обратить внимание кунгурской общественности на необходимость отметить 100-летний юбилей со дня рождения крупнейшего кунгурского благотворителя»².

«Значение благотворительной деятельности А. С. Губкина определяется тем, – отмечал Алексей Данилович, – что он учредил в Кунгуре Техническое училище и Елизаветинскую рукодельную школу, значение которых для развития города и края заключается в том, что они сами по себе служат вечным памятником его земной жизни, его дел, его воззрений. Он, в числе первых из своих современников понял, что в жизни народов не последнее место занимают так называемые мирные завоевания посредством торговли, промышленности и широкого применения технических усовершенствований, что производственная форма труда зависит от высокой техники страны и от постановки технического образования. Вот почему свои громадные пожертвования он направил на развитие («насаждение») технического образования в своем крае. Местный край, поставленный этими жертвованиями в более благоприятные условия сравнительно с другими местностями нашего отечества, особенно должен ценить это и чтить память покойного жертвователя. Поэто-

му, было бы по меньшей мере непростительно, если бы 100-летний юбилей со дня рождения Алексея Семеновича остался бы совершенно не отмеченным общественностью города Кунгура»³.

Особую озабоченность докладчик выражал тем, «в каких наиболее достойных формах следовало бы отметить в Кунгуре эту замечательную дату»⁴. Свой подход к этому вопросу он проиллюстрировал прецедентами в других городах России. Так, например, «столетний юбилей со дня рождения крупного костромского жертвователя Ф. В. Чижова (1811–1877) был отмечен изданием сборника, в котором была помещена его довольно обстоятельная биография объемом 52 страницы, а 40-летний юбилей со дня его смерти был отмечен решением по инициативе городского самоуправления поставить ему в Костроме на Воскресенской площади памятник»⁵.

Перечисляя указанные варианты «возможных способов» празднования столетия «своего знаменитого соотечественника», Порозов исходил из учета реальных возможностей города. «К сожалению, – констатировал он, – в настоящую тяжелую годину испытаний не приходится говорить о более или менее крупном масштабе, в каком следовало бы отметить память нашего крупного жертвователя без больших денежных затрат»⁶.

В связи с этим Алексей Данилович предложил свой вариант проведения праздника:

1) 13 марта 1916 года отслужить в Думском зале заупокойную всенощную, а на следующий день – торжественную панихиду над могилой покойного;

2) в зале думских заседаний поместить портрет Алексея Семеновича;

3) переименовать одну из улиц города, назвав ее именем Губкина;

4) просить правление товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰» взять на себя инициативу составления брошюры с биографией Алексея Семеновича⁷.

«При составлении брошюры, – отмечал гласный, – очень большую услугу могли бы оказать своими воспоминаниями современники А. С. Губкина. Вероятно, много ценных данных могли бы сообщить Александр Александрович Малеев, директора Технического училища В. И. Ясинский, В. С. Иванов и А. В. Хвастунов, протоиерей Е. В. Веселовский и И. М. Люби-

мов, местные старожилы – С. Е. Семовских, В. Е. Фоминский, И. Т. Ковалев, А. М. Пономарев. Но безжалостное время взяло от нас почти всех этих почтенных лиц, и остается надежда узнать что-либо об Алексее Семеновиче от наследников перечисленных лиц. Однако этот вопрос – составление биографии Алексея Семеновича – неотложный вопрос, который нужно решать, ибо задержка с этим приведет будущих составителей в еще более невыгодное положение»⁸.

Кроме того, А. Д. Порозов предложил гласным Думы «высказаться по вопросу желательности постановки на Скорбященской площади памятника Алексею Семеновичу в виде бронзового бюста на гранитном пьедестале, после чего, если вопрос в Думе пройдет в благоприятном смысле, войти в переговоры с наследниками Губкина товариществом «А. Кузнецов и К⁰», какое участие они могли бы принять в практической реализации этого предложения. Понимая и учитывая сложность военного времени, постановку памятника можно было бы приурочить к 40-летнему юбилею со дня смерти А. С. Губкина, т. е. к 27 ноября 1923 года»⁹.

В ходе обсуждения вопроса одним из первых выступил гласный А. Г. Агеев. Он предложил «одну из улиц Кунгура – Фроловскую, на которой стоит рукодельная школа, построенная А. С. Губкиным, переименовать, назвав ее улицей Губкина»¹⁰. «А вот памятник купцу, – заметил Арсений Григорьевич, – ставить не нужно, так как город вследствие относительно трудного финансового положения достаточное количество средств дать на это не может и памятник выйдет мизерный, а это не соответствует заслугам Алексея Семеновича. На Скорбященской площади и так стоят два хороших памятника покойному – Техническое училище и рукодельная школа»¹¹.

«На постройку памятника, – еще раз высказал свое мнение А. Д. Порозов, – нужно просить отпустить необходимые средства торгово-промышленное товарищество «Преимник А. Губкина А. Кузнецов и К⁰», так как самому товариществу начинать это дело неудобно, а если оно будет исходить от Думы, то оно, вероятно, согласится»¹².

«Уж если обращаться за помощью к товариществу, – возразил А. Г. Агеев, – то об этом нужно просить городского голову, а от Думы просить средства на памятник А. С. Губкину неудобно»¹³.

В ходе весьма оживленной дискуссии было решено передать данный вопрос на «предварительное рассмотрение» специальной комиссии. В ее состав вошли А. Д. Порозов, Н. А. Пономарев, С. Л. Сартаков, А. К. Глушков, Н. А. Ануфриев. Председателем был избран А. Д. Порозов.

На первом заседании комиссии гласные «ознакомились» с печатными материалами о жизни и деятельности А. С. Губкина. Обсудили они и «некоторые предложения» по празднованию юбилея купца. Но, поскольку их реализация потребовала бы «значительных сумм», члены комиссии «пожелали» узнать, «какое участие в этих расходах могли бы принять наследники Губкина»¹⁴.

«По просьбе» комиссии Городская Управа вошла «в сношения» с Г. К. Ушковым, А. И. Кузнецовой и правлением товарищества «преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о». Ответ был получен только от правления товарищества, члены которого дали принципиальное согласие «на участие в расходах по постановке в Кунгуре памятника А. С. Губкину» и попросили указать стоимость работ¹⁵.

В связи с имеющимся «пожеланием» Кунгурская городская Управа обратилась в канцелярию Императорской академии художеств с просьбой «указать лицо, которому можно было бы поручить исполнение памятника, а также указать его приблизительную стоимость»¹⁶.

Канцелярия академии уведомила Управу, что «по отзыву профессора, руководителя акционерной мастерской высшего художественного училища академика В. А. Беклемишева, для исполнения памятника благотворителю А. С. Губкину можно было бы порекомендовать пенсионера академии Всеволода Всеволодовича Лишева и что стоимость бронзового памятника определится: 1) бюста в $\frac{1}{2}$ натуральной величины на гранитном полированном пьедестале с постановкою на место – 5000 рублей; 2) фигура в 4 аршина из бронзы на гранитном полированном пьедестале с постановкою на место – 17000 рублей. Причем стоимость отливки памятника из чугуна профессор Беклемишев затруднялся определить». Дальнейшие переговоры по данному вопросу рекомендовалось «вести непосредственно с Лишевым»¹⁷.

Через гласного В. С. Семовских комиссии стало известно, что «заштатный дьякон Черноярской церкви отец Евгений Золо-

тов имеет в своем распоряжении материалы для биографии А. С. Губкина»¹⁸. В присланной Золотовым рукописи «наибольшую ценность представляет его родословная, составленная на основании документальных данных. Однако остальная часть биографии оказалась настолько краткой, что, прочитавши ее, трудно составить понятие о личности Алексея Семеновича и его деятельности»¹⁹. Комиссия пришла к выводу, что «материал для биографии должен быть дополнен настолько, чтобы каждый человек, прочитавший ее, мог сразу составить об А. С. Губкине ясное представление, чтобы результаты его деятельности были описаны в широких размерах»²⁰.

Между тем, почти одновременно было получено письмо от представителя товарищества с просьбой «приобрести где-либо материалы для биографии А. С. Губкина и возможно быстрее отправить их в Москву». В связи с этим 1 декабря 1915 года один из членов комиссии, С. Л. Сартаков, уплатив диакону Золотову «условную сумму», отправил его рукопись в столицу²¹.

В условиях продолжавшейся войны работа «юбилейной» комиссии продвигалась очень медленно. На заседании Городской Думы вопрос о праздновании столетия со дня рождения А. С. Губкина был заслушан лишь в конце 1915 года.

Однако при этом почти все предложения членов комиссии (внесенные в свое время А. Д. Порозовым) были одобрены. Так, например, обсуждая проведение богослужений на могиле Алексея Семеновича, гласные особо подчеркнули, что об этом событии «следует оповестить всех граждан города Кунгура, среди которых найдется немало почитателей покойного»²². Было также решено «поместить в зале заседаний Думы портрет А. С. Губкина, писанный масляными красками, в приличной раме, и теперь же ассигновать на него до 150 руб.»²³. Еще одно предложение – «возбудить перед подлежащими властями ходатайство о переименовании Кожевенной улицы, идущей вдоль фасада Технического училища, в улицу Губкина, а прилегающую к ней Кожевенную площадь – в площадь Губкина»²⁴.

Получило развитие и предложение о постановке памятника купцу. Было решено установить его на Кожевенной площади. Средства, необходимые для изготовления монумента, договорились собрать после окончания войны по подписке среди жителей Кунгура, бывших учеников Технического училища и рукодель-

ной школы, служащих означенных заведений, а также среди служащих торгово-промышленного товарищества. Для этой же цели было рекомендовано выделить из средств города 1000 рублей, внося ежегодно, в течение пяти лет, в смету по 200 рублей. На разработку проекта памятника предполагалось объявить конкурс с назначением трех премий с общим гонораром до 1000 рублей²⁵.

«Каким будет памятник, – отмечали гласные, – будет зависеть от собранных средств». «Более желательным» Дума посчитала «иметь статую Губкина во весь рост (чугунную или бронзовую) на гранитном пьедестале». Памятник предполагалось установить перед фасадом здания Технического училища, «причем лицо статуи должно быть обращено к Скорбященской церкви». Место вокруг монумента «должно быть поднято и обнесено железной решеткой»²⁶.

Детально был проработан вопрос об освещении прилегающей территории. «Сквер вокруг памятника, – отмечалось в решении Думы, – в летнее время по табельным дням должен быть приспособлен для освещения электричеством. Пока город не имеет своей электрической станции – освещение примет на себя Техническое училище»²⁷.

«Весьма своевременным и желательным» было признано и решение о составлении и издании биографии А. С. Губкина. По мнению членов «юбилейной» комиссии, книга должна быть богато иллюстрированной. В ней, в частности, предложено разместить портрет самого купца, «виды» Технического училища, рукодельной школы, дачи рукодельной школы, Никольской церкви, надмогильного креста в Никольской церкви, дома А. С. Губкина, здания правления товарищества, а также фотографии, снятые в Кунгуре во время похорон Алексея Семеновича. «Думе, – отмечали гласные, – следовало бы обратиться к правлению товарищества с просьбой, чтобы оно приняло на себя этот труд, тем более, что все архивы и семейные реликвии Губкина находятся в Москве»²⁸.

Открытым Городская Дума оставила лишь вопрос об учреждении в Техническом училище стипендии имени Губкина, «ввиду недостатка на это средств у города»²⁹.

Так кунгуряки подошли к празднованию юбилея своего знаменитого земляка.

-
1. *Семенов В. Л.* А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 134.
 2. Там же.
 3. Там же. С. 134–135.
 4. Там же. С. 135.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. Там же. С. 135–136.
 8. Там же. С. 136.
 9. Там же.
 10. Там же. С. 137.
 11. Там же.
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. Там же. С. 138.
 15. Там же.
 16. Там же.
 17. Там же. С. 138–139.
 18. Там же. С. 139.
 19. Там же.
 20. Там же.
 21. Там же.
 22. Там же. С. 140.
 23. Там же.
 24. Там же.
 25. Там же.
 26. Там же. С. 141.
 27. Там же.
 28. Там же.
 29. Там же.

СКВОЗЬ ГОДЫ

К сожалению, большинство решений и предложений по увековечению памяти А. С. Губкина, принятых в 1915 году, так и не было реализовано.

Только в 1997 году общество вновь вернулось к этому вопросу. Поводом послужило 120-летие Кунгурского автотранспортного колледжа, ведущего свою историю от Губкинского Технического училища. В честь юбилея 30 мая 1997 года на здании учебного заведения был открыт барельеф именитого купца и мецената.

Рельефное изображение Алексея Семеновича создали преподаватели Кунгурского художественного училища Анатолий Васильевич Овчинников и Рустам Ансарович Габбасов, члены Союза художников Российской Федерации.

«Губкин у них, – отмечает профессор В. Л. Семенов, – это умный, мягкий, внимательный и какой-то удивительно добрый человек. Особенностью образа у кунгурских художников является его поза. Алексей Семенович изображен как бы привстающим, поднимающимся после минутного перерыва, знаменующего собой длительный, продолжающийся три четверти века советский период, когда его имя и дела были преданы забвению. Он поднимается и снова начинает трудиться, снова начинает сеять доброе, необходимое, нужное людям. Вот в этот миг он и схвачен, застыв на века в мраморном барельефе. Удивительно тонко прописанные глаза благотворителя излучают ту невыразимую словами доброту, которая была органически присуща этому человеку. Светящиеся добротой и состраданием к людям, к их нуждам, потребностям и нерешенным проблемам, глаза вызывают желание долго всматриваться в барельеф, в интеллектуальную душевную мастерскую А. С. Губкина с желанием постичь все ее тонкости и переливы»¹.

«Всмотритесь в лицо создателя нашего учебного заведения, – говорил на открытии барельефа Геннадий Петрович Бобров, бывший в то время директором колледжа, – в нем живет нечто смятенное. Вы чувствуете, что какой-то червь доброты и любви к людям шевелится в нем, червь боли и сострадания, доброты и милосердия, которое более всего иного заслужено человеком, особенно в наш жестокий XX век. И вот теперь, спустя три четверти века, мы доросли до понимания тех душевных коллизий, которые терзали благородную душу Алексея Семеновича, и нам многое становится понятным в его образе, в его человеческом поведении, в его представлении о жизни, ее смысле и содержании. И пусть тот отблеск благородного света, которым осенено на барельефе лицо основателя нашего учебного заведения, попадет в сердце каждого из тех учащихся, которые каждый год сотнями приходят в наш колледж. И пусть каждый из них при взгляде на барельеф на минуту задумается над нашим доблестным предком»².

Еще один шаг в возрождении исторической памяти был сделан в 2001 году. Увидела свет книга профессора философии Пермского государственного педагогического университета Владимира Львовича Семенова «А. С. Губкин и его благотворительная деятельность» (Пермь, 2001, 158 с.). Изданная в Кунгурской типографии тиражом всего 200 экземпляров, в мягкой обложке, она была рекомендована «в качестве методического пособия для краеведов, преподавателей истории и всех интересующихся историей города Кунгура»³.

«Жизнь каждого выдающегося человека, – пишет автор, – имеет значение для того времени, когда он жил, и для настоящего. Эти слова в полном смысле относятся и к кунгурскому благотворителю А. С. Губкину. В маленьком городке, затерянном в необъятных просторах Российской Империи, мы могли видеть в нем человека неукротимой духовной энергии, неутомимого труженика. Его жизнь и бескорыстная благотворительная деятельность явилась нравственным подвигом, значение которого трудно переоценить. Он закладывал фундамент системы образования в городе, формировал традиции душевной щедрости и нравственной сострадательности, эмпатии к трудному положению ближнего, к его беде. Его значимые и весомые заслуги должны стать известными широкой общественности города. Его дела необходимо извлечь из исторического небытия, на которое их обрекла социалистическая революция, и сделать нравственными ориентирами, образцами служения общественному долгу»⁴.

В 2002 году было исполнено еще одно решение 1915 года. В малом зале Кунгурской городской Управы, где проходят заседания современной Городской Думы, открылась галерея почетных граждан города Кунгура, созданная пермским художником Валерием Пономаревым. Среди других был размещен и портрет А. С. Губкина, написанный по известной фотографии.

В 2005 году по инициативе главы города А. Н. Махмудова начались работы по установке в Кунгуре памятника именитому чаеоторговцу. Модель будущего памятника выполнил пермский скульптор Николай Николаевич Хромов, член Союза художников Российской Федерации. Архитектурно-планировочное решение разработал известный пермский архитектор Александр Николаевич Шипигузов. Установить памятник авторская группа

предложила в сквере у Краеведческого музея, который должен был стать частью первого в России Музея истории купечества.

В ноябре 2005 года на благотворительном купеческом бале, проводимом женским клубом «Глория», проект был представлен на суд общественности. А в 2006 году на месте будущего монумента установлен памятный знак.

Тем временем авторская группа продолжала свою работу. В мастерской скульптора создавался из глины макет памятника в натуральную величину. В основу изображения вновь была положена знакомая всем фотография купца. «Мне не хочется создавать слишком помпезный памятник», – признался художник корреспонденту краевой газеты «Звезда»⁵.

Изготовленную форму перевезли в Москву, где на заводе имени Лихачева и была сделана отливка из чугуна. Скульптура выполнена пустотелой. Ее высота составляет 2,2 м, вес – 280 кг. Памятник установлен на гранитном пьедестале высотой 1,2 м.

Осуществление данного проекта стало возможным при финансовой поддержке генерального директора ООО «ЛУКОЙЛ-Пермь» Александра Викторовича Лейфрида. Благоустройство сквера произведено в рамках проекта «Кунгур – центр культуры Пермского края», а также на средства гранта «ЛУКОЙЛ-Пермь».

Торжественное открытие памятника А. С. Губкину состоялось 18 августа 2007 года, во время проведения в Кунгуре VI Фестиваля исторических городов и населенных пунктов Прикамья. Принять участие в столь знаменательном событии собралось несколько тысяч кунгуряков и гостей города.

Таким образом, спустя 92 года было выполнено еще одно решение Городской Думы об увековечении памяти знаменитого кунгуряка. А установленный памятник по праву стал еще одним символом современного Кунгура.

-
1. Семенов В. Л. А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 148.
 2. Там же. С. 148–149.
 3. Там же. С. 2.
 4. Там же. С. 152.
 5. Долдина С. С купеческим размахом // Звезда. 2006. 16 марта.

Книга вторая

**НАСЛЕДНИКИ ЧАЙНОГО
МАГНАТА**

ГЛАВА 1. ФИРМА

ТОРГОВЫЙ ДОМ

Унаследовав огромное состояние и хорошо налаженное дело, потомственный почетный гражданин А. Г. Кузнецов преобразовал единоличную фирму деда в Торговый дом «Алексея Губкина наследник А. Кузнецов и К⁰». Уставной капитал нового предприятия составил 1200000 рублей. Основной паевой взнос – 1165000 рублей – сделал сам учредитель¹. Помимо Александра Григорьевича в «дело» вошли его отец – Григорий Кириллович, дядя – Александр Кириллович Кузнецов, петербургский купец первой гильдии, а также Александр Ефимович Владимиров, долгое время служивший приказчиком у А. С. Губкина².

Торговый дом начал свою работу с 1 февраля 1884 года. Возглавив предприятие, внук именитого чаеоторговца по состоянию здоровья практически не участвовал в его деятельности. Фактическим руководителем фирмы был А. Е. Владимиров.

Главная контора Торгового дома находилась в Москве. Первоначально торговля была в основном сосредоточена в здании старого гостиного двора и доме Смирнова на Варварке³. Позднее ее центр переместился в особняк А. Г. Кузнецова, построенный на Малой Дмитровке по проекту архитектора Н. Н. Черницкого⁴. Здесь же были возведены и специальные «несгораемые» чайные амбары, где хранилась большая часть товара⁵.

Как и в прежние годы, фирма вела значительные торговые операции на крупнейших ярмарках страны. Так, например, на знаменитой Нижегородской ярмарке наследники А. С. Губкина торговали в Гостином дворе на 1-й и 2-й линиях. Причем известно, что приказчики А. Г. Кузнецова занимали лавки № 5 и № 6, а доверенные его дяди – № 7, № 8 и № 9⁶. В Ирбите, где также шла крупная оптовая торговля чаем и сахаром, предприятие арендовало (еще со времен самого А. С. Губкина) шесть лавок в корпусе «О»⁷.

В ассортименте товаров Торгового дома ведущее место по-прежнему занимал китайский чай. С целью «получить во всякое время и безо всяких посредников продукт, вполне отвечающий

запросам рынка и вкусам потребителя», была организована постоянная контора в Ханькоу⁸. В этом же городе фирма открыла и собственную фабрику «Синтай» для выделки плиточного чая. По свидетельству очевидцев, прессовка производилась механически и была «поставлена на возможную при современных технических средствах высоту»⁹.

В Россию чай из Китая поступал в эти годы в основном морским путем, через Одессу. Доставку по стране обеспечивала собственная транспортная сеть Торгового дома. Пользовалась фирма и услугами государственной почты¹⁰.

К началу 1890-х годов Торговый дом «Алексея Губкина наследник А. Кузнецов и К⁰» представлял собой многопрофильное динамично развивающееся предприятие. Кроме основной торговли фирма занималась продажей хлеба и мануфактуры¹¹. Открылись представительства во многих регионах страны. В Москве, на Нижней Сыромятнической улице, начала действовать крупнейшая в России чаеразвесочная фабрика. В 1886 году Товарищество приобрело у братьев Боткиных сахарорафинадный завод «Сокольники». Он находился в Москве, в Мещанской части, в доме Алексева на Колодезной улице¹². К 1894 году здесь вырабатывалось рафинада на 1,9 млн. рублей¹³.

Несмотря на то что ежегодный торговый оборот фирмы составлял около 20 миллионов рублей, активно продолжался и поиск новых рынков сбыта. В 1889 году предприятие представило свою новинку – чай в виде плиток – в Торговую палату Сенского Департамента. Как отмечал французский журнал «L'Encyclopédie Contemporaine», данный товар «представляет собой продукт отличного качества, спрессованный таким способом, что в нем при наименьшем объеме сохраняется вся его сила и весь аромат. Путешественники, охотники, военные высоко ценят этот чай в России»¹⁴.

Большое внимание уделялось и расширению ассортимента товаров. Особый упор предприятие сделало на индийский и цейлонский чай, который к этому времени уже начал завоевывать популярность в Европе. Осенью 1890 года специалисты фирмы апробировали несколько сортов цейлонского чая, присланного в Москву Торговым домом «Морис Роживий». Правда, одобрили лишь один, № 8: «Уборкой напоминает хороший ханькоуский,

только попадают длинные свернутые листья, пряный аромат»¹⁵. Однако, несмотря на это, спустя несколько лет предприятие открыло свои конторы в Коломбо и Калькутте, а также на чайном рынке в Лондоне.

В 1891 году Торговый дом был преобразован в Торгово-промышленное товарищество «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰».

-
1. *Семенов В. Л.* А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 48.
 2. *Ренева О. А.* Пути-дороги кунгурских чаоторговцев // Кунгур – чайная столица Российской Империи. – Кунгур, 2007. С. 19.
 3. Там же. С. 20.
 4. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников института гражданских инженеров (строительного училища) 1842–1892. Вып. II. – СПб, 1893. С. 373.
 5. Там же.
 6. *Ренева О. А.* Указ. соч. С. 20.
 7. <http://istoki.sib.ru/db/publisher/show>.
 8. Реклама Торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰».
 9. Там же.
 10. Сведения сообщены Владимиром Николаевичем Быковым (г. Москва).
 11. *Примаченко П.* Продавец чая // Русский торгово-промышленный мир. – М.: Планета, 1993. С. 256.
 12. Сведения сообщены В. Н. Быковым.
 13. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 48.
 14. *Ренева О. А.* Указ. соч. С. 20.
 15. Там же.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Устав Торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰» был Высочайше утвержден 16 ноября 1890 года. Владельцами фирмы по-прежнему оставались А. Г. Кузнецов и его родственники. Основной капитал предприятия составлял 10 миллионов рублей и был разделен на тысячу паев. Имелся и так называемый «запасный» капитал. По рекламным объявлениям начала XX века можно проследить его

рост. Так, например, в 1903 году он обозначался в 1500000 руб.¹, в 1907 году – 2000000 руб.², в 1910 году – 3000000 руб.³, а в 1915 году уже 3500000 рублей⁴.

Всеми делами предприятия занималось правление. В его состав входили трое директоров, избиравшихся на три года⁵. Обязанности одного из директоров долгое время исполнял Яков Григорьевич Долбышев, известный знаток чайного дела⁶. Председателем правления товарищества в 1891–1917 годах был Александр Ефимович Владимиров⁷.

Помимо основной торговли, фирма владела паями Верхне-амурской золотопромышленной компании⁸, занималась продажей хлеба и мануфактуры, что давало внушительный оборот – около одного миллиона рублей⁹. (Правда, после смерти А. Г. Кузнецова это направление деятельности было прекращено).

В середине 1890-х годов правление товарищества переехало во вновь выстроенный в самом центре столицы, на Красной площади, «против Спасских ворот», корпус Средних торговых рядов. Отделения фирмы к этому времени работали в Нижнем Новгороде, Казани, Перми, Кунгуре, Екатеринбурге, Самаре, Уфе, Челябинске, Тюмени, Томске, Иркутске и Ростове-на-Дону¹⁰. Продажа чая также производилась в Варшаве, в доме И. Б. Ревидцева на Маршалковской улице, и в Харькове, в доме Д. А. Журавлева на Рыбной улице¹¹.

В этот же период, в связи с выходом закона об обязательном обандеролировании чая в мелких помещениях, предприятие значительно расширило сеть развесочных. Помимо Москвы, фасовку чая стали производить в Иркутске и Самарканде. В 1895 году чайно-развесочное заведение товарищества было открыто в Одессе, на улице Скобелева¹². (В 1910 году развеска чая здесь составила 2200000 фунтов на сумму 2,5 миллиона рублей¹³). Еще одна чаеразвесочная была открыта в 1904 году в Челябинске¹⁴.

По свидетельству очевидцев, здания развесных товариществ были обширными, устроенными «с соблюдением всех требований гигиены». С технической стороны – «оборудованы согласно последним указаниям науки». Имелись электрическое освещение, вентиляция, электроавтоматические весы. «Общее

благоустройство и тщательный надзор вполне обеспечивают чистоту и опрятность развески»¹⁵.

Сохранились сведения, что к 1910 году развеской чая на предприятиях товарищества занимались около двух тысяч рабочих¹⁶. Упаковка товара производилась в бумажные пачки весом от 1 фунта до $\frac{3}{4}$ золотника, а также в различного рода чайницы: стеклянные, алюминиевые, жестяные, из папье-маше и т. д.

К 1899 году чайные склады товарищества, помимо перечисленных выше, были открыты еще в Петербурге, Одессе, Астрахани, Самарканде, Кургане, Омске, Красноярске, Кяхте, Сретенске-на-Амуре и Благовещенске. Продажа также производилась на Нижегородской, Ирбитской, Крестовской, Кундравинской, Мензелинской и Ишимской ярмарках¹⁷. Кроме того, чай фирмы можно было приобрести «у всех лучших колониальных и бакалейных торговцев Российской Империи»¹⁸.

Чтобы защитить продаваемый товар от подделок, товарищество в начале XX века зарегистрировало в Департаменте торговли и мануфактур особый товарный знак «Два якоря», представляющий собой круг с изображением двух перекрещенных якорей и надписью «Заявлен отделу промышленности». «Во избежание подделок требуйте чай в этикетках с торговым знаком фирмы «Два якоря», – гласили рекламные объявления того времени¹⁹.

Между тем, объемы продолжали увеличиваться. И если в 1900 году фирмой было реализовано 11 миллионов фунтов чая на сумму 28,5 миллиона рублей, то в 1903 году – уже 15 миллионов фунтов на 32 миллиона рублей. В 1908 году оборот превысил 40 миллионов рублей. В 1913 году – достиг 50 миллионов рублей²⁰. Торгово-промышленное товарищество по праву стало крупнейшей в России фирмой по оптовой торговле чаем.

Как и в прежние времена, своими главными задачами предприятие ставило «до малейших подробностей знать требования, предъявляемые рынком к качеству продукта, и возможно быстрее, полнее, наивыгоднейшим для покупателя образом применяться к этим требованиям и удовлетворять их»²¹.

С целью «успешнейшего достижения» поставленных задач были открыты постоянные конторы на крупнейших чайных рынках. К 1915 году они имелись в Ханькоу и Шанхае (Китай),

Коломбо (о. Цейлон), Калькутте (Индия), Лондоне, а также на острове Ява. Вследствие этого чай приобретались «со строжайшим разбором! Только лучших сортов, с самых известных плантаций»²².

Фирма внимательно следила как за качеством обращающегося товара, так и за потребностями спроса и предложения на рынке. Отделения товарищества работали в Петербурге, Одессе, Варшаве, Риге, Киеве, Харькове, Астрахани, Царицыне, Самарканде, Ташкенте, Андижане, Коканде, Тифлисе, Баку, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Самаре, Верхнеуральске, Троицке, Дуване, Уфе, Челябинске, Перми, Кунгуре, Екатеринбурге, Тюмени, Кургане, Омске, Семипалатинске, Верном, Петропавловске, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Бийске, Красноярске, Иркутске, Чите, Владивостоке²³.

Потребителям предлагался «весьма обширный и тщательно приноровленный ко вкусам и средствам российского потребителя» товар. Наиболее популярными были черные чай (№ 1–8), «тонкого аромата и нежного вкуса», первосортные (№ 58–65), «с крепким настоем и вкусом», а также цейлонские и индийские чай (№ 42,44,90–95), «с крепким настоем и ароматом». Стоимость этих чаев в розничной торговле составляла от 1 руб. 20 коп. до 4 руб. за фунт.²⁴

Кроме того, в продаже был зеленый чай, предназначенный для среднеазиатского рынка, а также разнообразные цветочные чай «на разные цены».

Широко были представлены в продаже плиточные и кирпичные чай, изготовленные «исключительно» на собственной фабрике «Синтай» в Ханькоу. По «доброкачественности, богатству и разнообразию выбора, прочности и изяществу выработки» они занимали на рынке «столь же видное положение», как и развешенный чай²⁵.

Товарищество занималось крупномасштабной благотворительной деятельностью в тех городах, где находились его конторы и чаеразвесочные. Так, в 1902 году фирма выделила для ликвидации последствий наводнения в г. Кунгуре 5000 рублей²⁶. В 1911 году на эти же цели было направлено 4000 рублей²⁷.

Пик деятельности предприятия пришелся на 1916 год. Оборота фирмы достигли 65 миллионов рублей, что составило треть

от всей продажи чая в стране ²⁸. Из них в течение года на благотворительные цели было израсходовано 295826 руб. 82 коп. Средства направлялись Русскому благотворительному обществу в Лондоне, Морскому благотворительному обществу в Петрограде, Попечительству императрицы Марии Алексеевны о слепых, Домам трудолюбия в Нижнем Новгороде, Челябинске, Чите. Самые большие суммы в 1916 году были выданы Губкинскому Техническому училищу и Елизаветинской рукодельной школе. Оба кунгурских учебных заведения получили по 50000 рублей.

В то время в Российской Империи государственными налогами не облагались только средства, пожертвованные на военные цели. В годы Первой мировой войны Товарищество расходовало большие суммы на помощь русским воинам и их семьям. Деньги выделялись Комитету помощи военнопленным, Обществу попечительства о раненых и увечных воинах и их сиротах, Аракчеевскому комитету русских солдат «Чудо-богатыри», Скобелевскому комитету, Брусиловскому комитету, военным госпиталям, Обществу «Красный крест», Комитетам помощи беженцам. В здании московской чаеразвесочной Товарищество содержало лазарет, также средства были переданы Московской городской управе на открытие лазарета имени наследников фирмы. В 1915 году в числе пожертвований на военные нужды были 100000 рублей, выделенные Военно-промышленному товариществу на устройство снарядного завода ²⁹.

В 1918 году Торгово-промышленное товарищество было национализировано. Началась еще одна страница истории предприятия. Основанная некогда А. С. Губкиным фирма стала Чаеуправлением – Государственным чайным, кофейным и цикорным трестом ³⁰.

Удалось установить, что с данной организацией активно сотрудничал Владимир Маяковский. В конце мая – начале июня 1924 года он написал по заказу Чаеуправления 15 рекламных текстов. Покупатели во многих уголках страны, вскрыв ящики и коробки с чаем, какао или кофе, читали на вложенных плакатах-листовках призывы пролетарского поэта:

Эскимос,
медведь
и стада олени
пьют
чай
Чаеуправления.
До самого полюса
грейся
и пользуйся.

Где взять
чаю хорошего?
В Чаеуправлении –
доброкачественно и дешево.
Спешите покупать,
не томитесь жаждой –
чай на любую цену,
чай на вкус каждый.

Мы
зовем
пролетария
и пролетарку:
запомни
точно
эту марку.
Покупая, примечай:
чей-чай?
Остерегайтесь
подделок.
Что за радость,
если вам
подсунут
дешевую гадость?
От чая случайного
откажемся начисто.
Лишь чай Чаеуправления
высшего качества ³¹.

В 1927 году по распоряжению ВСНХ СССР Чаеуправление
было ликвидировано ³².

1. Реклама Торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰» // Русский паломник. 1903. № 17.
2. Реклама Торгово-промышленного товарищества... // Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1907 год. – Пермь, 1906. С. 17.
3. Реклама Торгово-промышленного товарищества... 1910 г. ККМ.
4. Реклама Торгово-промышленного товарищества... 1915 г. ККМ.
5. *Ренева О. А.* Пути-дороги кунгурских чаеоторговцев // Кунгур – чайная столица Российской Империи. – Кунгур, 2007. С. 20.
6. Там же.
7. Сведения сообщены Владимиром Николаевичем Быковым (г. Москва).
8. *Семенов В. Л. А. С.* Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 48.
9. *Примаченко П.* Продавец чая // Русский торгово-промышленный мир. – М.: Планета, 1993. С. 256.
10. *Ренева О. А.* Указ. соч. С. 21.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же.
14. <http://www/book-chel.ru/ind.php?what=card&cid1014>.
15. Реклама Торгово-промышленного товарищества... 1913 г. ККМ.
16. Там же.
17. *Ренева О. А.* Указ. соч. С. 21.
18. Реклама Торгово-промышленного товарищества... 1913 г. ККМ.
19. Там же.
20. *Ренева О. А.* Указ. соч.
21. Реклама Торгово-промышленного товарищества... 1915 г. ККМ.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1902 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1903. С. 427.
27. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1911 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1913. С. 301–302.
28. *Примаченко П.* Указ. соч. С. 256.
29. *Ренева О. А.* «Кунгур не беден как частной, так и общественной благотворительностью» // Искра. 2007, 17 ноября.
30. <http://guides.rusarchives.ru/browse/gbfond.ntml?bid>.
31. <http://tealips.ru/index.php?act>.
32. <http://guides.rusarchives.ru/browse/gbfond.ntml?bid>.

ГЛАВА 2. КУЗНЕЦОВЫ

КУНГУРСКИЙ ФИЛАНТРОП

Наследник чайного магната, потомственный почетный гражданин А. Г. Кузнецов (1856–1895), по праву являлся одним из наиболее ярких представителей купеческого сословия не только нашего города, но, пожалуй, всей России.

Александр Григорьевич родился 11 декабря 1856 года в купеческой семье, известной в Кунгуре с XVII века¹. Отец – Григорий Кириллович Кузнецов (1832–1897)² – купец первой гильдии. Мать – Анна Алексеевна Губкина (1838–1868 (?))³ – дочь именитого чаеоторговца.

Унаследовав от матери болезнь легких, с детства не отличался крепким здоровьем. Первоначальное образование получил дома. Удалось установить, что его первым учителем был священник Кунгурского Благовещенского собора о. Николай Старицын⁴. (В 1885 году, когда отец Николай уже жил в Осе, прихожане осинского собора преподнесли своему пастырю золотой наперсный крест с бриллиантами. Средства на приобретение подарка – 1000 руб. – выделил его бывший воспитанник⁵).

В дальнейшем наследник двух купеческих родов обучался в Петербургском коммерческом училище. Однако полный курс не закончил. Из-за слабости легких вынужден был подолгу жить в Ницце и других южных городах, где, по воспоминаниям очевидцев, и «пополнил свое образование изучением главных европейских языков, которые знал в совершенстве»⁶.

В 1883 году, после смерти деда А. С. Губкина, Александр Григорьевич унаследовал его фирму и многомиллионное состояние. В феврале 1884 года он учредил Торговый Дом «Алексея Губкина наследник А. Кузнецов и К⁰». В 1891 году предприятие было преобразовано в Торгово-промышленное товарищество «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰», ставшее впоследствии крупнейшей в России фирмой по оптовой торговле чаем.

По свидетельству современников, А. Г. Кузнецов всегда был готов «оказать поддержку всякому доброму начинанию». Как «истинный друг просвещения», он принимал «особенно горячее участие» в судьбе Губкинского Технического училища. На

первых порах помогал деду, разделяя с ним «все заботы» по устройству заведения⁷. Позднее, с 13 июля 1884 года, был его почетным попечителем⁸.

Известно, что Александр Григорьевич ежегодно оказывал училищу значительную финансовую помощь. Так, например, в 1883 году он выделил 4000 руб. на покрытие расходов⁹. В марте 1885 года внес 600 руб. на устройство парового отопления в мастерских¹⁰. В 1888 году пожертвовал 21 тыс. руб.¹¹. Учебному заведению также было передано 15 тыс. руб. на открытие дополнительных мастерских и их оснащение¹². Кроме того, с августа 1884 года А. Г. Кузнецов увеличил жалование и пенсии преподавателям, установив для этой цели специальное пособие в размере 1486 руб.¹³.

Не было забыто и другое учебное заведение, основанное А. С. Губкиным. С 27 ноября 1884 года Александр Григорьевич также состоял почетным попечителем Елизаветинской рукодельной школы¹⁴. На нужды заведения он пожертвовал 83 тыс. руб.¹⁵. Помимо этого, в 1887 году на его средства был сделан пристрой к зданию приюта¹⁶. В 40 тыс. рублей обошлось строительство в городском сосновом бору двухэтажной каменной дачи для воспитанниц¹⁷.

Находясь далеко от Кунгура, Александр Григорьевич «зорко следил за опекаемыми им учебными заведениями»¹⁸. «Все, что я сделал для кунгурских училищ, – писал он попечителю Оренбургского учебного округа, – я сделал по указаниям моего покойного деда. Теперь, когда со смертью его, мне как преемнику по званию почетного попечителя учрежденных им учебных заведений предстоит самостоятельно работать на трудном поприще, я нуждаюсь в руководстве высшего учебного начальства, которым и намерен всегда пользоваться, неуклонно следуя по пути покойного деда моего на пользу народного образования»¹⁹.

В феврале 1881 года энергичная и полезная деятельность А. Г. Кузнецова на ниве народного просвещения была отмечена золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте²⁰. В декабре 1883 года ему Высочайше пожалован орден Св. Станислава 3-й степени²¹.

Значительные пожертвования Александр Григорьевич сделал и на нужды родного города. В 1883 году, например, он вместе с сестрой, Марией Григорьевной Ушковой, передал в Город-

скую Управу 10 тыс. рублей для раздачи беднейшим жителям. Да и в последующие годы выделял по 500, а то и по 1000 рублей для раздачи бедным кунгурякам к праздникам Рождества и Пасхи.

В 1885 году за заслуги перед городом А. Г. Кузнецову было присвоено звание «Почетный гражданин города Кунгура», а его фамилия внесена «в особо установленную и хранящуюся при Городской Думе» Бархатную книгу²².

В 1888 году Александр Григорьевич пожертвовал 1000 руб. городскому четырехклассному училищу²³. В 1894 году выделил 25 тыс. руб. на строительство постоянного моста через реку Сылта и 10 тыс. руб. на расширение здания городского училища²⁴. На его средства (120 тыс. руб.) в Кунгуре, над могилой А. С. Губкина, был возведен величественный Свято-Никольский храм²⁵.

Помимо этого, А. Г. Кузнецов в 1879–1883 годах был членом попечительского комитета Кунгурской женской прогимназии²⁶. Избирался гласным Городской Думы. Состоял пожизненным членом Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам Пермской духовной семинарии с ежегодным взносом в 500 руб.²⁷.

Сохранились сведения, что в 1883 году Александр Григорьевич перечислил 2 тыс. руб. братству Св. Стефана Великопермского для вспомоществования бедным ученикам Пермской классической гимназии²⁸. В 1884 году выделил 1000 руб. на строительство миссионерской школы в с. Большой Тавр²⁹. В 1885 году по призыву Преосвященного Ефрема, епископа Пермского, внес 1500 рублей в фонд Епархиального училищного совета для открытия и поддержания церковноприходских школ³⁰, а также 500 руб. – на помощь воспитанникам Пермской духовной семинарии³¹.

С начала 1880-х годов А. Г. Кузнецов жил в Москве. Числился московским купцом первой гильдии³². Для его проживания был специально построен по проекту архитектора Н. Н. Черницкого особняк на Малой Дмитровке³³.

Несмотря на болезнь, Александр Григорьевич активно участвовал в общественной жизни столицы. В 1885–1888 годах избирался гласным Московской Городской Думы. В 1885–1894 годах был выборным Московского биржевого общества³⁴. Со-

стоял почетным членом Московского филармонического общества и комиссии публичных народных чтений при обществе распространения полезных книг. Входил в состав попечительского комитета Московского училища живописи, ваяния и зодчества, совета Московского торгового банка, отделения совета торговли и мануфактур, общества для пособия нуждающимся сибирякам и сибирячкам, учащимся в учебных заведениях Москвы.

В октябре 1884 года А. Г. Кузнецов был избран почетным попечителем бесплатной лечебницы имени князя В. А. Долгорукова при комитете «Христианская помощь» Российского общества Красного Креста³⁵. Начиная с 1886 года, входил в состав попечительского комитета Александровского коммерческого училища³⁶. За заслуги на этом поприще 26 февраля 1891 года награжден орденом Св. Анны 2-й степени³⁷.

Продолжил он и благотворительную деятельность. Так в 1884 году пожертвовал 2 тыс. рублей на учреждение стипендии имени А. С. Губкина в состоящем под покровительством Императрицы приюте Общества для попечения о детях лиц, ссылаемых приговором в Сибирь³⁸. Выделил 30 тыс. рублей на возобновление Нижегородского ярмарочного комитета и 75 тыс. рублей на строительство собора в Варшаве³⁹. В 1887 году за организацию Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки получил орден Св. Станислава 2-й степени⁴⁰.

Александр Григорьевич оказывал поддержку начинающим художникам, покупая их работы. Увлеченно собирал неоакадемическую живопись. Особенно любил К. Е. Маковского и Н. А. Бодаревского⁴¹. В коллекции «чайного короля» также находились рисунки И. И. Шишкина и его картина «Еловый лес зимой»⁴². После революции собрание национализировали. Его дальнейшая судьба пока неизвестна.

На средства А. Г. Кузнецова были изданы на русском языке сочинения Геродота Фукидида, Полибия, Тита Ливия, а также альбом фотогравюр с картин В. Е. Маковского, исследования профессора Кулагина, труды Московского конгресса естествоиспытателей 1892 года, древние акты города Вятки⁴³. Кроме того, он финансировал издание переписных, дозорных и окладных книг г. Кунгура XVII–XVIII веков («Кунгур. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий». М., 1886) и «Кунгурских актов XVII века» (Петербург, 1888).

Крупные пожертвования были сделаны А. Г. Кузнецовым в Крыму. Так на его средства построена биологическая станция с великолепным аквариумом в Севастополе (ныне – Институт биологии южных морей). Открыта церковноприходская школа в деревне Байдары⁴⁴. С 1890 года купец был почетным попечителем Ялтинской мужской прогимназии⁴⁵.

В 1889 году Александр Григорьевич изъявил желание устроить в Ялтинском уезде, близ своего имения Форос, храм в память о спасении Императора Александра III и его семьи при крушении поезда на станции Борки 17 октября 1888 года⁴⁶. Место для строительства было выбрано на вершине 400-метровой Красной скалы.

Изящная девятикупольная церковь Воскресения Христова построена в 1892 году по проекту петербургского академика архитектуры Н. М. Чагина. При ее возведении была использована особая технология кладки из широкого плоского кирпича-плинфы, с системой внутренних опор-столбов. Росписи внутри храма выполнили известные художники К. Е. Маковский и А. И. Корзухин. Мозаики были заказаны в знаменитой мастерской итальянца Антонио Сальвиатти⁴⁷. На содержание причта храмоздатель пожертвовал капитал в 52 тыс. 400 рублей⁴⁸.

Освящение храма состоялось 4 октября 1892 года. Обряд совершил Преосвященный Мартиниан, епископ Симферопольский и Таврический. В качестве почетного гостя на церемонии присутствовал обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев. А 17 октября 1898 года Форосскую церковь посетили император Николай Александрович и Императрица Александра Федоровна⁴⁹.

Известно и о других сферах деятельности А. Г. Кузнецова. Был он крупным землевладельцем. Помимо Фороса, приобретенного в 1887 году, владел имениями в Курской губернии (4300 десятин) и Можайском уезде Московской губернии (145 десятин)⁵⁰. Был членом правления товарищества химических заводов «П. К. Ушков и К⁰»⁵¹. Имел собственные сады и виноградники в Крыму и на острове Мадейра. (О них, в частности, упоминает в рассказе «Фогабал» В. А. Гиляровский⁵²).

Александру Григорьевичу принадлежала знаменитая яхта «Форос», считавшаяся по величине и великолепию второй среди частных яхт в мире. В 1894 году, при стоянке в Каннах, на ней

гостил наследник английского престола, принц Альберт-Эдуард (будущий король Великобритании Эдуард VII). Конный завод А. Г. Кузнецова в Артемьевке славился не только в России, но и за ее пределами. А в имении Осташево была открыта молочная ферма, продукция которой получила более десяти наград на различных сельскохозяйственных выставках⁵³.

О личной жизни Александра Григорьевича известно немного. Женат он не был. Но, удалось установить, имел постоянную сожительницу – Марию Павловну Бенардаки. Была она медсестрой, состояла в браке с кузнецовским дворецким – греком. По свидетельству очевидцев, купец выкупил ее у мужа⁵⁴.

Александр Григорьевич Кузнецов умер 22 июля 1895 года в своем имении Осташево под Москвой. В некрологе говорилось: «Он умер от воспаления легких, в полном расцвете сил. Но не как коммерсант, а как человек, отзывчивый на нужды церкви, науки и искусства, как щедрый благодетель, покойный оставил по себе добрую память»⁵⁵.

В Кунгур известие о кончине незабвенного Александра Григорьевича поступило в тот же день. Три последующих дня во всех храмах города служили заупокойную обедню и панихиды. Кунгуряки выразили «искреннее желание» похоронить усопшего в родном городе, под сенью строящегося на его средства Николаевского храма⁵⁶. Однако это пожелание не было исполнено.

Похороны А. Г. Кузнецова состоялись 28 июля в Москве. В столицу гроб с телом покойного доставили в особом вагоне по Московско-Брестской железной дороге. По свидетельству очевидцев, вагон с гробом, «изящно убранный черной материей», был наполнен массой венков. Платформа пассажирской станции была «роскошно убрана» тропическими растениями⁵⁷.

К 9 часам утра (ко времени прибытия траурного поезда) на станции собрались адмирал Н. И. Скрудлов, А. Н. Вишневецкий, представители комитета «Христианская помощь», общества любителей естествознания, антропологии и зоологии, общества акклиматизации животных и растений, Московского биржевого и купеческого общества, правление и служащие Торгово-промышленного товарищества, а также «много других лиц».

По прибытии поезда настоятелем Златоустинского монастыря архимандритом Поликарпом, «в сослужении с многочисленным духовенством, при пении хора певчих», была отслужена

краткая лития. Затем гроб с телом покойного Александра Григорьевича перенесли в храм Св. Пимена Преподобного в Старых Воротниках, где архимандрит Поликарп при участии диакона Успенского собора Н. Рослякова и хора певчих отслужил заупокойную литургию. В церкви в этот момент находились «почти все бывшие при встрече гроба на вокзале»⁵⁸.

На гроб были возложены «роскошные венки» из живых цветов от родственников и сослуживцев покойного, а также от вспомогательного общества купеческих приказчиков города Москвы, от Императорского общества акклиматизации животных и растений, от зоологического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, от директоров филармонического общества, от общества распространения практических знаний между образованными женщинами, от Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству, от Александровского коммерческого училища, от кунгурского городского общества – «Почетному гражданину города Кунгура и незабвенному благодетелю»⁵⁹.

В пять часов вечера в церкви была отслужена панихида, на которой присутствовали адмирал Н. И. Скрыдлов, князь С. М. Голицын, правление чайной компании, родственники покойного и много «других лиц». Неожиданная смерть Александра Григорьевича вызвала настоящий шок как среди его родственников, так и у руководства Торгово-промышленного товарищества. А тем временем среди собравшихся в храме гулял шепот: «Кому достанутся эти богатства?»⁶⁰.

Свой последний приют Александр Григорьевич Кузнецов обрел в фамильном склепе на кладбище Алексеевского женского монастыря. До наших дней его могила, как, впрочем, и сам монастырь, не сохранилась.

-
1. Кунгурские акты XVII века. – СПб, 1888. С. 3.
 2. *Мушкалов С. М.* Григорий Кириллович Кузнецов // Забытое кунгурское купечество. – Кунгур, 2001. С. 67.
 3. *Летихина З. Я.* Кунгурские купцы // Искра. 1994. 12 июля.
 4. ПЕВ. 1901. № 17. С. 453.
 5. Там же. С. 455.
 6. *Веркина Н.* Истинный друг просвещения // Искра. 1994. 6 августа.
 7. Из Кунгура // ПГВ. 1877. № 60.

8. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 42. Л. 106.
9. Там же.
10. Там же. Л. 16.
11. *Веркина Н.* Указ. соч.
12. *Елтышева Л. Ю.* Полезны завсегда, полезны нам науки. – Кунгур, 2004. С. 96.
13. Там же.
14. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 42. Л. 106.
15. *Семенов В. Л. А. С.* Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 73.
16. *Елтышева Л. Ю.* Указ. соч. С. 56.
17. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 73.
18. *Веркина Н.* Указ. соч.
19. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 73.
20. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 42. Л. 105.
21. Там же.
22. *Веркина Н.* Указ. соч.
23. Там же.
24. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 77.
25. *Летихина З. Я.* Православный Кунгур. Пермь: Энтер-профи, 1999. С. 100.
26. Там же.
27. ПЕВ. 1886. № 11. С. 273.
28. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 год. – Пермь, 1891. С. 124.
29. ПЕВ. 1886. № 8. С. 130.
30. Там же. № 10. С. 173.
31. Там же. № 11. С. 270.
32. Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. XVI. – СПб, 1895. С. 937.
33. Юбилейный выпуск сведений о деятельности бывших воспитанников института гражданских инженеров (строительного училища). Вып. II. – СПб, 1893. С. 373.
34. Сведения сообщены Владимиром Николаевичем Быковым (г. Москва).
35. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 75.
36. Сведения сообщены В. Н. Быковым.
37. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 62. Л. 137.
38. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 75.
39. Там же. С. 81–82.
40. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 62. Л. 137.
41. *Банников А. П., Сапожников С. А.* Собиратели и хранители прекрасного. – М.: Центрполиграф, 2007. С. 153.

42. Там же. С. 253.
43. Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. XVI. – СПб, 1895. С. 937.
44. Сведения сообщены Ларисой Юрьевной Елтышевой.
45. Семенов В. Л. Указ. соч. С. 81.
46. <http://terra-tavrika.narod.ru/2003/12s20.htm>.
47. <http://www.yalta063.com/main/foros.htm>.
48. Семенов В. Л. Указ. соч. С. 81.
49. Сведения сообщены Л. Ю. Елтышевой.
50. Семенов В. Л. Указ. соч. С. 75.
51. Сведения сообщены В. Н. Быковым.
52. Гиляровский В. А. Фогабал // Москва и москвичи. – М.: Московский рабочий, 1983. С. 411.
53. Примаченко П. Продавец чая // Русский торгово-промышленный мир. – М.: Планета, 1993. С. 256.
54. Сведения сообщены Павлом Петровичем Фирсовым (п. Форос, Крым).
55. ПГВ. 1895. 1 августа.
56. Лепихина З. Я. Православный Кунгур. Пермь: Энтер-профи, 1999. С. 158.
57. Семенов В. Л. Указ. соч. С. 82.
58. Там же.
59. Там же. С. 82–83.
60. Там же. С. 83.

ЗЯТЬ ЧАЙНОГО МАГНАТА

Не менее колоритной фигурой в купеческом мире Кунгура был и зять чайного магната, потомственный почетный гражданин Г. К. Кузнецов (1832–1897).

Григорий Кириллович родился в 1832 году в семье купца первой гильдии Кирилла Егоровича Кузнецова (1794–1853). Один из немногих кунгурских купцов получил высшее образование, закончив Высший коммерческий пансион в Петербурге¹. После смерти отца продолжил его дело. С 1 января 1854 года сам стал купцом первой гильдии².

Его основные коммерческие операции были связаны с перегоном скота из Сибири и Средней Азии, забоем и последующей переработкой. Шкуры животных шли на кожевенные заводы. Мясо отправляли тушами в Москву, Петербург и другие города. Часть продукта, особенно баранину, реализовывали на местном

рынке. Топленое сало высшего сорта везли в бочках водным путем до Петербурга. Оттуда оно поступало в продажу. Только за границу, по свидетельству Вас. И. Немировича-Данченко, вывозилось сала на 10 миллионов рублей в год³. Низшие сорта сала использовались на мыловаренных и свечных заводах.

Помимо салотопенных заводов и скотобоев Г. К. Кузнецов был владельцем кожевенного и клееварного заводов в Кунгуре, а также нескольких мукомольных заведений в уезде. Кроме того, купцу принадлежал лесопильный завод в деревне Сая Сосновской волости. В 1872 году оценка завода составляла 42640 рублей⁴. В начале 1890-х гг. предприятие включало лесопильное заведение на две рамы, два мукомольных станка, крупотолчею, крупчаточную мельницу с механизмом, корпус амбаров, деревянный дом с надворным строением, а также плотину на реке Сае. Весь комплекс оценивался в это время в 15300 рублей⁵.

В собственности Григория Кирилловича находилось и несколько пароходов. Один из них – буксиро-пассажирский пароход «Бабка» в 80 лошадиных сил – сдавался в аренду петербургскому купцу Н. М. Григорьеву⁶.

В 1882 году кунгурский миллионер приобрел на торгах бывший судостроительный завод Гакса. Тот находился в засыпной части города, на Малокожевенной улице, и состоял из двух деревянных корпусов, конторы и надворных построек. Однако попытка возродить в Кунгуре производство пароходов не увенчалась успехом. Предприятие вновь стало убыточным. В 1886 году его перепрофилировали в Механический сталелитный завод. В 1889 году комплекс завода оценивался в 7500 рублей⁷.

Григорий Кириллович был известен и как конезаводчик. Разводил чистокровных рысистых лошадей. Особо славились в Кунгуре его рысаки серой масти Наполеон и Делеша⁸.

Вел купец и розничную торговлю. Принадлежавший ему корпус каменных торговых лавок находился в самом центре города, на Киттарской улице, рядом с гостиним двором.

С именем Г. К. Кузнецова связана целая эпоха в жизни городского общества. С 1 января 1860 года по 1 января 1863 года купец был городским головой Кунгура⁹. Избирался гласным Городской Думы (1872–1888), гласным Уездного Земского собрания (1876–1885), почетным мировым судьей (1873–1893), по-

четным попечителем городского училища (1876–1882), членом попечительского комитета Елизаветинской рукодельной школы (1894–1897). Входил в состав губернского попечительства детских приютов, местного комитета Общества Красного Креста, Пермского отделения Православного миссионерского общества¹⁰.

Удалось также установить, что 12 февраля 1885 года Григорий Кириллович был избран в состав попечительского комитета технического училища¹¹. «Г. Попечитель Оренбургского Учебного округа уведомил меня, – сообщает отцу А. Г. Кузнецов, – что Вы, Любезный Родитель, утверждены г. Министром народного просвещения в звании почетного члена попечительского комитета Губкинского Технического училища. Кроме того, так как г. исправляющий должность попечителя, действительный статский советник Василий Никифорович Шишонко заявил мне, что он не может более исправлять этой должности, а потому на основании § 37 действующего устава почтительно прошу Вас, Любезный Родитель, вместе с принятием звания почетного члена попечительского комитета, принять на себя труд исправляющего должности почетного попечителя училища»¹².

Благородные идеи бескорыстного служения общественным интересам дополняет и многогранная благотворительная деятельность купца. Так в 1860 году он приобрел на свои средства дом для священника Скорбященской церкви¹³. Позднее в этот же храм внес особый капитал в 6000 руб. на содержание причта¹⁴. В 1869 году пожертвовал для уездного училища двухэтажный каменный дом стоимостью 14000 рублей¹⁵. В 1874 году устроил взвоз на реке Сылве, потратил на благое дело 3000 рублей¹⁶. В мае 1877 года передал 2 тысячи рублей в распоряжение Государыни Императрицы на санитарную часть военного отдела по случаю войны с Турцией¹⁷. На его средства была издана знаменитая «Сибирская (Кунгурская) летопись».

В 1877 году Григорий Кириллович изъявил желание «принять на свой счет ремонт построенного его отцом здания городской больницы, с устройством при оном особого помещения для аптеки»¹⁸. В 1878–1880 годах на средства купца были оштукатурены стены, заменены полы, сложены новые печи и камины, устроены комнаты для приема больных, оборудована вентиляция¹⁹. Во дворе возведены деревянный флигель на 18 коек, со-

единенный со зданием больницы теплым переходом, баня и одноэтажное каменное здание анатомического покоя. Общая стоимость выполненных работ составила 50 тысяч рублей²⁰.

За ревностное усердие в службе на общественных должностях и щедрые пожертвования на нужды города Г. К. Кузнецов был награжден золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте (24 декабря 1862 г.), орденом Св. Станислава 2-й степени (30 августа 1869 г.). В августе 1879 года получил, по ходатайству главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах, сразу два знака Красного Креста. В феврале 1880 года был Высочайше пожалован орденом Св. Анны 2-й степени. В апреле 1884 года удостоен ордена Св. Владимира IV степени²¹. В 1885 году Государь Император присвоил Григорию Кирилловичу звание «Почетный гражданин города Кунгура»²².

Последние годы жизни Г. К. Кузнецов жил в Москве. Умер 12 июня 1897 года в Париже²³.

В первом браке Григорий Кириллович был женат на дочери А. С. Губкина Анне Алексеевне (1838–1868(?)). Имел трех детей: Александра, Марию и Николая (он умер 17 марта 1869 года в возрасте 8 лет от скарлатины и был похоронен на Вознесенском кладбище²⁴). К сожалению, у Анны Алексеевны были слабые легкие, поэтому она прожила недолго и умерла в 1838 году в возрасте 30 лет.

Разговор о второй супруге Г. К. Кузнецова и детях от этого брака пойдет в следующем очерке.

1. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1886 год. – Кунгур: Типография Ф. Ф. Сланского и А. П. Паркачевой, 1886. С. 230.

2. КГА. Ф. 586. Оп. 1. Д. 98. Л. 21.

3. *Немирович-Данченко В. И.* Кама и Урал. – СПб: Издательство П. П. Сойкина, 1904. С. 252.

4. Отчет Кунгурской Уездной Земской Управы с 1 сентября 1870 г. по 30 сентября 1871 г. – Казань, 1872. С. 147.

5. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1891 год. – Кунгур: Типография Ф. Ф. Сланского, 1892. С. 686.

6. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 год. – Пермь, 1891. С. 142.

7. Именной список домовладельцам г. Кунгура с показанием ценности и доходности их недвижимых имуществ по оценке Кунгурской

- земской оценочной комиссии в 1889 году. ККМ. ОФ № 6122/7. С. 6.
8. Журналы Кунгурского Уездного Земского Собрания за 1907 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1907. С. 120.
 9. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 42. Л. 20.
 10. *Мушкалов С. М.* Забытое кунгурское купечество. – Кунгур, 2001. С. 68.
 11. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 42. Л. 11.
 12. Там же. Л. 41.
 13. *Летихина З. Я.* Православный Кунгур. – Пермь: ЭНТЕР-ПРОФИ, 1999. С. 104.
 14. *Золотов Е. Д.* История храмов Кунгура. Рукопись. ККМ. ОФ 6122/51 д-5464. С. 158.
 15. *Семенов В. Л.* Меценаты Кунгура. – Пермь, 1997. С. 78.
 16. Там же.
 17. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1877 год. – Кунгур: Типография А. Зубарева, 1878. С. 29.
 18. Там же. С. 68.
 19. *Федорова Н. В.* Первую больницу в городе построили купцы // Искра. 2002. 5 сентября.
 20. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1897 год. – Кунгур: Типография А. П. Паркачевой, 1897. С. 171–173.
 21. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 42. Л. 21.
 22. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 303. Л. 82.
 23. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1897 год. – Кунгур: Типография А. П. Паркачевой, 1897. С. 153.
 24. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 5. Л. 266.

КУНГУРСКАЯ МИЛЛИОНЕРША ИЗ ПАРИЖА

В плеяде замечательных женщин, оставивших значительный след в торговой общественной и благотворительной жизни нашего города, особое место принадлежит А. И. Кузнецовой.

Анна Ивановна была второй женой почетного гражданина г. Кунгура, купца первой гильдии Г. К. Кузнецова (1832–1897). Правда, дату их бракосочетания пока установить не удалось. В метрических книгах кунгурских храмов за 1868–1874 годы запись об этом событии отсутствует. Скорее всего, оно состоялось в другом городе.

Не установлена пока и девичья фамилия А. И. Кузнецовой. Известно лишь, что в Кунгуре проживала ее старшая сестра Александра Ивановна Полежаева (1822–1896), жена, а затем

вдова отставного подполковника. С 1878 года она исполняла обязанности почетной блюстительницы Елизаветинской рукодельной школы¹. Была прихожанкой Благовещенского собора. Неоднократно жертвовала деньги на приобретение облачений для священнослужителей и различной церковной утвари. В апреле 1886 года на ее средства был отреставрирован находившийся в алтаре за жертвенником деревянный восьмиконечный крест «значительной величины»². Умерла 15 ноября 1896 года в возрасте 74 лет, от старости. Обряд отпевания совершил протоиерей о. Михаил Холмогоров соборне с приходским духовенством. Похороны состоялись на Вознесенском кладбище³.

Первенцем Анны Ивановны и Григория Кирилловича была дочь Наталья. Она родилась 27 января 1875 года. Восприемниками были петербургский купец первой гильдии Александр Кириллович Кузнецов и подполковницкая жена Александра Ивановна Полежаева⁴.

Позднее в семье Кузнецовых появилось на свет еще шестеро детей: Елизавета (род. 25 мая 1876 г.)⁵, Анна (род. 5 сентября 1877 г.)⁶, Николай (род. 28 ноября 1878 г.)⁷, Григорий (род. 10 сентября 1880 г.)⁸, Раиса (род. 24 октября 1883 г.)⁹, Александра (род. 1888)¹⁰.

Сохранились сведения, что в середине 1880-х годов Григорий Кириллович Кузнецов вместе с женой и детьми переехал в Москву, а затем обосновался в Париже.

После смерти А. Г. Кузнецова Анна Ивановна и ее дети стали совладельцами Торгово-промышленного товарищества «Премник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰». Унаследовали они и особняк Александра Григорьевича в Москве, на Малой Дмитровке¹¹.

После смерти мужа, последовавшей 12 июня 1897 года, Анна Ивановна стала заниматься общественной деятельностью. Входила в состав попечительских комитетов Елизаветинской рукодельной школы и Общественной Зырянской богадельни.

Известны и ее многочисленные пожертвования на нужды народного образования, здравоохранения и городского хозяйства. Так, например, в 1898 году Анна Ивановна внесла 12500 рублей на строительство постоянного моста через Сылву, а также отремонтировала за свой счет здание земской аптеки¹². В 1899 году подарила усадебное место на углу Киттарской и Фролов-

ской улиц площадью 1600 кв. саж. для постройки пчеловодного музея¹³. В 1900 году выделила 2300 рублей на строительство нового здания городского училища¹⁴. В 1906 году уступила Кунгурскому земству деревянный дом в засылвенской части города для размещения Пашийского начального училища¹⁵. В 1911 году пожертвовала в пользу пострадавших от наводнения 2000 руб. Эти средства лично распределял по спискам управляющий именем Кузнецовых Н. И. Мамонтов¹⁶.

В 1905 году А. И. Кузнецова учредила в память рано умершей дочери Раисы Успенскую одноклассную церковноприходскую школу и стала ее почетной попечительницей. Для этого учебного заведения на средства Анны Ивановны построили двухэтажный дом из красного кирпича. По воспоминаниям современников, это было одно из лучших зданий церковноприходских школ в епархии¹⁷. На содержание заведения купчиха ежегодно жертвовала по 1800 рублей¹⁸.

На 1 января 1906 года в школе обучалось 90 девочек¹⁹. В 1910 году в ней числилось 187 учениц²⁰. Заведовал школой священник Успенской церкви о. Антонин Знаменский²¹. В 1919 году здание (ул. Ленина, 48) национализировали. На базе учебного заведения была открыта школа первой ступени (впоследствии – начальная школа № 4). В настоящее время здесь размещается Центральная детская библиотека имени Б. С. Рябинина.

Неоднократно Анну Ивановну просили стать и почетной попечительницей Кунгурской женской гимназии. Так, например, в 1907 году Городская Управа, «зная отзывчивость А. И. Кузнецовой к нуждам города и в особенности к нуждам народного образования», командировала в Париж начальницу гимназии баронессу Е. В. фон Брюгген²². Но миллионерша вновь отказалась «за дальностью расстояния ее проживания»²³.

В июне 1907 года Городская Управа обратилась к А. И. Кузнецовой с ходатайством об уступке принадлежащего ей дома по Китгарской улице. В него предполагалось перевести управу, а здание управы передать женской гимназии. Но Анна Ивановна «не нашла для себя возможным уступить городу принадлежащий ей с детьми родовой дом для указанной цели»²⁴.

Благотворительная деятельность А. И. Кузнецовой не ограничивалась лишь Кунгуром. В городе Алупка, в Крыму, 15

ноября 1902 года был торжественно открыт новый корпус, возведенный на ее средства, в санатории для детей, больных костно-суставным туберкулезом. На открытии кузнецовского дома присутствовали член Государственного совета, генерал-фельдмаршал Д. А. Милютин, кавалеристская дама А. Н. Стрелалова, камергер двора граф С. В. Орлов-Демидов и другие именитые гости²⁵.

В 1910 году в имении Кузнецовых в деревне Сая Кунгурского уезда (ныне территория Березовского района) «тщанием почетной гражданки Анны Ивановны Кузнецовой» воздвигнут деревянный храм «в честь святого праведника Симеона Верхотурского чудотворца»²⁶.

Удалось установить, что в начале XX века Анна Ивановна приобрела в Крыму, близ Ялты, соседнее с Форосом имение Меллас и построила там великолепный дом в восточном стиле²⁷.

О детях А. И. Кузнецовой известно, к сожалению, немного. Наталья Григорьевна в замужестве носила фамилию Шереметьева²⁸. Александра Григорьевна – делла Торре. Анна Григорьевна была замужем за грузинским князем Амилахвари²⁹. Григорий Григорьевич в начале XX века служил администратором Торгово-промышленного товарищества³⁰. Избирался гласным Кунгурского Уездного Земского собрания. Вместе с братом постоянно жил в Париже.

В 1909 году, во время одного из приездов в Петербург, Николай и Григорий Кузнецовы обратились к академику Ф. Н. Чернышеву с предложением «израсходовать часть имеющихся в их распоряжении средств на какое-нибудь полезное для науки дело»³¹. На переданные деньги Российская Академия Наук в том же году организовала экспедицию на Полярный Урал и в Карскую тундру³².

Судьба кунгурской миллионерши и ее детей после 1917 года пока неизвестна. Удалось лишь установить, что Анна Ивановна Кузнецова умерла 3 января 1926 года в Париже. В этом же городе в 1927 году ушел из жизни ее старший сын Николай Григорьевич³³. Белые пятна в истории этой семьи еще ждут своего исследователя.

1. *Семенов В. Л.* А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 94.
2. *Золотов Е. Д.* Церковноприходская летопись Благовещенского собора города Кунгура. Рукопись. ККМ. ОФ № 6122/51 д-5464. С. 67.
3. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 32. Л. 215.
4. Там же. Д. 11. Л. 248.
5. Там же. Д. 12. Л. 283.
6. Там же. Д. 13. Л. 415.
7. Там же. Д. 14. Л. 429.
8. Там же. Д. 16. Л. 401.
9. Там же. Д. 19. Л. 341.
10. *Летихина З. Я.* Кунгурские купцы // Искра. 1994. 12 июля.
11. *Ренева О. А., Елтышева Л. Ю.* Московская чаеразвесочная // Добрый день. 2007. 8 ноября.
12. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1898 год. – Кунгур: Типография А. П. Паркачевой, 1898. С. 43.
13. Отчет Кунгурского Уездного Земства за 1899 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1903. С. 85.
14. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1909 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1911. С. 732.
15. Журналы Кунгурского Уездного Земского собрания за 1907 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1908. С. 569.
16. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1911 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1913. С. 303.
17. Журналы Кунгурского Уездного Земского собрания за 1906 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1907. С. 1007.
18. Там же.
19. Там же.
20. Доклады Управы Кунгурскому Уездному Земскому собранию за 1911 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1912. С. 109.
21. *Летихина З. Я.* Православный Кунгур. – Пермь: Энтер-профи, 1999. С. 140.
22. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1907 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1909. С. 89.
23. Там же.
24. Журналы Кунгурской Городской Думы за 2-ю половину 1907 года. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1909. С. 185.
25. Сведения сообщены Л. Ю. Елтышевой.

26. *Ренева О. А.* Наследие купцов Кузнецовых // *Добрый день*. 2006. 29 июня.
27. Сведения сообщены Павлом Петровичем Фирсовым (п. Форос, Крым).
28. *Летихина З. Я.* Кунгурские купцы // *Искра*. 1994. 12 июля.
29. Сведения сообщены О. А. Реновой.
30. *Ренева О. А.* Рекламная экспансия чая // *Кунгур – чайная столица Российской Империи*. – Кунгур, 2007. С. 68.
31. *Голдобин В. Ф.* Братья Кузнецовы // *Искра*. 1994. 28 июня.
32. Там же.
33. Сведения приведены по «Энциклопедии русского зарубежья».

ГЛАВА 3. УШКОВЫ

ДЕЛО СЕМЬИ УШКОВЫХ

В истории семьи Ушковых, как, впрочем, и многих других именитых купеческих династий, до сих пор остается еще немало «белых пятен».

Так, например, существует несколько версий о происхождении рода. По одной из них, Ушковы – выходцы из бывших крепостных Демидовых. В 1850 году, получив вольную, предприимчивые мастера Тагильского завода зачислились в московское купечество¹. Данную точку зрения разделял даже такой знаток столичного купечества, как П. А. Бурышкин². Но, скорее всего, уральские и поволжские Ушковы являются просто однофамильцами.

Между тем, удалось установить, что интересующая нас династия происходит из государственных крестьян деревни Старая Бондюга Елабужского уезда Вятской губернии. Основателем рода принято считать Егора Максимовича Ушкова, жившего в начале XIX века и занимавшегося торговлей³.

В начале 1840-х годов его сын Яков Егорович стал производить скупку лесных и пахотных земель в своем уезде. В то время на месте небольшой современной деревни Нижний Кокшан находилась усадьба князей Ямбулатовых, распорядившихся большими угодьями. Многочисленные отпрыски княжеского рода распродавали свои владения.

Воспользовавшись ситуацией, Ушковы уже через несколько лет стали обладателями полутора тысяч десятин земли, из которых 970 десятин приходилось на хвойный лес, так называемую Кокшанскую лесную дачу.

В 1844 году Ушковы переселились из своей деревни в Елабугу, где развернули торговлю, занялись скупкой зерна, а также стали владельцами двух винокуренных заводов⁴.

В 1847 году, после смерти Я. Е. Ушкова, семейное дело возглавил Капитон Яковлевич Ушков (1813–1868). Часто бывая в Москве, он наладил отношения с торговым домом братьев Милутиных, имевших обширную торговлю москательными и химическими товарами.

От них-то будущий заводчик и узнал, что ввозимый в Россию из Англии хромпик, за каждый пуд которого приходилось платить по 15 рублей, вырабатывался из русского сырья. Сообразив, что если англичане, покупая в нашей стране руду, находят выгодным нам же свой товар и продавать, К. Ушков задался целью построить хромпиковый завод.

Сознавая трудность этого предприятия и имея весьма ограниченные средства, он убедил Малютиных совместно взяться за постройку завода. Местом для строительства была определена Кокшанская лесная дача. И первую свою продукцию завод дал в 1850 году.

Возникновение Кокшанского завода явилось крупным шагом в развитии российской химической промышленности. К 1860 году на предприятии вырабатывалось до 12 тысяч пудов хромпика, который был значительно дешевле английского. Это, в свою очередь, позволило не только отказаться от импорта, но и наладить его поставки в Англию, Голландию и Пруссию.

Одновременно в Кокшане стали вырабатывать серную кислоту, медный и железный купорос, стеклотару, химическую и хозяйственную посуду, а также листовое железо. Ежегодный доход предприятия составлял около 70 тысяч рублей⁵.

«Завод этот, – отмечалось в «Вятских губернских ведомостях», – замечателен как по размерам, так и по совершенству технического дела. Высокое качество вырабатываемого на нем товара дает ему репутацию едва ли не самого первого из наших химических заводов»⁶.

Уже в те годы продукция завода К. Я. Ушкова экспонировалась на различных выставках в стране и за рубежом. В 1853 году предприятие получило малую серебряную медаль на мануфактурной выставке в Москве. В 1860 году – золотые медали в Казани и Петербурге. В 1867 году – серебряную медаль на Всемирной выставке в Париже⁷.

Однако наращивать мощности и развивать завод вдали от крупных транспортных артерий было нецелесообразно. Поэтому купец принял решение построить еще одно предприятие. Необходимая площадка была приготовлена им в 30 верстах от Елабуги, в долине реки Тоймы, возле деревень Старая Бондюга, Камашево, села Тихие горы, и представляла собой заболоченное

место, поросшее «сплошь» лесом. Несмотря на особенности рельефа, строительство шло быстрыми темпами. И уже в 1868 году отдельные цеха дали первую продукцию.

Становление Бондюжского завода связано прежде всего с именем Петра Ушкова (1839–1897), который после смерти в апреле 1868 года своего отца, Капитона Яковлевича, принял на себя управление предприятием.

К началу 1870-х годов на химических заводах П. К. Ушкова работало около 800 рабочих. Ежегодно производилось 380 тысяч пудов различных товаров на сумму свыше 830 тысяч рублей ⁸.

В 1873 году продукция заводов получила почетную награду и большую золотую медаль на Московской Политехнической выставке. В том же году она демонстрировалась на Всемирной выставке в Вене. По свидетельству очевидцев, «хромпик П. К. Ушкова был блистательно представлен в химическом павильоне Венской выставки среди других препаратов Кокшанского и Бондюжского заводов. Большой чугунный кристаллизационный котел, внутренняя поверхность которого сплошь закристаллизована была красными щетками хромпика, был прислан с этих заводов, чтобы в центре коллекции, экспонированной П. К. Ушковым, составить одно из блистательных декоративных украшений всего химического отдела» ⁹.

Вывозил Петр Капитонович свою продукцию и на американский континент. В 1876 году он показал квасцы, медный купорос и хромпик на Всемирной выставке в Филадельфии.

В 1873 году за организацию химического производства П. К. Ушков был пожалован золотой медалью с надписью «За полезное» на Владимирской ленте. В 1883 году его наградили орденом Св. Станислава 3-й степени ¹⁰.

В 1883 году с целью дальнейшего развития производства было учреждено «Товарищество химических заводов П. К. Ушкова и К⁰» с основным капиталом в 2400000 рублей. Помимо Петра Капитоновича, в «деле» участвовали его родной брат Константин Капитонович, а также дед супруги последнего, московский купец первой гильдии А. С. Губкин. (После смерти Алексея Семеновича членом правления товарищества был его наследник А. Г. Кузнецов.)

Удалось установить, что капиталы, вложенные братьями в предприятие, были в основном получены ими в качестве приданого при женитьбе. Так, например, Петр Капитонович, взяв в жены дочь известного пермского пароходчика И. И. Любимова Александру, получил 500 тысяч рублей. Супругой его брата стала Мария Григорьевна Кузнецова, дочь кунгурского купца первой гильдии. Ее приданое составляло один миллион рублей¹¹.

По свидетельству современников, на момент основания Товариществу принадлежали 1400 десятин земли при Кокшанском заводе, 1000 десятин при Бондюжском, 3143 десятины при Усовской лесной даче, поташный завод при Усовской даче, склады в Москве и Нижнем Новгороде, лавка на Нижегородской ярмарке, буксирный пароход «Химик» в сто лошадиных сил с двенадцатью баржами, а также хромо-железные рудники под Екатеринбургом. Кроме того, Товариществу были переданы принадлежавшие ранее П. К. Ушкову права по контрактам на аренду Спасо-серноколчедановского прииска на Урале, близ Кушвы¹².

Получив дополнительные финансовые вливания, предприятие стало стремительно развиваться. Начались переработка медных уральских колчеданов и производство меди. В 1889 году на Бондюжском заводе был налажен выпуск соляной кислоты и сульфата. Из последнего делали соду, а из соляной кислоты – хром и хлорную известь. (Причем, известно, что до 1897 года завод был единственным производителем этой продукции в стране.) В 1893 году в Кокшане вступил в строй завод керамических кислотоупорных изделий и шамотного кирпича.

Большой вклад в развитие заводов Ушкова внес Д. И. Менделеев. Знавший Петра Капитоновича более двадцати лет, он высоко ценил «скромного передового и симпатичного деятеля русской химической промышленности»¹³. Познакомились они в один из первых приездов заводчика в Петербург. Весной 1879 года вместе ездили в Италию. Посетили исторические места, побывали на серных рудниках.

Дмитрий Иванович неоднократно приезжал на заводы Ушкова. Внимательно изучал возможности получения серной кислоты из колчедана на Бондюжском заводе. По его рекомендации в Елабуге наладили производство пороха, получившего вы-

сокую оценку специалистов. В 1890 году великий ученый рассказал на заседании отделения химии РФХО об открытии П. К. Ушковым завода белильной извести ¹⁴.

В январе 1898 года Д. И. Менделеев писал в редакцию газеты «Новое время»: «Сейчас узнал из Вашей газеты о кончине Петра Капитоновича Ушкова и не могу выразить, каким прискорбием поразило меня это известие... Мне пришлось лет пять тому назад видеть на месте заводы П. К. Ушкова, и я, знавший немало западноевропейских химических заводов, с гордостью увидел, что может созданное русским деятелем не только не уступать, но во многом превосходить иноземное. Сода, препараты глинозема и хрома, белильная известь и серная кислота так делаются на заводах П. К. Ушкова, что будь это на западе, о том писали бы Тома. А только местные жители, пользующиеся громадными новыми заработками, школами, больницами и т. п., разводят руками и дивятся, откуда что берется и куда уходит... Таким-то и сильна новая Россия, хотя имена их мало кто знает» ¹⁵.

После смерти П. К. Ушкова Товарищество возглавил его сын Иван Петрович. Дирекция фирмы находилась в Москве, на Варварке. В здании, по свидетельству очевидцев, на видном месте стоял бюст П. К. Ушкова, выполненный скульптором И. Я. Гринбургом ¹⁶. В состав правления Товарищества, помимо И. П. Ушкова, в то время также входили его мать, Александра Ивановна, и дядя, Константин Капитонович ¹⁷.

К 1910 году «Товариществу химических заводов П. К. Ушкова и К⁰» принадлежало свыше 5500 десятин земли под лесными дачами, заводами и пристанями; четыре химических завода: Бондюжский и Кокшанский с заводской пристанью «Тихие горы», Казанский (в пригороде Казани – Большой Адмиралтейской слободе), Самарский (в Самарском уезде, при разъезде Иващенко Самаро-Златоустовской железной дороги), а также завод строительной извести и добыча известкового камня в Сызранском уезде Самарской губернии, торфяное болото близ села Частые Осинского уезда Пермской губернии, товарные пристани в Нижнем Новгороде, Ярославле, Перми, Левшине и Самаре с оборудованными складскими помещениями. Кроме того, на Урале фирма арендовала для нужд своих предприятий колече-

данные, хромовые, меднорудные, марганцовые и другие рудники¹⁸.

На заводах Товарищества вырабатывались серная кислота, олеум, сульфат, соляная кислота, хлорная известь, глинозем, хромпик калиевый и натриевый, квасцы хромовые, штыковая медь, строительная известь и камень, половые плитки, гончарная посуда для химического и других производств, а также прочие «мелкие фабриканты». При производстве продукции использовалось в основном отечественное сырье, за исключением двух компонентов: чилийской селитры и боксита, привозимого из Франции.

По воспоминаниям современников, «все химические продукты, а равно и гончарная посуда, вырабатывались столь высокого качества, что не только имели награды на выставках как от русского правительства, так и от правительств Франции, Северо-Американских Соединенных Штатов и других государств, но и расценивались на рынке самими потребителями значительно выше однородных продуктов других заводов как отечественных, так и зарубежных»¹⁹.

Для доставки по Волге и ее притокам материалов, употребляемых на заводах, а равно и поступивших в продажу товаров, Товарищество имело свой флот, состоявший из стосильных буксирных пароходов, нескольких десятков барж и других мелких судов.

Продажа вырабатываемых фабрикатов осуществлялась через конторы в Москве, Нижнем Новгороде, Перми, Казани, Самаре, Омске и Уфе, а также «при всех заводах и складах». Кроме того, Товарищество поставляло свою продукцию на казенные заводы: Казанский пороховой и Самарский завод взрывчатых веществ, обеспечивало ею многие российские железные дороги²⁰.

В последующие годы Товарищество химических заводов продолжало развиваться. Учитывая запросы промышленности, были введены в строй заводы разделки толуола, анилиновых солей и масла, а также первый в России завод разделки отработанных кислот при производстве взрывчатых веществ²¹.

В 1918 году все принадлежавшие Ушковым предприятия были национализированы.

-
1. http://history.ntagil.ru/6_19.htm.
 2. *Барышкин П. А.* Москва купеческая. – М.: Столица, 1990. С. 195.
 3. *Сабиров А.* Менделеевский самоцвет. – Волга-Урал, 1998. С. 8.
 4. Там же.
 5. Там же. С. 9–10.
 6. Там же. С. 10.
 7. http://history.ntagil.ru/6_19.htm.
 8. Там же.
 9. Там же.
 10. Сведения сообщены сотрудниками Менделеевского краеведческого музея (Республика Татарстан).
 11. Начало пути. К истории Бондюжского химического завода имени Л. Я. Карпова. Научный архив Менделеевского краеведческого музея. С. 5.
 12. Там же.
 13. <http://zhigra.zhg.ru/state.php?id=86>.
 14. Там же.
 15. Там же.
 16. Там же.
 17. Ушковы // 1000 лет русского предпринимательства. – М.: Современник, 1995. С. 426.
 18. Там же. С. 425.
 19. Там же.
 20. Там же. С. 426.
 21. Там же.

ПОТОМСТВЕННЫЙ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН К. К. УШКОВ

Младший брат совладельца «Товарищества химических заводов П. К. Ушкова и К⁰» Константин Капитонович Ушков (1851–1918) был, вне всякого сомнения, личностью неординарной.

Родился он в 1851 году в городе Елабуга в семье владельца Кокшанского химического завода. Был седьмым из тринадцати детей заводчика. Образование получил в Елабужском уездном училище ¹. С раннего возраста был привлечен отцом к ответственной работе по исполнению всевозможных его поручений по хлебным и лесным операциям ².

В архивных документах начала 1870-х годов будущий миллионер упоминается как первой гильдии купецкий брат ³. Позднее он стал елабужским купцом первой гильдии. Получил звание потомственного почетного гражданина и чин коллежского советника ⁴.

В 1875 году Константин Капитонович сочетался законным браком с кунгурячкой Марией Григорьевной Кузнецовой. Как отмечали современники, женитьба К. К. Ушкова была «солидным коммерческим предприятием»⁵. Полученный в качестве приданого один миллион рублей ⁶ он вложил в развитие химического производства. В 1883 году стал одним из учредителей «Товарищества химических заводов П. К. Ушкова и К⁰». В течение многих лет входил в состав правления фирмы ⁷. Кроме того, был членом правления торгово-промышленного товарищества «Премник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰»⁸.

В 1882 году Ушковы переехали в Москву. Поселились они в доме деда Марии Григорьевны, А. С. Губкина. По свидетельству очевидцев, Константин Капитонович помогал именитому чае-торговцу в устройстве Технического училища, разделяя с ним «все заботы». Впоследствии был членом попечительского комитета заведения. В 1895–1900 годах исполнял обязанности почетного попечителя. На свои средства – 4000 рублей – приобрел новый котел и паровую машину для силовой станции, а также динамо-машину, положившую начало электрическому освещению училища ⁹.

В памяти москвичей К. К. Ушков остался, прежде всего, очень богатым человеком, интересовавшимся «театром и вообще искусством», «большим меценатом»¹⁰.

«Среди директоров фирмы, – вспоминал Владимир Иванович Немирович-Данченко, – был богатый купец Ушков. В кабинете – подлинный Рембрандт, в зале пол обложен перламутровой инкрустацией... Сам Ушков являл из себя великолепное соединение простодушия, хитрости и тщеславия. У меня с ним был один эпизод: на своей крошечной сцене я давно отказывался от декораций и заменил их так называемыми сукнами. Сукна эти очень потрепались, я несколько раз обращался к администрации школы, но мне отказывали за неимением средств. Однажды я поймал удобную психологическую минуту и говорю Ушкову: «Ну что вам стоит пожертвовать какие-нибудь пятьсот рублей.

Вот великая княгиня зачастила ходить к нам, а на сцене какое-то тряпье...» – «Хорошо, – говорит Ушков, – пятьсот, говоришь. (В вескую минуту он любил с собеседником переходить на «ты».) Я тебе эти пятьсот дам, но скажи обязательно великой княгине, что это я пожертвовал»¹¹.

Известно, что Константин Капитонович одним из первых поддержал К. С. Станиславского в компании по финансированию проекта постройки собственного здания для художественного театра. Стал он, внося 4000 рублей, и первым пайщиком организованного С. Т. Морозовым товарищества Московского художественного театра. «Впоследствии он не раз просил подчеркнуть, что он был первым», – отмечал Немирович-Данченко¹².

Сохранились сведения и об общественной деятельности купца. Был он, в частности, председателем попечительского совета состоящего в ведомстве Императорского человеколюбивого общества Усачевско-Черняевского женского училища и членом Попечительства о недостаточных ученицах этого учебного заведения, почетным попечителем Комиссаровского технического училища, выборным Московского биржевого общества (1894–1900). Кроме того, состоял членом Московского филармонического общества и Императорского общества акклиматизации животных и растений¹³. В сентябре 1907 года заслуги К. К. Ушкова на общественном поприще были отмечены орденом Св. Владимира IV степени¹⁴.

Кроме того, по воспоминаниям современников, Константин Капитонович был очень гостеприимным человеком. В его доме часто бывали Ф. Шаляпин, С. Рахманинов, многие другие известные деятели культуры.

Любил купец делать и различные, порой совсем неожиданные, подарки. Так, например, в 1896 году он преподнес А. П. Чехову кислотоупорные кувшинообразные керамические резервуары для сбора и хранения воды¹⁵. (В настоящее время эти предметы находятся в музее писателя в Ялте.)

В 1904 году, прожив в одиночестве после смерти первой жены около тринадцати лет, Константин Капитонович женился вторично. Его новой спутницей стала Тереза Валентиновна Элухен, уроженка Казани, дочь Гуго-Валентина Фридриховича Элухена и Ханы Рудольфовны фон Рейтлингер¹⁶. Известно, что вто-

рая жена окончила Мариинскую гимназию, состояла членом Казанского общества любителей изящных искусств¹⁷.

В этом браке у К. К. Ушкова было две дочери – Елена (род. 1905) и Татьяна (род. 1909). Известно о них немного. Старшая из сестер – Елена Константиновна – замуж не выходила. В после-революционный период жила в Париже. Работала в авиационной фирме Луи Бреге¹⁸. Умерла в 1988 году, в возрасте 83 лет. Сведениями о ее сестре Татьяне Константиновне автор не располагает.

Потомственный почетный гражданин К. К. Ушков ушел из жизни в 1918 году. После его смерти Ушковы эмигрировали во Францию. Первоначально жили в Ницце.

Тереза Валентиновна вскоре вновь вышла замуж за Дмитрия Печорина, родила еще одну дочь Веру. В середине 1920-х годов семья переехала в Париж, где поселилась в доме сестры Т. В. Ушковой, Марии Валентиновны Шаляпиной¹⁹.

Тереза Ушкова-Печорина умерла около 1928 года. Ее дочери остались на попечении тетки. Судьбу наследников К. К. Ушкова пока, к сожалению, установить не удалось.

-
1. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 317. Л. 14.
 2. Сведения сообщены Павлом Петровичем Фирсовым (п. Форос, Крым).
 3. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 12. Л. 302.
 4. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 317. Л. 14.
 5. Начало пути. К истории Бондюжского химического завода имени Л. Я. Карпова. Научный архив Менделеевского краеведческого музея. С. 5.
 6. Там же.
 7. 1000 лет русского предпринимательства. – М.: Современник, 1995. С. 426.
 8. Ренева О. А. Кунгурские страницы истории Москвы // Добрый день. 2007. 1 ноября.
 9. Летишина З. Я. Путь в 125 лет // Искра. 2002. 11 июля.
 10. Бурыйкин П. А. Москва купеческая. – М.: Столица. 1990. С. 195–196.
 11. Там же. С. 196.
 12. Там же.
 13. Ренева О. А. Указ. соч.
 14. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 317. Л. 14.

15. *Ключевская Е.* Мария, вторая жена Федора // Республика Татарстан. 1998. 25 апреля.
16. Сведения сообщены Павлом Петровичем Фирсовым (п. Форос, Крым).
17. *Ключевская Е.* Указ. соч.
18. Там же.
19. <http://www.slavcenter.ge>.

«СВЕТ МАРЬЯ ГРИГОРЬЕВНА»

Интерес к истории династии стимулировал обращение и к личности супруги К. К. Ушкова, Марии Григорьевны (около 1858–1891). Между тем, сведения о ней сохранились лишь весьма разрозненные и обрывочные. Настоящее исследование представляет собой, пожалуй, первую попытку собрать их воедино.

Как известно, Мария Григорьевна была вторым ребенком в семье кунгурского купца первой гильдии Григория Кирилловича Кузнецова и его жены Анны Алексеевны, урожденной Губкиной. Однако точную дату ее рождения пока, к сожалению, установить не удалось.

Унаследовав от рано умершей матери тяжелое заболевание легких, она с детства была весьма болезненной. Это, впрочем, не помешало ей впоследствии получить «превосходное образование в одном из петербургских институтов»¹.

В 1875 году вышла замуж за «Вятской губернии города Елабуги первой гильдии купецкого брата» Константина Капитоновича Ушкова. Их бракосочетание состоялось, скорее всего, вне Кунгура. Записи о нем в метрических книгах храмов города отсутствуют.

При вступлении в брак Мария Григорьевна удостоилась Высочайшей милости. Ее благословила лично сама Императрица Мария Александровна². (Полученная от августейшей особы икона Казанской Божией Матери долгое время хранилась в семье. В 1898 году ею была «молитвенно напутствована в замужество» старшая дочь Ушковых, Анна Константиновна³).

Сохранились сведения, что в качестве приданого Марии Григорьевне был дан один миллион рублей⁴. Свадебным подарком от ее деда, известного купца-чаеоторговца А. С. Губкина, стало имение Рождествено. По воспоминаниям современников, это имение на Волге, близ Самары, отличалось колоссальными

размерами, «превосходя некоторые европейские княжества»⁵. Одной из его составных частей были знаменитые Жигулевские горы. (Да-да, те самые, о которых поется в песне: «Жигули вы мои, Жигули»). Это поместье Ушковы сделали своей летней резиденцией. На их средства в центральной усадьбе был разбит великолепный парк, организованы театр и библиотека, созданы винокуренный завод и конеферма⁶.

Волею судьбы Ушковы прожили вместе всего 16 лет. По свидетельству очевидцев, Константин Капитонович о жене всегда отзывался «с чувством благословения и горячей любви»⁷. Мария же Григорьевна осталась в памяти современников женщиной умной, обладавшей «редкими душевными качествами» и врожденной чуткостью. Гостеприимная хозяйка и приятная собеседница, она «умела метким словом всякого наградить по его заслугам»⁸.

Первенец Ушковых – Григорий Константинович – родился 21 октября 1876 года в Кунгуре⁹. (Очевидно, в тот период Мария Григорьевна находилась в родном городе несколько месяцев. Она, в частности, была восприемницей при крещении своей сводной сестры (от второго брака отца) Елизаветы, родившейся 25 июля 1876 года¹⁰.) Впоследствии у них появилось на свет еще пятеро детей.

В 1882 году Ушковы переехали в Москву. Поселились в огромном, в 50 комнат, особняке, приобретенном дедом Марии Григорьевны (на углу Рождественского бульвара и Малого Кисельного переулка).

Вместе с чайным магнатом семья прожила два года. Мария Григорьевна, ее муж и дети, а также брат, А. Г. Кузнецов, «неотступно» находились при Алексее Семеновиче последние дни его жизни. По завещанию деда М. Г. Ушкова унаследовала его московский особняк и получила в свое распоряжение капитал в 300 тысяч рублей. Кроме того, каждому из ее детей было выплачено по 200 тысяч рублей¹¹.

Сохранились сведения и о ее благотворительной деятельности. Так, в 1883 году Мария Григорьевна, вместе с А. Г. Кузнецовым, пожертвовала 10 тысяч рублей для раздачи бедным города Кунгура.

Но, к сожалению, болезнь все чаще давала знать о себе. Вместе с семьей Мария Григорьевна подолгу жила в теплых

краях, за границей. Умерла в 1891 году в возрасте около 33 лет от туберкулеза легких в имении своего брата на острове Мадейра¹².

Точное место захоронения М. Г. Ушковой неизвестно. Скорее всего, свой последний приют она обрела в фамильном склепе на кладбище Алексеевского женского монастыря в Москве. Через четыре года рядом с ней был похоронен и ее брат, Александр Григорьевич Кузнецов.

-
1. Сведения предоставлены Павлом Петровичем Фирсовым (п. Форос, Крым).
 2. Там же.
 3. Там же.
 4. Начало пути. К истории Бондюжского химического завода имени Л. Я. Карпова. Научный архив Менделеевского краеведческого музея. С. 5.
 5. *Примаченко П. А.* Продавец чая // Русский торгово-промышленный мир. – М.: Планета, 1993. С. 256.
 6. <http://old.samara.ru/paper/544/5512/97434/>
 7. Сведения предоставлены П. П. Фирсовым.
 8. Там же.
 9. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 12. Л. 302.
 10. Там же. Л. 283.
 11. *Семенов В. Л. А. С.* Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 72.
 12. Сведения предоставлены П. П. Фирсовым.

ПРАВНУКИ ЧАЙНОГО МАГНАТА

В семье Константина Капитоновича и Марии Григорьевны Ушковых было шестеро детей: Григорий, Алексей, Михаил, Александр, Анна, Наталья. В ходе работы над темой удалось частично восстановить биографию каждого из них.

Первенец Ушковых – Григорий Константинович, – появился на свет 21 октября 1876 года¹. Подробнее о нем будет рассказано в очерке «Григорий Ушков. Штрихи к портрету старшего сына».

Алексей Константинович Ушков родился в 1879 году. Воспитателем мальчика, как, впрочем, и остальных сыновей именной четы, был Михаил Иванович Лопаткин (1854–1922), выпу-

скник Казанского университета, известный историк, философ, краевед².

После смерти дяди, А. Г. Кузнецова, Алексей Ушков унаследовал подмосковное имение Осташево³. В 1903 году продал его Великому князю Константину Константиновичу⁴.

В начале XX века жил в Казани. Был женат на Зинаиде Николаевне Высотской, дочери профессора Казанского университета. В 1904 году приобрел двухэтажный каменный особняк на Воскресенской улице (известный ныне как «дом Ушковой»). Верхний этаж занимала семья владельца. На нижнем находились четыре лавки, «о трех растворах каждая», а также квартиры прислуги⁵. (После революции здание было национализировано. С 1919 года в нем находится республиканская библиотека).

Удалось установить, что жена А. К. Ушкова занималась общественной деятельностью. Была председателем Общества вспомоществования недостаточным ученикам и ученицам Казанской губернской земской фельдшерской школы. Состояла кандидатом в члены Дамского попечительного о бедных комитета⁶. Однако их брак был некрепким. После нескольких лет совместного проживания супруги расстались.

После развода Алексей Константинович переехал в Москву. В 1910 году приобрел у вдовы заводчика Дарьи Николаевны Смирновой великолепный особняк на Пречистенке, 20, построенный в конце XVIII века в стиле ампир. В ходе проведенной реконструкции к обоим торцам здания были сделаны пристройки, а уличный фасад получил пышный декор с обилием лепнины⁷.

В столице Ушков вторично женился. Его новой избранницей стала прима-балерина Московского Императорского театра Александра Михайловна Балашова (1887–1979).

В 1918 году Алексей Константинович с супругой уехали за границу. Первоначально вместе с родственниками жили в Афинах. В 1921 году поселились в Париже. Начинать во Франции карьеру «божественной москвичке» (как называли Александру Михайловну современники) было уже поздно. И тем не менее, она продолжала танцевать. Часто выступала на бесплатных благотворительных концертах. На жизнь зарабатывала уроками: открыла свою балетную школу⁸.

А. М. Балашова-Ушкова ушла из жизни в 1979 году в возрасте 92 лет. Похоронена на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем⁹. На этом же погосте, скорее всего, обрел свой последний приют и ее супруг.

После революции особняк А. К. Ушкова на Пречистенке был национализирован. В 1921 году в нем разместились хореографическая студия Айседоры Дункан. В 1922–1924 годах вместе с американской балериной в этом доме жил и ее муж, Сергей Есенин¹⁰. В настоящее время здесь находится Управление по обслуживанию дипломатического корпуса Министерства иностранных дел.

Третий сын Ушковых – Михаил Константинович (1881–1943), по домашнему – Мика, в противоположность своему брату Алексею, был спокойным, медлительным и рассудительным. Воспитатель Лопаткин предсказывал ему ученую карьеру¹¹. Но беспощадная жизнь, полная всяческого соблазна, отвлекла юношу от намеченного пути.

В 1904 году, проучившись несколько лет на юридическом факультете Казанского университета, он, получив, как и братья, богатую наследственную долю, оставил учебу. Едва достигнув совершеннолетия, женился на казанской барышне Софье Иосифовне Орель (1881–1963), дочери почтенного артиллерийского генерала. У них родилось трое детей – Владимир, Ксения (род. 1909) и Мария¹².

Унаследовав от матери имение Рождествено, Михаил Константинович превратил его в образцовое. Занимался «научной эксплуатацией леса и искусственным лесоразведением»¹³. Вместе с отцом собрал в имении ценную библиотеку, которую затем передал в Саратовский университет.

Был известен и как меценат. Вместе с С. К. Маковским (сыном знаменитого художника) в 1909–1917 годах издавал литературно-художественный альманах «Аполлон», в котором публиковались произведения И. Анненского, А. Блока, В. Брюсова, Вяч. Иванова, М. Кузмина, Н. Гумилева¹⁴.

Как «любитель изящных искусств», собирал западноевропейскую и русскую живопись. В частности, в его собрании находилась картина Гверчино, которую он экспонировал на выставке 1915 года. Позднее, находясь в эмиграции, состоял членом общества «Икона»¹⁵.

Михаил Константинович не принял революцию, поэтому «пришлось много испытать сначала на Кавказе, а потом в Крыму»¹⁶. В 1919 году Ушковы эмигрировали сначала в Константинополь, а затем – в Афины. Позднее обосновались в Париже.

Михаил Константинович Ушков умер в 1943 году. Похоронен на кладбище в парижском пригороде Банье. Его супруга, Софья Иосифовна, пережила мужа на двадцать лет. Она скончалась в 1963 году. Похоронена тоже на кладбище в Банье, рядом с мужем.

Информацией о судьбе детей М. К. Ушкова автор не располагает. Известно лишь, что одна из его дочерей, Ксения Михайловна, умерла в 1996 году в возрасте 85 лет. Похоронена на Новом кладбище в Шелль¹⁷.

Жинь еще одного сына Ушковых, Александра Константиновича (Туленьки), оказалась, к сожалению, очень короткой. Он умер в 1895 году в 12-летнем возрасте от скарлатины.

Старшая из дочерей К. К. Ушкова, Анна Константиновна (род. 1879), была очень красива. 4 февраля 1898 года вышла замуж за потомственного дворянина Александра Николаевича Наумова¹⁸. Истории их семьи посвящен очерк «Наумовы».

Наталья Константиновна Ушкова (1881–1942) была замужем за известным музыкантом С. А. Кусевицким. Подробности – в очерке «Полонез Сергея Кусевицкого».

Потомки правнуков знаменитого чайного магната, скорее всего, и сегодня живут во Франции.

1. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 12. Л. 302.

2. *Гафурова Ф.* У домов, как и у людей, своя судьба // Казанские ведомости. 1992. 1 мая.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же.

7. <http://www.moscow.mixgalaxy.ru/page6.htm>.

8. *Носик Б. М.* На погосте XX века. – СПб: Золотой век, 2000. С. 53.

9. Там же.

10. <http://www.moscow.mixgalaxy.ru/page6.htm>.

11. Сведения сообщены Павлом Петровичем Фирсовым (п. Форос, Крым).

12. Там же.

13. Гафурова Ф. Указ. соч.
14. <http://www.silverage.ru/magazines/apouon.html>.
15. Банников А. П., Сапожников С. А. Собиратели и хранители пре-красного. – М.: Центрполиграф, 2007. С. 505.
16. Сведения сообщены П. П. Фирсовым (п. Форос, Крым).
17. Там же.
18. http://www.nissan2.ru/za-otzivchivoe-otnoshenie_o.html.

ГРИГОРИЙ УШКОВ. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ СТАРШЕГО СЫНА

Информация о потомственном почетном гражданине Григории Константиновиче Ушкове (1876–1920-е), как, впрочем, и о всех других представителях этой династии, достаточно разрозненная.

Известно, что Григорий Константинович родился 21 октября 1876 года в городе Кунгуре¹, на родине матери, Марии Григорьевны Ушковой. Крестили мальчика в Успенском храме, прихожанином которого был его дед, купец первой гильдии Г. К. Кузнецов.

Удалось установить, что в 1896–1897 годах наследник двух именитых родов обучался в Казанском университете². Позднее перевелся на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета³. Однако государственного экзамена «не держал»⁴.

15 августа 1899 года был утвержден почетным попечителем Губкинского Технического училища и Елизаветинской рукодельной школы⁵. Но непосредственно к исполнению обязанностей приступил лишь 22 ноября 1903 года⁶.

Возглавляя означенные заведения вплоть до 1918 года, Григорий Константинович ничем особым себя на этом поприще не проявил. Самое крупное пожертвование – 200 тысяч рублей, предназначенных для обеспечения содержания в училище стипендиатов Его Императорского Величества и «личного учебно-воспитательного состава», а также на увеличение основного капитала рукодельной школы, было сделано им совместно с другими наследниками А. Г. Кузнецова еще в 1898 году⁷. Остальные благотворительные акции попечителя весьма незначительны. Так, например, в 1911 году он выделил 674 рубля 50 копеек

на выплату 20-процентной прибавки к жалованию учебного персонала. Кроме того, из его средств выдавались пенсии вдове бывшего учителя пения Пантюхиной – 20 рублей в месяц, вдове бывшего швейцара – 16 рублей, формовщику литейной мастерской Варасову – 15 рублей⁸.

Между тем, в феврале 1914 года Г. К. Ушков обратился в канцелярию попечителя Оренбургского учебного округа с просьбой разъяснить, может ли он, состоя «в течение 15 лет Почетным попечителем Технического училища и на основании каких узаконений быть представлен к чину за выслугу лет или же таковой он может получить в виде высшей награды»⁹. Полученный ответ был предельно краток: «На основании § 24 Устава училища почетный попечитель считается на государственной службе и должность его относится к пятому классу»¹⁰.

Нашел себя Григорий Константинович совсем в другой сфере. Унаследовав от А. Г. Кузнецова имение Форос в Крыму, близ Ялты, Г. К. Ушков превратил его в популярный курорт. Открыл здесь казино, тир, кегельбан, теннисные корты. Устроил среди скал крытый манеж и ипподром. Кроме того, организовал конный завод, где занимался разведением беговых лошадей¹¹. В начале XX века купец предпринял попытку строительства через имение железной дороги от Севастополя до Ялты¹². Однако из-за финансовых затруднений проект так и не был реализован.

По воспоминаниям современников, в Форосе часто гостили родственники и друзья владельца. Приезжали к «приветливому Ушкову» и многие известные писатели, художники, музыканты. Здесь, в частности, подолгу жил со своей семьей Максим Горький. Бывал на берегу Черного моря и Федор Шаляпин.

В 1903 году Григорий Константинович пригласил в имение «писать портреты орловских рысаков» молодого художника-анималиста А. Н. Комарова. Гостил тот в Форосе, рисовал... не справившись с искушением, приобрел у Ушкова вороного жеребенка, «красавца, игруна и озорника, которому конюх овса дает, а он норовит с него шапку снять»¹³.

У коннозаводчика познакомился Алексей Никанорович с гостившим в то время в Форосе В. А. Гиляровским. Вместе с «дядей Гиляем» они ездили на экскурсии в пещеры. В общем, «время провели весело»¹⁴.

Через пять лет Комаров снова в Форосе. По заказу Григория Константиновича пишет большую картину «Табун рысистых маток в пейзаже южного берега Крыма».

Опять, по свидетельству художника, подобралась интересная компания. Удивляла всех великолепная пианистка Бекман-Щербина. Она могла играть лежа на крышке инструмента вниз головой. Но молодой анималист не ограничивал себя профессиональными заботами и светским общением. Так, например, он неоднократно выезжал с конюхом Ушкова в горы, на верх Яйлы, охотиться на косуль¹⁵.

Получил Григорий Константинович в свое время широкую известность и как виноторговец. Произведенные в Форосе «натуральные виноградные вина подвалов имения Ушковых, наследников А. Г. Кузнецова» пользовались заслуженной славой. В 1900 году они были представлены на Всемирной выставке в Париже и получили серебряную медаль¹⁶.

Сохранились сведения, что один из винных складов купца находился в Москве, в особняке Ушковых на Рождественском бульваре¹⁷. Кроме того, оптовая торговля винами и фруктами из Крыма велась в имении Рождествено, близ Самары¹⁸. В розницу их продавали в Казани, в доме Ге на Грузинской улице¹⁹, а также в других городах страны.

О семье Г. К. Ушкова известно немного. Был он женат на внучке казанского пивовара Маргарите Эдуардовне Петцольд. Детей не имел.

В 1918 году Григорий Константинович вместе с женой уехал за границу. Жил в Афинах, где и умер в 1922 году. Судьбу Маргариты Эдуардовны Ушковой пока, к сожалению, проследить не удалось.

1. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 12. Л. 302.

2. *Гафурова Ф.* У домов, как и у людей, своя судьба // Казанские ведомости. 1992. 1 мая.

3. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 317. Л. 13.

4. *Семенов В. Л. А. С.* Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 88.

5. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 147. Л. 8.

6. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 317. Л. 2.

7. *Семенов В. Л.* Указ. соч. С. 86.

8. КГА. Ф. 288. Оп. 1. Д. 147. Л. 55.
9. Семенов В. Л. Указ. соч. С. 86.
10. Там же.
11. <http://terra-tavrika.narod.ru/2003/12s20.htm>.
12. Там же.
13. Латишина С. Т. Наследники Губкина-Кузнецова в судьбе А. Н. Комарова // Кунгур – чайная столица Российской Империи. – Кунгур, 2007. С. 74.
14. Там же.
15. Там же. С. 74–75.
16. Ренева О. А. Кунгурские страницы Москвы // Добрый день. 2007. 1 ноября.
17. Там же.
18. <http://old.samara.ru/paper/544/5512/97434/>
19. Гафарова Ф. Х. Ушковы в Казани. Научный архив Менделеевского краеведческого музея. С. 3.

ПОЛОНЕЗ СЕРГЕЯ КУСЕВИЦКОГО

Зятем К. К. Ушкова, мужем его дочери Натальи Константиновны, был выдающийся русский музыкант С. А. Кусевицкий (1874–1951).

Сергей Александрович родился 14 июля 1874 года в городе Вышний Волочок Тверской губернии. Отец, Александр Кусевицкий, был отставным музыкантом армейского духового оркестра. Мать, урожденная Анна Воробейчик, – дочь священника¹.

Всем своим детям – а их в семье Кусевицких было пятеро – родители привили любовь к музыке. Так, например, будущий зять Ушковых с шести лет играл на альте, виолончели и контрабасе. Нравилось ему и дирижировать оркестром, состоящим из сестры и трех братьев.

Осенью 1891 года 17-летний юноша самовольно, с тремя рублями в кармане, уехал в Москву – поступать в консерваторию. Но прием уже закончился. После прослушивания он был зачислен в музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества. Учился по классу контрабаса у профессора Йозефа Рамбаусака. Скоро стал его лучшим учеником.

В 1892 году Кусевицкий начал играть в оркестре Русской частной оперы Саввы Мамонтова. За два года приобрел репутацию контрабасиста-виртуоза. В 1894 году, с блеском окончив училище, был приглашен в оркестр Большого театра, где и проработал 10 лет.

В 1896 году Сергей Александрович впервые пробует себя в сольных выступлениях. Москва, Петербург, Нижний Новгород аплодировали молодому музыканту не меньше, чем именитым артистам, выступавшим в концертах вместе с ним.

27 марта 1903 года Кусевицкий впервые выступил за рубежом, в Берлине. Потом последовали концерты в Праге, Дрездене и Лондоне. И везде проходили с триумфом.

«Кто никогда не слышал его игры на контрабасе, – отмечал музыкальный критик В. Коломийцев, – тот не может себе и представить, какие нежные и легкокрылые звуки извлекает он из столь мало, казалось бы, благодарного инструмента, обыкновенно служащего лишь массивным фундаментом оркестрового ансамбля. Только очень немногие виолончелисты и скрипачи обладают такой красотой тона и так мастерски владеют своими четырьмя струнами»².

В 1905 году, после пяти лет супружества, С. А. Кусевицкий расторг брак с Надеждой Петровной Галат, артисткой балета Большого театра. Второй женой музыканта стала Наталья Константиновна Ушкова (1881–1942).

Будущую супругу Сергей Александрович впервые увидел на своем концерте. Девушка сидела в третьем ряду. Встретившись взглядом, почувствовал, что без нее его жизнь станет безрадостной и тусклой. Два последующих года искал ее, думал о ней³.

По свидетельству современников, Наталья Константиновна была интересной, образованной женщиной. Посещала Московский университет. Знала несколько иностранных языков. Занималась живописью, скульптурой⁴. Выполнила скульптурные портреты композиторов М. Равеля, Я. Сибелиуса, своего мужа С. А. Кусевицкого. Сама портретирована В. А. Серовым. Известна как коллекционер. Имела наследственную коллекцию живописи старых мастеров. Собирала живопись и скульптуру русских художников начала XX века⁵.

Венчание пары состоялось 8 сентября 1905 года в Дрездене, во время триумфальных гастролей по Германии⁶. Это был, безусловно, брак по любви, хотя злые языки и поговаривали о корыстных интересах Сергея Александровича.

Молодые супруги переехали в Берлин. Концерты Кусевицкого по-прежнему пользовались большим успехом у публики. Но он сам все чаще задумывался о будущем. Чувствовал, что достиг предела в своем амплуа. Все-таки, несмотря на все его усилия, контрабасовый репертуар был довольно ограничен. Музыканту хотелось большего, и он стал подумывать о давно привлекавшем его дирижировании.

Два года Сергей Александрович учился искусству дирижера. Дебют в новом качестве состоялся 23 января 1908 года в Берлине, в зале Бетховена. Под его управлением оркестр Берлинской филармонии играл «Ромео и Джульетту» Чайковского, произведения Танеева и Глиэра. Во втором отделении впервые прозвучал «Концерт для фортепиано с оркестром до минор» Рахманинова, в котором солировал автор. «Успех нарастал. К концу концерта он принял размеры оваций», – отмечал присутствовавший на событии музыкальный критик А. Шпанюта⁷.

В сезоне 1908–1909 годов Кусевицкий выступал вместе с Рахманиновым в Лондоне. В Вене провел с Парижским оркестром Колонна «Бетховенскую программу». Его стали называть «одним из самых даровитых дирижеров молодого поколения»⁸.

Вернувшись в Россию в 1909 году, Сергей Александрович создал в Москве первый постоянный симфонический оркестр (существовал до весны 1916 года). Организовал серию абонементных симфонических концертов (так называемые «Концерты Кусевицкого»), которые проходили каждую среду в зале Благородного собрания. Программа всегда отличалась «особой музыкальной культурностью». Обращал на себя внимание тщательно подобранный репертуар с участием молодых исполнителей.

С 1910 года С. Кусевицкий начинает устраивать, наряду с «аристократическими» вечерними, и дневные симфонические концерты. Они проходили в том же зале Благородного собрания по воскресеньям и посещались студентами и рабочей молодежью. «Потребность в хорошей музыке, – отмечал Сергей Александрович, – проникает в слои населения, считавшиеся ранее

чуждыми ей... Главное мое стремление – приучить широкую публику не только интересоваться музыкой, но и понимать ее»⁹.

Цены на билеты устанавливались минимальные, доступные даже учащимся. Наряду с этим в Москве и в других городах России проводились летние вечера симфонической музыки – также в русле просветительских идей С. А. Кусевицкого. Например, в 1909 году такое турне прошло по всем крупным волжским городам – от Твери до Астрахани. Всюду – переполненные залы. Статьи рецензентов и критиков пестрели восторженными отзывами: «Эти концерты приходится назвать не только редким, но еще и небывалым явлением в нашей музыкальной жизни... Их нельзя не причислить к артистическим подвигам»¹⁰.

Известно, что наряду с музыкой Сергей Александрович в этот период активно занимался общественной деятельностью. Был председателем правления Общества призрения престарелых артистов, почетным членом Московского общества оркестровых музыкантов. Кроме того, возглавлял концертно-симфоническую деятельность Петербургского отделения Русского музыкального общества, участвовал в издании журналов «Аполлон» и «Студия», был членом жюри Петербургского конкурса скрипачей имени Л. С. Ауэра, состоял одним из учредителей акционерного общества «Московские общедоступные театры»¹¹...

В 1909 году С. А. Кусевицкий вместе с супругой основал «Российское музыкальное издательство» (РМИ) и музыкальный магазин (находился в Москве, на Кузнецком мосту, 6). Поддержал начинание и тесть Сергея Александровича, К. К. Ушков¹².

Удалось установить, что издательство создавалось, прежде всего, для оказания помощи молодым композиторам в публикации их сочинений. Зарегистрировано оно было 25 марта 1909 года в Берлине. До 1911 года ноты печатались в Лейпциге, в нотопечатне К. Редера. Эскизы обложек, стилизованных под русскую старину, выполнял И. Я. Билибин. С издательством сотрудничали С. В. Рахманинов, С. И. Танеев, А. Н. Скрябин, Н. К. Метнер, И. Ф. Стравинский, С. С. Прокофьев, другие известные композиторы. (РМИ просуществовало до 1938 года, после чего перешло к английской фирме «Бузи энд Хокс»).

Весной 1917 года Сергей Александрович был назначен главным дирижером и музыкальным руководителем Государствен-

ного симфонического оркестра (бывшего Придворного) в Петрограде. После Октябрьской революции Кусевицкий лишился своего состояния (сохранив, правда, при этом довольно значительные капиталы в зарубежных банках). Были национализированы его московский особняк (в Малом Глазовском переулке, 8), издательство, оркестр, художественные коллекции¹³.

Между тем, большевистский лозунг «Искусство в массы» оказался созвучен просветительской деятельности музыканта. Он продолжал активно работать. И даже состоял членом художественного совета при музыкальном отделе Наркомпроса.

В 1920 году нарком просвещения А. В. Луначарский предложил Сергею Александровичу возглавить оркестр в Москве. Но тот отказался и попросил разрешения выехать на год в Берлин, чтобы наладить работу зарубежного филиала своего издательства. Просьба именитого музыканта была удовлетворена, и в мае 1920 года Кусевицкие уехали за границу. Как оказалось, навсегда.

В Берлине они пробыли недолго. Затем на несколько лет местом их обитания стал Париж. В своем новом доме, украшенном росписями по мотивам русских народных сказок, Кусевицкие принимали многочисленных гостей, прежде всего музыкантов и композиторов. Парижские друзья называли Сергея Александровича на французский манер Сержем. И это имя – Серж Кусевицкий – закрепилось за ним на всю оставшуюся жизнь.

В Париже Сергей Александрович возобновил свою издательскую деятельность, выступал с сольными концертами. В 1921 году вновь создал оркестр, с которым начал ежегодные циклы «Симфонических концертов Кусевицкого» в парижском Гранд-опера. В этом же театре он осуществил постановку «Бориса Годунова» и «Хованщины», а спустя несколько лет показал здесь оперу С. Прокофьева «Огненный ангел».

В 1924 году маэстро возглавил Бостонский симфонический оркестр, который вскоре стал одним из ведущих коллективов не только Соединенных Штатов Америки, но и всего мира.

В 1935 году С. А. Кусевицкий организовал летние концерты в городе Тэнглвуд (штат Массачусетс), послужившие основой для создания в 1940 году Беркширского музыкального центра, который работал как летняя школа для талантливых музыкантов.

В 1942 году (в связи со смертью жены) Сергей Александрович создал Музыкальную ассоциацию (издательство) и Фонд имени Натальи Кусевицкой для оказания помощи современным композиторам¹⁴.

В годы Второй Мировой войны С. А. Кусевицкий был президентом Национального совета американо-советской дружбы. Руководил сбором средств в поддержку нашей страны. В 1946 году возглавил созданное по его инициативе Американо-советское музыкальное общество.

Заслуги Сергея Александровича были отмечены французским орденом Почетного легиона (1925). В США многие университеты присвоили ему звание профессора: Брауна (1926), Руджерса (1937), Йельский (1938), Рочестерский (1940), Вильямколледж (1943), Бостонский (1945), а Гарвардский (1929) и Принстонский (1947) – почетную степень доктора искусств¹⁵.

«Там, где пребывал Сергей Александрович, – вспоминал американский виолончелист русского происхождения Г. Пятигорский, – законов не существовало. Все, что препятствовало выполнению его замыслов, сметалось с дороги и становилось бессильным перед его сокрушительной волей к созданию музыкальных моментов... Все вокруг него казалось возвышенным и значительным, каждый его день превращался в праздник: общение было для него постоянной, жгучей потребностью. Каждое исполнение – фактом исключительно важным. Он обладал магическим даром преобразать даже пустяк в настоящую необходимость, потому что в вопросах искусства для него пустяков не существовало»¹⁶.

В 1949 году С. А. Кусевицкий женился вновь на Ольге Александровне Наумовой (1901–1978), племяннице второй жены¹⁷. В том же году, передав художественное руководство Бостонским оркестром Ш. Мюншу, маэстро совершил большую гастрольную поездку в Рио-де-Жанейро и по городам Европы. Последний его концерт состоялся 26 февраля 1951 года в Сан-Франциско.

Выдающийся музыкант XX столетия скончался 4 июля 1951 года в Бостоне. Похоронен на городском кладбище этого американского города.

1. <http://www.peoples.ru/art/music/conductor/kusevickiy/history.html>.
2. Там же.
3. Там же.
4. <http://www.contrabass.ru/music/koussevitski.htm>.
5. Банников А. П., Сапожников С. А. Собиратели и хранители прекрасного. – М.: Центрполиграф, 2007. С. 258.
6. <http://www.contrabass.ru/music/koussevitski.htm>.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. <http://www.peoples.ru/art/music/conductor/kusevickiy/history.html>.
13. Там же.
14. Рацер Е. Я. Кусевицкий Сергей Александрович // Музыкальная энциклопедия. Т. 3. – М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 107.
15. <http://www.contrabass.ru/music/koussevitski.htm>.
16. Там же.
17. Банников А. П., Сапожников С. А. Указ. соч. С. 258.

НАУМОВЫ

Мужем старшей дочери Ушковых, Анны Константиновны, был почетный гражданин города Самара Александр Николаевич Наумов (1868–1950).

Удалось установить, что он принадлежал к древнему дворянскому роду, представители которого в XV–XVI веках играли весьма заметную роль при дворе: были боярами, послами в Швеции и в Крыму, полковыми воеводами и наместниками¹.

Отец Александра Николаевича, Николай Михайлович Наумов, в 1854–1856 годах, еще совсем юным, участвовал «в походах и делах против неприятеля».

Николай Михайлович, выйдя в отставку, некоторое время жил в Москве. Затем вернулся на Волгу, в свое родовое имение – село Головкино Ставропольского уезда. В 1867 году женился на троюродной сестре, княжне Прасковье Николаевне Ухтомской. Семья, в которой постепенно появилось трое сыновей – Александр, Дмитрий и Николай, зимой жила в Симбирске, а лето проводила в Головкино².

По воспоминаниям современников, старший из братьев – Александр – был смышленным и бойким, заводилой всевозможных игр и шалостей. Учился он в Симбирской гимназии. Всегда был одним из первых учеников³.

Окончив Московский университет с дипломом первой степени, А. Н. Наумов некоторое время состоял младшим кандидатом на судебные должности при Московской судебной палате. В 1893 году приказом министра внутренних дел был назначен земским начальником 2-го участка Ставропольского уезда.

В селе Новый Буян, где находилась его контора, Александр Николаевич прожил около четырех лет. За это время приобрел авторитет требовательного, но справедливого, внимательного к нуждам крестьян человека. И даже был избран Почетным мировым судьей.

4 февраля 1898 года А. Н. Наумов женился на Анне Константиновне Ушковой, «очень красивой и очень богатой девушке»⁴.

Имея опыт административной и юридической деятельности, неплохо разбираясь в хозяйственных делах, Александр Николаевич помогал супруге вести большое хозяйство. В решении сложных юридических вопросов содействовал ее родственникам, с которыми сразу же установились «теплые родственные отношения»⁵.

В июне 1902 года А. Н. Наумова избрали предводителем дворянства Ставропольского уезда. Поселившись в уездном городе, он продолжил, «не столько по положению, сколько по велению сердца», общественную деятельность. Был почетным смотрителем двухклассного (ставшего его стараниями трехклассным) городского училища, членом и председателем попечительского совета женской прогимназии.

Благодаря инициативе и настойчивости Александра Николаевича, неоднократно выезжавшего для решения вопроса в Петербург, в Ставрополе открылось (1 июля 1905 года) ремесленное училище. В знак признательности «за сочувственное и благотворительное отношение к ставропольским учебным заведениям» А. Н. Наумову было присвоено звание «Почетный гражданин города Ставрополя»⁶.

С 20 июня 1905 года Александр Николаевич – предводитель дворянства Самарской губернии. Будучи человеком общительным, он не замыкался только на делах дворянства. Жил «интересами» Самары. Даже став 20 июля 1909 года членом Государственного совета, принимал «самое горячее участие» в «проведении в высших сферах вопросов о канализации, об открытии в Самаре Политехникума, о займах и других больших городских делах и всегда с большой отзывчивостью относился ко всякого рода городским просьбам и нуждам»⁷.

Особенно много уделял внимания развитию в городе просвещения и культуры. Возглавив в 1908 году губернский училищный совет, А. Н. Наумов добился, чтобы в учебных заведениях обучали не только грамоте, но и занимались бы государственно-гражданским воспитанием на национально-патриотических началах».

Александр Николаевич был известен и как краевед. В 1910 году он предложил уездным предводителям дворянства собрать сведения об участниках Отечественной войны 1812 года. В 1914 году стал одним из инициаторов создания в Самаре ученой губернской архивной комиссии.

Кроме того, А. Н. Наумов был одним из создателей Самарского отделения Русского музыкального общества. С 1916 года состоял уполномоченным от Самарского отделения в главной дирекции Императорского Русского музыкального общества.

Известно, что любовь к музыке Александр Николаевич унаследовал от своего отца. Сам хорошо играл на скрипке. Был страстным театралом и устройтелем «вечерних концертов», проводимых в особняке Наумовых на Дворянской улице.

Многогранная деятельность А. Н. Наумова была отмечена орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Станислава 2-й степени, медалями «За труды по первой всеобщей переписи населения» и «в память Русско-японской войны 1904–1905 гг.», а также знаком Красного Креста. В июне 1913 года ему за «бескорыстное и деятельное участие в делах города» было присвоено звание «Почетный гражданин города Самары»⁸.

По воспоминаниям современников, А. Н. Наумов был «интеллектуально и духовно развитой личностью, гражданином в полном смысле этого слова»⁹. Несмотря на высокие награды и

должность Егермейстера Двора Его Императорского Величества, которую занимал с 1908 года, он оставался общительным и внимательным к окружающим.

«Самое живое участие» в жизни города принимала и его супруга Анна Константиновна. В течение многих лет она входила в состав местного комитета Общества Красного Креста, Попечительского совета Губернского комитета общины сестер милосердия. Была попечительницей Самарского общества попечения о бедных и Мариинского приюта детей воинов. С 1910 года состояла членом Самарского отделения Попечительства слепых¹⁰.

Удалось установить, что в семье Наумовых было шестеро детей: Мария, Анна, Ольга, Александр, Параскева, Николай. В октябре 1912 года, указом Правительствующего Сената, Александр Николаевич с женой и детьми были внесены в VI часть дворянской родословной книги Самарской губернии. Кроме того, был Высочайше утвержден фамильный герб, а сам А. Н. Наумов, к тому времени – действительный статский советник, и его дети получили свидетельства на дворянское достоинство¹¹.

В 1914–1916 годах Александр Николаевич был министром земледелия Российской Империи. В связи с этим семья переехала в Петербург. В 1917 году, не приняв революцию, Наумовы покинули Россию. Обосновались на юге Франции, в районе Ниццы, где Александр Николаевич приобрел усадьбу с домом. Впоследствии он перестроил имение и назвал его «Волга».

В эмиграции А. Н. Наумов также развернул бурную общественную деятельность. Возглавил Общество помощи русским учащимся и учащим, организовал преподавание русского языка и литературы в лицах Ниццы.

«На долю живых сил эмиграции выпала ответственная задача, – отмечал Александр Николаевич, – приобщить к русской культуре эмигрантское подрастающее поколение... В этом главный смысл и оправдание нашего существования за рубежом... Оторванные от родной земли, дети могут потерять связь с нею. Наша важнейшая задача – воспитать в них чувство этой связи с тем, чтобы они научились чтить ее великое прошлое, гордиться ее историей и верить в ее светлое будущее»¹².

Последние годы жизни А. Н. Наумов провел в Нью-Йорке. Работал над составлением истории своего рода, начатой еще в Самаре. Скончался 3 августа 1950 года, на 82 году жизни. В 1954–1955 годах в Нью-Йорке увидел свет двухтомник его мемуаров «Из уцелевших воспоминаний».

Жизненный путь членов семьи А. Н. Наумова еще предстоит проследить.

1. *Поддубная Р. П.* За отзывчивое отношение к нуждам города // <http://www.nissan2.ru>.

2. Там же.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же.

8. Там же.

9. Там же.

10. Там же.

11. Там же.

12. Там же.

Ф. ШАЛЯПИН – РОДСТВЕННИК УШКОВЫХ

Породнились Ушковы и с Федоровичем Ивановичем Шляпиным (1873–1938).

Знаменитый оперный певец был частым гостем в доме Ушковых. У них он и познакомился со своей будущей супругой, Марией Петцольд.

Мария Валентиновна, урожденная Элухен, была родной сестрой Терезы Валентиновны Ушковой. Удалось установить, что она вначале состояла в браке с казанским купцом Михайловым. Однако их совместная жизнь не удалась. Разрешить ситуацию помог К. К. Ушков. Он заплатил мужу своей родственницы значительный выкуп за согласие на развод ¹.

Впоследствии Мария Валентиновна вышла замуж за Эдуарда Петцольда, сына известного казанского пивовара. Родила ему дочь Стелу. Но и этот брак оказался коротким. В 1904 году

Э. Петцольд во время лыжной прогулки погиб от сердечного приступа ².

Похоронив мужа, Мария приехала в Москву погостить у сестры. В доме Терезы Ушковой и состоялось ее знакомство с Шаляпиным. (По другой версии, роковая встреча произошла на московском ипподроме, куда часто навещались и певец, и обе сестры ³).

По свидетельству современников, это была любовь с первого взгляда ⁴. Однако Федор Иванович в это время был женат. Поэтому отношения возлюбленных длительное время тщательно скрывались. Супруга певца, итальянская танцовщица Иола Торнаги, узнала о романе мужа лишь тогда, когда Мария Валентиновна родила Шаляпину дочь Марфу. (Через год, 14 марта 1912 года, у них появилась еще одна дочь, Марина. Третий совместный ребенок – Дассия – родилась 17 июля 1921 года в Петербурге).

«Марья моя ходит павой, – сообщает певец своему другу Максиму Горькому, – любо-дорого смотреть на нее, – и, хоть яйца курицу не учат, все-таки она преподает мне разные уроки – оно ничего! Любит она тебя не меньше моего, а за это я люблю ее еще больше. Ленива, кажется, также как и я, – вот это не очень приятно. Ну, да Бог с ней» (19 апреля 1913 г.)⁵.

В 1916 году Шаляпин смог осуществить давний замысел, – написать книгу «о своей жизни». Значительную помощь в работе над мемуарами оказал М. Горький. В Форос, где в это время жил «буревестник революции», Федор Иванович прибыл вместе с Марией Валентиновной, дочерьми Марфой и Мариной 19 июня 1916 года на шикарном «Форде» владельца имения ⁶.

Одна из дочерей певца, Марина Федоровна Фредди, вновь прибыв в Форос спустя 87 лет (в 2003 году она была приглашена на празднование 130-летия Ф. И. Шаляпина), узнала дворец Ушковых, в котором некогда жила. С особым трепетом рассказывала итальянская гостя о двух красивых мраморных вазах, некогда украшавших вход во дворец. О парке Фороса она вспоминала: «Это был настоящий зоопарк. Каких только животных и птиц там не было! Просто райские птицы! Таких нигде и никогда больше не видела»⁷.

По воспоминаниям очевидцев, в дни пребывания Шаляпина в Форосе его голос был слышен повсюду. Артист пел так, что раскаты его баса доносились до скал⁸.

В том же 1916 году Федор Иванович окончательно ушел с казенной сцены. Выступал в антрепризе Аксарина и Частной опере Зимина. Очень часто давал безвозмездные концерты в пользу раненых.

Февральскую и Октябрьскую революции певец встретил благожелательно. В апреле 1918-го вернулся в Мариинский театр, который в это время переживал колоссальный кризис. Многие артисты эмигрировали. Былая театральная публика ушла в небытие. Большую часть постановок пришлось снять с репертуара, остальные давались при полупустом зале. Чтобы привлечь зрителя, значительную часть билетов распространяли бесплатно.

Тем не менее, Шаляпин работал с большим воодушевлением. Имя его было популярно, поэтому спектакли с его участием собирали гораздо больше зрителей. В ноябре 1918 года Федору Ивановичу было присвоено звание народного артиста Республики⁹.

В 1919 году Шаляпин вошел в состав дирекции театра, фактически став его художественным руководителем. Как и Станиславскому, ему пришлось выдержать жесткие нападки со стороны пролеткультовцев, относивших оперу к махровым пережиткам прошлого. Они, в частности, требовали распустить труппы Мариинского, Александринского и Михайловского театров, а здания и весь театральный реквизит передать самодеятельным рабочим кружкам. До таких крайностей дело, впрочем, не дошло. Но чтобы сохранить театр, Шаляпину пришлось неоднократно ездить в Москву и встречаться с Лениным.

Однако в письмах того времени, описывая быт в революционном Петрограде, аресты некоторых своих знакомых, Федор Иванович нет-нет да и проговаривается: «А Марья Валентиновна все настойчивее и настойчивее стала нашептывать мне: бежать, бежать надо...»¹⁰.

В 1920 году возобновились зарубежные гастроли певца. После многолетнего перерыва его концерты в Европе и Америке имели триумфальный успех. Огромные гонорары, выплачиваемые за каждое выступление, конечно, не шли ни в какое сравне-

ние с теми, что он получал в голодном Петрограде. Возможно, это обстоятельство и стало одной из причин его нежелания возвращаться в Россию.

В апреле 1922 года Федор Иванович на короткое время приехал в Петроград, выступал в «Борисе Годунове». Через несколько дней он вновь отправился на гастроли, с которых в Россию уже не вернулся.

Остановился в Лондоне. Поселился на Кенсингтон-роуд, недалеко от знаменитого Гайд-парка. В конце 1923 года семья переехала в Париж. Первоначально жили на улице Франциска Первого. Затем на долгие годы пристанищем семьи Шаляпиных стал огромный шестизэтажный дом на улице д'Эйло, 40. «Гнездышко Шаляпина», как его называли.

«И сам я рыскаю теперь по свету за долларами, – писал Федор Иванович М. Горькому, – и, (хоть не совсем, но по частям) продаю душу черту. На доллары купил я для Марии Валентиновны и детей дом в Париже (не дворец, конечно, как описывают и говорят разные люди, но однако живу в хорошей квартире, в какой никогда еще в жизни не жил) (16 сентября 1925 г.)¹¹.

«В доме на д'Эйло, – вспоминает Нина Константиновна Прихненко, подруга младшей дочери Шаляпиных, Дассии, – всегда было многолюдно, и не только потому, что туда постоянно приходили гости.

Там жило множество людей, которые были близки семье дяди Феди или помогали ему. Помню, жил там шофер-итальянец Винченцо. Дася рассказывала мне, как он появился. Семья купила в Италии «Изотту-Фраскини». Это было в 1928 году. В то время «Изота-Фраскини», как и «Роллс-Ройс» и «Испано-Сюиза», считалась лучшей автомобильной маркой. Может, даже лучшей из трех, во всяком случае, самой большой, настоящий паровоз! В придачу к машине семья получила и шофера. Он пришелся по душе и поселился в доме.

Там же жила и прислуга, камердинер Михаил Шерстокрыл-Коваленко. Была тихая, кроткая женщина Лиза из Латвии или Эстонии. Она ухаживала за Дасей и любила шить.

Еще были Лена и Таня Ушковы – дети от первого брака Терезы Валентиновны Ушковой, родной сестры Марии Валентиновны. Когда Тереза скончалась, ее дочь от второго брака Вера

Дмитриевна и ее отец Печорин тоже переехали в дом на д'Эйло. Жила там и немолодая пара Константин и Варвара Эрмансы.

Варвара давала уроки пения, и Дася занималась с ней музыкой. Дася хорошо играла на пианино, гитаре, неплохо пела. Музыкальность, видно, от отца. Там же имела свою квартиру и Стела – дочь Марии Валентиновны от первого брака. Была в доме еще семья очень известного зубного врача Кастрицкого. Жила Анна Ивановна Страхова, родная сестра Варвары Эрманс. Она присматривала за девочками Шалапина. У Марфы и Марины был гувернер-мистер Клеридж, прибывший из Англии. Он тоже жил в этом доме.

Дом был устроен необыкновенно. Там, на шестом этаже, тянулся длинный коридор, и мы с Дасей носились по нему, как бешеные. В конце коридора были комнаты Карины Карловны, женщины, ухаживавшей за Бабаней, – так все звали маму Марии Валентиновны. Это была очень бойкая, азартная старушка. Любила играть в лото... «Почти все эти люди находились на содержании дяди Федя.

В доме был роскошный салон с роялем и очень большая столовая. Дядя Федя и тетя Маня всегда завтракали с семьей. В субботу-воскресенье все собирались за столом. Блюда подавали два слуги. Они следили за тем, чтобы все было, как полагается, молча и быстро меняли блюда, стараясь не привлекать к себе внимание. В доме постоянно были гости. За обедом собиралось обычно не менее 20 человек... Чудный был дом, чудесное время»¹².

«В Париже, – продолжает рассказ Нина Константиновна, – дядя Федя, как говорили взрослые, старался отдыхать. Он не репетировал, по возможности, не выступал с концертами – пел только в Гранд-опера. Бывало, он играл с нами – он очень любил детей, любил их тискать, рассказывал очень хорошие сказки.

Летом уезжали на юг Франции. Там, в Сен-Жан-де-Люз, примерно в 10 километрах от Биаррица, почти у самой границы с Испанией, на мысе Сен-Барб была дача Шалапина. Сначала дядя Федя дачу снимал, но потом решил построить свою, по собственному плану и вкусу. Она состояла из двух строений: одно называли «Корсар» – там жили Федор Иванович, Мария

Валентиновна и дети, второе – «Изба» – предназначалось в основном для гостей...»¹³.

Однако в своем доме, равно как и на даче, Шаляпин бывал нечасто. Последние шестнадцать лет его жизни прошли в непрерывных гастролях. Часто в этих поездках его сопровождали жена и младшая дочь. «Мы с Марией все еще разъезжаем по Америке», – пишет он М. Горькому из Нью-Йорка (28 февраля 1929 г.)¹⁴. Письмо тому же адресату из Барселоны, датированное 25 декабря 1929 года: «Мы с Марией живем на высоченной горе вдали от города. Порядочно скучаем, и только яркое солнышко да синее море вдали утешают радостью»¹⁵.

Федор Иванович находил признание на всех континентах и во всех странах, куда ни забрасывала его судьба. Только в СССР он не приезжал никогда. В 1927 году певец пожертвовал деньги русскому священнику в Париже в помощь голодающим детям эмигрантов, что было расценено на родине как «помощь белогвардейцам на борьбу с Советской властью». В 1928 году советское правительство лишило его звания народного артиста и запретило ему въезд в СССР»¹⁶.

В 1932 году Шаляпин снялся в звуковом фильме «Дон Кихот», который обошел затем экраны кинотеатров многих стран. Мировая слава певца с годами становилась все больше. Несмотря на высокую цену билетов, его выступления всегда проходили при полном зале. Число даваемых им концертов было огромно.

Между тем, начиная с 1936 года, здоровье Федора Ивановича стало быстро разрушаться. Летом 1937 года врачи определили у него болезнь сердца и эмфизему легких. За несколько месяцев из крепкого мужчины он превратился в старика. В начале 1938 года появились признаки злокачественного малокровия. Умер Шаляпин в Париже 12 апреля 1938 года от лейкемии.

В 1984 году прах великого русского певца был перезахоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

1. *Ключевская Е.* Мария, вторая жена Федора // Республика Татарстан. 1998. 25 апреля.

2. <http://foros.net>.

3. Там же.

4. Там же.

5. Федор Иванович Шаляпин. Т. 1. М.: Искусство, 1960. С. 357.
6. <http://foros.net>.
7. Там же.
8. Там же.
9. <http://www.peoples.ru/art/music/bass/shalapin/history1.html>.
10. Федор Иванович Шаляпин... С. 19.
11. Там же. С. 359.
12. Горбунов Н. Она звала Шаляпина просто «дядя Федя»
[//http://www.slavcenter.ge](http://www.slavcenter.ge).
13. Там же.
14. Федор Иванович Шаляпин... С. 364.
15. Там же. С. 365.
16. <http://www.hrono.ru/biograf/shalyapin.html>.

ГЛАВА 4. ПЛЕМЯННИЦЫ ЧАЙНОГО МАГНАТА

КОВАЛЕВЫ

К числу ближайших родственников чайного магната принадлежат и дочери его брата, Степана Семеновича Губкина. Старшая из них, Александра Степановна (1836–1893), была замужем за кунгурским купцом первой гильдии Иосифом Титовичем Ковалевым (1835–1898).

Был он, вне всякого сомнения, одной из самых колоритных фигур в купеческом мире нашего города. Образование получил в кунгурском уездном училище. Собственное торговое дело начал в двадцатилетнем возрасте с небольшой лавки. Впоследствии, благодаря упорству и настойчивости, значительно расширил его.

В 1870–1880-х годах мануфактурная торговля И. Т. Ковалева была сосредоточена в здании Гостиного двора, где купец арендовал несколько лавок и подвал¹. В 1890 году он построил в центре города, на Успенской улице, собственный двухэтажный торговый корпус.

Воображение посетителей поражал не только отменный декор фасада здания, но и богатый ассортимент товаров. Здесь продавались разнообразные ткани: полубархат, коленкор, ланкорд, твил, нанбук, флорентин, муслин, плюш, сатин либерти, бумазея нувотэ, сюра, бязь, полотно, трико, ситец, сукно и другие. Их дополняли платки шерстяные, пуховые и ситцевые, одеяла, скатерти, простыни, салфетки, готовая одежда².

Великолепный архитектурный ансамбль торгового комплекса дополнял и особняк купца. Двухэтажный полукаменный дом с флигелем на углу Благовещенской и Успенской улиц был возведен в 1850 году. В 1889 году оценивался земской оценочной комиссией в 2000 рублей³.

В 1910-х годах здание было перестроено и стало одним из самых красивых в городе. Своеобразие псевдорусского стиля наиболее точно выражено в декоре фасадов. Первый этаж обозначен аркадой с элементами декоративного убранства, характерными для XVII века. Второй решен как стена с тесно поставленными проемами окон, обрамленными сильно выступающими

наличниками в виде колонок с двумя арочками, сходящимися на «замке». В 1914 году особняк оценивался в 14000 рублей⁴. Помещения в нем в этот период арендовал Сибирский торговый банк⁵.

Для семьи старшего сына Иосиф Титович построил двухэтажный полукаменный особняк на углу Преображенской и Успенской улиц. Кроме перечисленного, ему принадлежало еще больше десятка зданий в различных частях города.

Имел купец и большую дачу. По свидетельству П. П. Колпакова, она находилась в районе Кротовского озера и «тянулась через весь квартал. Обнесена была высоким забором. Внутри стоял большой особняк из 8 комнат с двумя верандами и мезонином. В глубине дачи находилась беседка и два флигеля. Дача охранялась сторожем, для которого была построена сторожка. У ворот был привязан большой злой черный пес»⁶.

За личные качества и продолжительную общественную службу И. Т. Ковалев снискал себе уважение и симпатии всего городского общества. В 1850-х годах он исполнял обязанности городского ратмана. После введения нового городского положения 1870 года был председателем Сиротского суда. С 1872 года, в течение двадцати семи лет, состоял гласным Кунгурской Городской Думы.

В 1876–1880 годах Иосиф Титович занимал должность городского головы. Избирался почетным мировым судьей. Входил в состав попечительского комитета Губкинского Технического училища, комитета по разбору и призрению нищих, многочисленных комиссий.

Известно, что И. Т. Ковалев был прихожанином Тихвинского храма. В 1881–1884 годах возглавлял работы по его перестройке. В этот период были возведены новая колокольня и два придела – во имя Иоанна Богослова и апостола Иакова. Иосиф Титович и его супруга пожертвовали на строительство значительные средства. Этому же храму купец подарил двухэтажный полукаменный дом с флигелем⁷. Кроме того, он внес 1500 рублей на достройку здания Общественной Зырянской богадельни⁸.

Сведений о супруге купца сохранилось немного. Была она одним из самых крупных кунгурских домовладельцев. Ей, в частности, принадлежал целый квартал зданий по Преображенской

улице, занимаемых ныне городской баней и прилегающими строениями. В 1876 году Александра Степановна, пытаясь обустроить свои владения, предложила озеленить берег реки Ирени и для «улучшения в этой местности чистоты воздуха» произвести посадку деревьев⁹.

Племянница чайного магната была известна в городе и своей общественной деятельностью, и как благотворительница. В 1872 году она, с согласия А. С. Губкина, была избрана почетной блюстительницей Елизаветинской рукодельной школы¹⁰. Эти обязанности Александра Степановна исполняла до конца жизни. В 1885 году ее заслуги по духовному ведомству были отмечены грамотой Св. Синода¹¹.

Именитая кунгурячка умерла в июле 1893 года¹². Похоронена на Вознесенском кладбище. Спустя пять лет, 19 октября 1898 года, рядом с ней место вечного упокоения обрел и ее супруг¹³.

Торговые, общественные и благотворительные традиции семьи продолжили сыновья Николай (1857–1915) и Григорий (1860–после 1919).

Старший из братьев, Николай Иосифович, родился 15 августа 1857 года. Окончил Екатеринбургское Алексеевское реальное училище¹⁴. Был одним из самых видных общественных деятелей Кунгура. Более 35 лет отдано им служению на благо родного города.

Наиболее плодотворной была деятельность на ниве народного просвещения. С 12 декабря 1879 года и до конца жизни Николай Иосифович входил в состав попечительского комитета Кунгурской женской гимназии. В течение 20 лет был его председателем. В 1909 году Городская Дума, в знак признания заслуг, учредила для означенного учебного заведения стипендию имени Н. И. Ковалева¹⁵.

Более 15 лет купец избирался в состав уездного училищного совета. С 1901 года состоял членом Кунгурского отделения Епархиального училищного совета.

В ноябре 1899 года Николай Иосифович приобрел дом с усадьбой в 10 саж. по Китгарской улице и дом с усадьбой в 25 саж. по Песчаной улице. Эти владения он передал для строительства нового здания городского училища. «Я вполне сознаю, – отмечал Н. И. Ковалев, – крайнюю необходимость в постройке

нового здания для городского четырехклассного училища и сознаю также, что для постройки надлежащего здания необходимо иметь и соответствующую усадьбу. А так как город не имеет такой усадьбы, то, желая прийти на помощь в этом благом деле, я решил приобрести соседнюю с городским училищем усадьбу вдовы Зыряновой»¹⁶.

За сделанное пожертвование Н. И. Ковалев был Высочайше удостоен звания личный почетный гражданин. За внесение в 1901 году 2000 рублей на достройку здания училища, он получил звание потомственного почетного гражданина¹⁷.

Одновременно Николай Иосифович в течение многих лет был и попечителем городской общественной Хлебниковской библиотеки. По свидетельству современников, исполнял эти обязанности «ревностно и с глубоким знанием дела, как библиофил и любитель изящной словесности и литературы, заботился о пополнении библиотеки и неоднократно жертвовал деньги на эти цели»¹⁸. В фондах Кунгурского музея-заповедника сохранилось несколько книг из домашней библиотеки Н. И. Ковалева с его автографами.

Не чужда была Николаю Иосифовичу и сфера общественных финансов. Начиная с 1894 года он состоял членом учетного комитета Общественного Фоминых банка.

В 1892–1915 годах Н. И. Ковалев избирался гласным Кунгурской Городской Думы. На торжественном заседании 11 декабря 1909 года, посвященном 30-летию общественной службы Николая Иосифовича, отмечалось: «Правдивое и беспристрастное обсуждение дела, смелый взгляд на все вопросы, отличное знание городского хозяйства и выдающиеся ораторские способности – вот отличительные Ваши черты как гласного, и, благодаря им, Городская Дума может гордиться Вами»¹⁹.

Более двадцати лет, начиная с 1888 года, Николай Иосифович ревностно защищал интересы городского общества в Кунгурском Уездном Земском собрании. Кроме того, был председателем городского Попечительства о бедных, попечителем земской больницы, церковным старостой, входил в состав многочисленных комитетов и комиссий.

Николай Иосифович был женат на дочери священника Зинаиде Петровне Удинцевой. Родилось у них трое сыновей: Николай (1886–1895), Александр (род. 5 сентября 1890 г.)²⁰, Сергей

(род. 30 мая 1893 г.)²¹. Правда, жизнь старшего из братьев оказалась очень короткой. Он умер 31 декабря 1895 года в возрасте 9 лет от скарлатины и был похоронен на Вознесенском кладбище²².

Сохранились сведения, что Зинаида Петровна Ковалева так же, как и ее муж, была не чужда общественной деятельности. Входила в состав попечительских комитетов Общественной Зырянской богадельни и Елизаветинской рукодельной школы, комитета по разбору и призрению нищих, Общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании. Организовала учебную мастерскую при городском попечительстве о бедных.

Потомственный почетный гражданин Н. И. Ковалев умер в 1915 году и был похоронен на Вознесенском кладбище.

Второй сын И. Т. Ковалева, Григорий Иосифович, занимался торговой деятельностью. Был купцом второй гильдии. Собственной семьи не имел.

В марте 1917 года Г. И. Ковалев был арестован за спекуляцию мануфактурой и заключен в тюрьму на три месяца. Однако всего через четыре дня, при содействии комиссара Временного правительства Ковина, его освободили. Заключение было заменено денежным штрафом в 10 тысяч рублей, которые купец внес в Совет рабочих и солдатских депутатов²³.

Осенью 1918 года дом, где жила семья Николая Иосифовича, был разграблен. Добычей грабителей стали «мебель, книги, фотографические карточки, рамки и пр.». Все это постарался вернуть семье Сергей Николаевич Ковалев, вернувшийся в Кунгур вместе с частями Белой Армии. В объявлении, помещенном в газете «Кунгурский вестник» 6 февраля 1919 года, он обещал выплатить стоимость семейных вещей «по взаимному соглашению»²⁴.

В 1919 году Григорий Иосифович и семья его брата ушли с отступающими колчаковцами в Сибирь. Их дальнейшая судьба неизвестна. Все принадлежавшее Ковалевым имущество было национализировано.

Двухэтажный деревянный дом с флигелем по улице Благовещенской использовался под жилье. Впоследствии был снесен. На его месте – административный корпус управы города. В особняке на углу Благовещенской и Успенской улиц (ныне – ул. Советская, 20) разместилось отделение Госбанка. В бывшем

мануфактурном магазине (ул. Ленина, 25) с 1940 года находится швейная фабрика. Особняк Н. И. Ковалева (ул. Ленина, 45) после революции использовался под жилье. Затем в нем находился детский дом. С 1942 года в здании была гостиница. С 1969 года – различные учреждения, среди которых – городской комитет комсомола. В настоящее время здесь находятся редакция газеты «Искра» и предприятие «Гефест». Своя судьба и у других зданий, ранее принадлежавших Ковалевым.

1. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1878 год. – Кунгур: Типография А. Зубарева, 1880. С. 71.
2. ККМ.
3. Именной список домовладельцам г. Кунгура с показанием ценности и доходности их недвижимых имуществ. ККМ ОФ № 6122/7. С. 55.
4. Раскладка городского оценочного сбора на 1914 год. – Кунгур: Типография А. К. Сулова, 1914. С. 4.
5. Ренева О. А. Дома на берегу Ирены // *Добрый день*. 2006. 12 октября.
6. Письма П. П. Колпакова. Научный архив ККМ. Д. 680. Л. 81.
7. *Летихина З. Я.* Кунгур православный. – Пермь: Энтер-профи, 1999. С. 93.
8. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1878 год. – Кунгур: Типография А. Зубарева, 1880. С. 71.
9. Ренева О. А. Указ. соч.
10. Семенов В. Л. А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 94.
11. ПЕВ. 1885. С. 251.
12. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1893 год. – Кунгур: Типография А. П. Паркачевой, 1894. С. 163.
13. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1898 год. – Кунгур: Типография А. П. Паркачевой, 1898. С. 201.
14. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1884 год. – Кунгур: Типография Ф. Ф. Сланского и А. П. Паркачевой, 1885. С. 740.
15. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1909 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1911. С. 885.
16. *Летихина З. Я.* Желая прийти на помощь // *Искра*. 1993. 13 мая.
17. *Мушкалов С. М.* Забытое кунгурское купечество. – Кунгур, 2001. С. 39.
18. Там же.
19. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1909 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1911. С. 888.

Сохранились сведения и о его благотворительной деятельности. Так, совместно с супругой Николай Михайлович пожертвовал значительные средства на «украшение» домового храма в честь Великомученика Пантелеймона и праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, возведенной в 1877–1879 годах на территории Кунгурского Иоанно-Предтеченского женского монастыря⁹. В этот же храм он передал сребропозлащенный сосуд, весом 4 фунта 70 золотников, со всеми принадлежностями, серебряное кадило, напрестольное Евангелие, а также сребропозлащенную ризу на икону Иверской Божией Матери работы московского художника Хлебникова стоимостью 600 рублей¹⁰. В сентябре 1890 года им были пожертвованы еще две ценные сребропозлащенные ризы работы Хлебникова на иконы Божией Матери Скоропослушницы и Сретения Господня стоимостью 700 рублей каждая¹¹.

В 1891 году Н. М. Столбов стал попечителем открывшейся в городе церковноприходской школы. Он подобрал необходимое помещение, «очень приличное и вместительное», и уплатил 140 рублей за его аренду¹².

По воспоминаниям современников, Николай Михайлович при открытии учебного заведения проявил «вполне сердечное отношение с присущей ему энергией. Будучи в преклонных летах, обремененный служебными обязанностями, он, при частых немощах своих, радушно принял на себя звание попечителя вновь открываемой школы»¹³.

Известно, что Н. М. Столбов подарил школе икону святых Кирилла и Мефодия в киоте, портрет Государя Императора в золоченой раме, школьную вывеску, классную доску, стол и стул для учителя, канцелярские товары (бумагу, перья, карандаши, чернильницы, чернила) на сумму 10 рублей, отремонтировал на свои средства 10 парт¹⁴. Кроме того, он организовал подписку на нужды учебного заведения и первым внес на эти цели 100 рублей¹⁵.

Однако его деятельность на этом поприще оказалась очень короткой. Статский советник Н. М. Столбов скончался 18 сентября 1891 года в возрасте 65 лет от рака¹⁶. Его похоронили в ограде Тихвинской церкви. До наших дней захоронение не сохранилось. В середине 1990-х годов надгробие с могилы имени-

20. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 26. Л. 411.
21. Там же. Д. 29. Л. 343.
22. Там же. Д. 32. Л. 452.
23. *Коротаев Ф. И.* Кунгур в годы революции – Пермь: Кн. изд-во, 1965. С. 40.
24. *Ренева О. А.* Указ. соч.

ФЕКЛА СТОЛБОВА, ЖЕНА ЧИНОВНИКА

Яркий след в общественной жизни нашего города оставила и другая племянница именитого чаеоторговца, Фекла Степановна Столбова (1838–1911).

Эта удивительная женщина была вторым ребенком в семье Степана Семеновича и Евдокии Евдокимовны Губкиных¹. В начале 1860-х годов вышла замуж за кунгурского чиновника Николая Михайловича Столбова (1827–1891).

Удалось установить, что Николай Михайлович окончил полный курс в Вятской духовной семинарии². В Кунгуре, куда он получил назначение, довольно быстро стал весьма заметным и влиятельным человеком.

В 1865 году Н. М. Столбов занимал должность городского почтмейстера, имел чин коллежского регистратора³. В 1869 году стал коллежским ассессором⁴. В 1875–1879 годах исполнял обязанности почетного мирового судьи⁵. В начале 1880-х получил чин надворного советника. В этот период он был почетным смотрителем городского четырехклассного училища, кандидатом мирового посредника⁶. В 1885 году вновь избран почетным мировым судьей. Одновременно служил старшим директором Кунгурского тюремного отделения⁷.

Кроме того, в 1870–1880-х годах Николай Михайлович неоднократно избирался гласным Кунгурской Городской Думы. Входил в состав различных комитетов и комиссий (например, санитарной комиссии для наблюдения за исполнением со стороны городских жителей установленных правил). Был членом попечительского комитета женской прогимназии и Кунгурского уездного отделения Пермского епархиального училищного совета. Состоял членом Пермского отделения Православного миссионерского общества⁸. Стал одним из организаторов в городе Комитета по разбору и призрению нищих.

того кунгурияка было обнаружено в ходе земляных работ у храма.

Супруга чиновника, Фекла Степановна, также активно участвовала в общественной жизни города. Более двадцати лет, начиная с 31 марта 1878 года, была попечительницей первого женского приходского училища¹⁷. Ежегодно вносила крупные суммы на проведение новогодних утренников для учащихся, а также на приобретение вещей для нуждающихся учениц. Так, например, в 1899 году она пожертвовала 50 аршин ситца, 10 рублей на обувь бедным девочкам и 110 портретов А. С. Пушкина¹⁸.

С 1893 года Ф. С. Столбова входила в состав попечительского комитета Елизаветинской рукодельной школы. Одновременно с 1898 года была членом попечительского комитета Общественной Зырянской богадельни. С 1903 года исполняла обязанности почетной попечительницы женской прогимназии¹⁹. Кроме того, состояла действительным членом Общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании.

Известны и ее пожертвования на благоустройство Тихвинской церкви и домового храма Св. Симеона Верхотурского Иоанно-Предтеченского женского монастыря. В марте 1885 года «за заслуги по духовному ведомству» Ф. С. Столбова была награждена грамотой Св. Синода²⁰.

На средства Феклы Степановны в 1893–1894 годах на территории городского тюремного замка была возведена каменная часовня в память спасения Государя Наследника Цесаревича от смертельной опасности в Японии с престолом во имя Св. Николая Мирликийского. Для изготовления кирпича на строительство племянник храмоустроительницы А. Г. Кузнецов пожертвовал тюремному ведомству кирпичные сараи, доставшиеся ему в наследство от А. С. Губкина²¹.

Тюремная церковь была освящена 13 сентября 1894 года Преосвященным Петром, епископом Пермским и Соликамским²². Богослужения в ней продолжались в течение 25 лет. В конце 1919 года храм был закрыт. В 1930–1950-х годах здание находилось в ведении КЭЧ и использовалось под склад. В 1960 году в нем разместился Кунгурский кожно-венерологический диспансер. В настоящее время его занимает инфекционное отделение городской больницы.

В семье Столбовых было шестеро детей: Михаил, Мария, Николай (род. 16 июня 1867)²³, Любовь (род. 4 марта 1869)²⁴, Семен (род. 20 января 1873)²⁵, Александр (род. 6 апреля 1874)²⁶. Сведениями о них автор не располагает. Известно лишь, что Н. Н. Столбов к 1891 году закончил Казанскую гимназию²⁷.

В 1919 году наследники Николая Михайловича и Феклы Степановны Столбовых ушли с отступающими колчаковцами в Сибирь. Все принадлежавшее им имущество было национализировано. Двухэтажный деревянный, обложенный кирпичом, особняк Столбовых, с каменным флигелем и таковым же надворным строением на углу Острожной и Никольской улиц (современный адрес – ул. Октябрьская, 24), оценивавшийся по раскладке казенного налога на 1910 год в 4500 рублей²⁸, был передан домоуправлению № 6. Позднее здесь разместился хлебокомбинат. С середины 1990-х здание занимало детское многопрофильное предприятие. В настоящее время в бывшем особняке находится молодежный клуб «Лига».

-
1. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 232. Л. 30.
 2. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1891 год. – Кунгур: Типография Ф. Ф. Сланского, 1892. С. 748.
 3. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 1. Л. 216.
 4. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 5. Л. 213.
 5. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1891 год. – Кунгур: Типография Ф. Ф. Сланского, 1892. С. 748.
 6. Адрес-календарь Пермской губернии на 1881 год. – Пермь, 1881. С. 56.
 7. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1891 год. – Кунгур: Типография Ф. Ф. Сланского, 1892. С. 748.
 8. ПЕВ. 1882. С. 178.
 9. *Золотов Е. Д.* История храмов Кунгура. Рукопись. КKM. ОФ № 6122/51 д-5164. С. 132.
 10. Там же. С. 133.
 11. Там же.
 12. ПЕВ. 1891, № 5. С. 90.
 13. Там же.
 14. Там же.
 15. Там же.
 16. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 27. Л. 436.
 17. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1878 год. – Кунгур: Типография А. Зубарева, 1880. С. 30.

18. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1899 год. – Кунгур: Типография А. П. Паркачевой, 1900. С. 802.
19. Адрес-календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1903 год. – Пермь, 1903. С. 67.
20. ПЕВ. 1885. С. 251.
21. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1903 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1904. С. 205.
22. Пребывание его преосвященства, преосвященнейшего Петра, епископа Пермского и Соликамского, в городе Кунгуре в сентябре 1894 года // ПЕВ. 1894, № 21. С. 359.
23. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1891 год. – Кунгур: Типография Ф. Ф. Сланского, 1892. С. 774.
24. КГА. Ф. 202. Оп. 2. Д. 5. Л. 213.
25. Там же. Д. 9. Л. 228.
26. Там же. Д. 10. Л. 280.
27. Доклады Кунгурской Уездной Земской Управы за 1891 год. – Кунгур: Типография Ф. Ф. Сланского, 1892. С. 774.
28. Раскладка казенного налога на 1910 год. ККМ. ОФ № 6474/18 к-3982. С. 9.

ГЛАВА 5. ДРУГИЕ ЛИЦА

ПРИКАЗЧИКИ И ДОВЕРЕННЫЕ

История чайной империи А. С. Губкина и его наследников немыслима без деятельности целой плеяды приказчиков, управляющих и других доверенных лиц. Однако, в большинстве своем, все они канули в Лету. Архивные документы тех лет сохранили, в лучшем случае, лишь их фамилии.

Исключение, пожалуй, представляет лишь М. И. Грибушин (1832–1889), ставший впоследствии купцом первой гильдии, видным общественным деятелем и благотворителем.

Михаил Иванович родился 6 сентября 1832 года в Кунгуре, в небогатой семье потомственных кожевников. Еще мальчиком поступил в услужение к городскому почтмейстеру за три рубля жалования в месяц¹. Позднее работал в городском казначействе².

Трудовую деятельность в фирме А. С. Губкина начал в 12-летнем возрасте. Первоначально был швейцаром. Спустя три года будущего предпринимателя отправили в далекий забайкальский город Кяхта, где он прожил пять лет³. Вершиной карьеры стала для него должность управляющего чайными плантациями в Китае⁴.

У Алексея Семеновича Грибушин прослужил двенадцать лет. Подробности его деятельности, как, впрочем, и других доверенных лиц именитого чаеоторговца, так, видимо, и останутся неизвестными. Между тем, именно этот период стал для Михаила Ивановича хорошей школой, он постиг основы чайной торговли, набрался опыта и знаний. Деловые связи с кяхтинскими купцами, установленные в это время, способствовали его успеху в будущем.

Возможно, именно А. С. Губкин, отметив ум, энергию и способности молодого человека, помог ему открыть собственное дело. Поддержка именитого купца, личные качества и безупречная репутация открыли М. И. Грибушину «безграничный» кредит в среде торгового сословия Кунгура.

В 1856 году Михаил Иванович объявил о производстве торгового промысла от своего имени. Хозяину новой фирмы едва исполнилось 24 года. (Кстати, А. С. Губкин стал заниматься тор-

говлей чаем в таком же возрасте). Начав собственное дело с небольших размеров, Грибушин довел его до «обширных масштабов», чем и составил себе миллионное состояние.

Активно участвовал купец и в общественной жизни города. Начиная с 1864 года, последовательно занимал должности мирового судьи, городского головы, городского и земского гласного, церковного старосты, попечителя общественной богадельни, директора тюремного отделения, председателя различных комитетов и комиссий. Исполняя свои обязанности четко и честно, он «много пользы принес» как тем учреждениям, в которых служил, так и городу в целом ⁵.

Отличительной чертой характера М. И. Грибушина была отзывчивость к нуждам ближнего. Испытав в ранней молодости много нужды и лишений, он оказывал постоянную помощь своим согражданам. «Не было примера, чтобы лица, обращавшиеся с какой-либо просьбой к Михаилу Ивановичу, уходили от него неудовлетворенными», – отмечали современники ⁶.

Не оставался Михаил Иванович в стороне и от решения городских проблем. Ежегодно жертвовал на эти цели немалые средства. Так, например, более двухсот тысяч рублей было затрачено им на строительство новой колокольни и переустройство Успенской церкви. В десять тысяч обошлось возведение пожертвованного городскому обществу каменного корпуса лавок на Острожной улице. Пять тысяч рублей пошло на достройку здания Общественной Зыряновской богадельни. Три тысячи было выделено на обустройство в Кунгуре сквера в честь священного коронования 15 мая 1883 года.

Самым значительным актом обширной благотворительной деятельности М. И. Грибушина стало открытие в нашем городе Сиропитательного дома для мальчиков из бедных семей. Учреждение, «каких не много найдется в России», было призвано дать детям приют, религиозно-нравственное воспитание и путем правильного ремесленного обучения подготовить воспитанников к будущей деятельности в качестве самостоятельных мастеров-ремесленников ⁷.

За ревностное усердие в службе на общественных должностях и крупные пожертвования на нужды города М. И. Грибушин был награжден тремя золотыми медалями для ношения на шее на Станиславской, Владимирской и Андреевской лентах ⁸. В

январе 1885 года Государь Император присвоил Михаилу Ивановичу звание «Почетный гражданин города Кунгура»⁹. В 1888 году имя купца было по Высочайшему соизволению внесено «в особо установленную и хранящуюся при Городской Думе Бархатную книгу»¹⁰.

Потомственный почетный гражданин М. И. Грибушин ушел из жизни 9 ноября 1889 года в возрасте 57 лет. Свой последний приют Михаил Иванович обрел в фамильном склепе под алтарем домово́й церкви Сиропитательного дома.

Огромное состояние и хорошо налаженное торговое дело перешли к его жене Антонине Ивановне и сыновьям: Иннокентию, Сергею, Михаилу и Николаю. В 1896 году они создали Торговый дом «М. И. Грибушина Наследники» с основным капиталом в 2 миллиона рублей и продолжили торговые и благотворительные традиции семьи.

Удалось частично восстановить судьбу еще нескольких губкинских доверенных. К их числу принадлежит и Николай Иванович Лепихин (1849–после 1907).

Известно об этом человеке совсем немного. Был он у А. С. Губкина приказчиком. За многолетнюю добросовестную службу купец завещал выдать ему 1000 рублей¹¹. После смерти Алексея Семеновича, возможно, работал у его наследников. В декабре 1906 года Н. И. Лепихин, которому к этому времени исполнилось уже 57 лет, получил промысловое свидетельство на торговое предприятие 2-го разряда и стал кунгурским купцом второй гильдии¹². В гильдейское свидетельство были по обычаю внесены и все его многочисленные домочадцы: сыновья Валерян (31 год), Иван (26 лет), Пантелеймон (22 года), Сергей (17 лет), дочери Ефросинья (22 года) и Анна (18 лет), снохи Татьяна Павловна (29 лет) и Нина Исаевна (21 год), внук Леонид (3,5 года) и внучка Нонна (1,5 года)¹³. Сферу деятельности Николая Ивановича установить пока не удалось. Неизвестна и его дальнейшая судьба.

Более тридцати лет прослужил в фирме А. С. Губкина, а затем и его наследников, Сергей Павлович Елтышев. Удалось установить, что в 1870 – начале 1880-х годов он работал учителем в Кунгурском Кирилло-Мефодиевском и втором мужском приходском училище¹⁴. В 1880 году одновременно исполнял обязанности эконома в Губкинском Техническом училище¹⁵, имел

чин коллежского регистратора¹⁶. В 1883 году он уже был, по сведениям В. Н. Шишонко, сотрудником пермской конторы Губкина¹⁷.

В 1913 году надворный советник С. П. Елтышев в честь 50-летия Кирилло-Мефодиевского училища передал в Кунгурскую городскую Управу 1000 рублей. Проценты с данного капитала предназначались, по желанию жертвователя, на выплату пособия бедным учащимся указанного заведения, а также на ежегодное угощение детей по окончании учебного года «при роспуске их на вакату»¹⁸.

Большой вклад в развитие чайной империи Губкина-Кузнецова внес Александр Ефимович Владимиров (1856–1922). Выходец из семьи купцов из Великого Устюга, он в течение многих лет работал старшим приказчиком у А. С. Губкина¹⁹. По завещанию чайного магната получил «за верную службу» 6000 рублей²⁰. После смерти Алексея Семеновича фактически возглавил его фирму. В 1891–1917 годах был председателем правления Торгово-промышленного товарищества.

Как «крупный организатор торгово-промышленной деятельности в чайной отрасли» получил звание потомственного почетного гражданина и чин коммерции советника²¹. Активно участвовал в общественной жизни столицы. В 1891–1918 годах состоял выборным Московского биржевого общества. С 1913 года был товарищем председателя совета Московского торгового банка, а с 1914 года – членом совета Московского купеческого банка²².

А. Е. Владимиров был известен и как крупный московский домовладелец. Около 1898 года он приобрел в собственность усадьбу князя В. В. Оболенского на углу Малой Дмитровки и Успенского переулка (ныне – Малая Дмитровка, 12). Помимо двухэтажного господского, с мезонином и двумя асимметричными ризалитами, дома, здесь находились два флигеля, на заднем дворе – подвалы, колодец, каретный сарай, перестроенный впоследствии в конюшню, несколько одноэтажных деревянных строений. В глубине двора был сад.

Внутри особняк неоднократно перестраивался. Парадные комнаты располагались анфиладой на втором этаже. Жилые помещения находились в мезонине и выходили окнами во двор. Сохранились сведения, что дом длительное время (до 1905 года)

сдавался внаем. Здесь, в частности, размещались винная и пивная лавки Кулькова, контора перевозки мебели Третьякова, модный салон Соловьевой, овощная лавка Толокнова, а также многочисленные квартиры. В одной из них, № 10, некоторое время жил у своих родственников А. П. Чехов²³.

В 1918 году Александр Ефимович, не приняв революцию, эмигрировал во Францию. Умер в 1922 году в Ницце. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем²⁴.

В литературе и архивных источниках упоминаются как приказчики А. С. Губкина П. П. Елтышев, В. Н. Манаков и С. Ведров²⁵, а также доверенный А. Г. Кузнецова Я. Я. Бобир²⁶. Однако сведениями о них автор не располагает.

-
1. ККМ. ОФ 8468/17. Л. 34.
 2. ГАПО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 452. Л. 91.
 3. Там же.
 4. ККМ. ОФ 8468/17. Л. 34.
 5. Михаил Иванович Грибушин. Некролог // ПГВ. 1889. № 92. 18 ноября.
 6. Там же.
 7. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1909 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1911. С. 688.
 8. ККМ. ОФ 6406/2 к-3395. Л. 74.
 9. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 303. Л. 82.
 10. КГА. Ф. 586. Оп. 1. Д. 28. Л. 17.
 11. Семенов В. Л. А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 72.
 12. КГА. Ф. 586. Оп. 1. Д. 98. Л. 3.
 13. Там же.
 14. Елтышева Л. Ю. Полезны навсегда, полезны нам науки. – Кунгур, 2004. С. 32.
 15. Памятная книжка Пермской губернии на 1880 год. – Пермь, 1880. С. 82.
 16. Там же.
 17. Шишонко В. Н. Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 331.
 18. Ренева О. А. Кунгур не беден как частной, так и общественной благотворительностью // Искра. 2007. 17 ноября.
 19. Семенов В. Л. Указ. соч. С. 48.
 20. Там же. С. 72.
 21. Сведения сообщены Владимиром Николаевичем Быковым (г. Москва).

22. Там же.
23. <http://walk.rambler.ru>.
24. Сведения сообщены В. Н. Быковым.
25. Семенов В. Л. Указ. соч. С. 72.
26. Журналы Кунгурской Городской Думы за 1902 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1903. С. 177.

«ДРУГ СЕРДЕШНЫЙ ШМИГЕЛЬСКИЙ»

Одним из наиболее близких друзей Александра Григорьевича Кузнецова был врач М. Е. Шмигельский.

Скорее всего, их знакомство состоялось в Москве, где Михаил Ерофеевич имел собственную клинику. Оставив практику в столице, Шмигельский стал личным врачом «чайного короля». Сопровождал его во всех поездках. Одна из фотографий запечатлела доктора на борту кузнецовской яхты «Форос» в момент посещения ее наследником английского престола, принцем Альбертом-Эдуардом (будущим королем Великобритании Эдуардом VII).

Удалось установить, что услуги Михаила Ерофеевича оплачивались очень хорошо, что позволило ему быстро «сколотить» весьма «солидное состояние». Кроме того, он приобрел в Крыму, в километре от Фороса, имение «Чаир-Лар», устроил там великолепный парк, разбил виноградники.

После смерти А. Г. Кузнецова Шмигельский стал личным врачом, а также любовником его мачехи, Анны Ивановны Кузнецовой, владелицы соседнего с Форосом имения Меллас. За что, по свидетельству очевидцев, получал «большие деньги». Приобрел собственную виллу на юге Франции, в Ницце, где отдыхал всей семьей.

Супруга доктора, Мария Емельяновна, была по специальности акушеркой. Но, выйдя замуж, работу оставила. Занималась воспитанием дочери Марии.

Родители очень любили свою Марусю (так дочь Шмигельских называли окружающие), дали ей прекрасное образование. Летом девушка часто отдыхала на берегу Средиземного моря, в Ницце. Была очень общительной. (Одна из ее подруг – Надежда Обухова – стала впоследствии солисткой Большого театра.)

Однако Шмигельские не смогли выдать дочь замуж до 30-летнего возраста. Только в 1919 году у Марии Михайловны

появился жених, 40-летний присяжный поверенный. Все думали, что вот-вот состоится свадьба. Но Мария внезапно заболела менингитом и вскоре умерла. А спустя всего три дня неожиданно умер и ее жених.

Причина одновременной смерти влюбленных так и осталась тайной. Их похоронили рядом на горке у дома. Горе родителей, потерявших свою единственную и горячо любимую дочь, было велико. Особенно горевала Мария Емельяновна, которая часами просиживала на могиле и плакала.

Похоронив дочь, Мария Емельяновна осталась одна. Муж был в постоянных разъездах, пользовался успехом у женщин, а свою жену не любил.

«Зимой, в начале 1921 года, – вспоминал Николай Павлович Ундольский, сын первого священника Форосского храма, – к ней приходил что-то сделать по хозяйству их бывший слуга, татарин Ибрам. Он знал, что у нее должно быть золото. Как-то придя к ней, стал требовать его. Не добившись, взял кусок железа и стал бить ее по голове. Она залилась кровью и упала. Думая, что женщина убита, Ибрам что-то взял и ушел домой, (у него была жена и трое детей). Очнувшись, Мария Емельяновна поползла к Ивану Николаевичу Данилевскому, жившему в одном километре от нее. Там пролежала около месяца. На голове остались вмятины и пальцы искривились. Сам же убийца Ибрам, живший в деревне Мшатка, узнав, что Мария Емельяновна жива, скрылся, и с тех пор его больше никто не видел».

Известно, что с 1922 года М. Е. Шмигельская работала акушеркой, принимала роды. Ее муж, моложавый еще мужчина, жил в Москве. Нашел там себе молодую жену, с которой в 1922 году уехал во Францию.

О Марии Шмигельской и ее женихе люди придумали красивую легенду о влюбленных, которые не смогли жить друг без друга и вместе бросились со скалы. До наших дней чудом сохранился дом Шмигельских (сейчас – «Волшебный замок»), а рядом с ним – памятники на могилах так и не соединивших свои сердца влюбленных.*

* Информация для очерка предоставлена Павлом Петровичем Фирсовым (Форос, Крым)

ОТЕЦ ПАВЕЛ

Еще одним близким другом А. Г. Кузнецова был священник храма в Форосе, отец Павел Ундольский.

Фамилия священнослужителя происходит от названия небольшой деревни Ундол, расположенной около Владимира. Сохранились сведения, что в этой деревне в 1776 году приобрел имение А. В. Суворов. Попав в 1784 году в опалу, Александр Васильевич поселился в Ундоле и прожил здесь несколько лет.

Одним из собеседников опального генералиссимуса был сельский священник Сергей Павлович Ундольский. По свидетельству очевидцев, сблизила их рыбалка. Оба были страстными рыбаками. Выплывая на лодках с разных сторон реки, они, встретившись, молча, чтобы не спугнуть рыбу, раскланивались. История знакомства знаменитого полководца и прадеда отца Павла передавалась в роду Ундольских из поколения в поколение.

Будущий настоятель «форосского чуда» появился на свет в 1864 году в селе Власовском Покровского уезда Владимирской губернии. Его отец, дед, прадед и прапрадед были священнослужителями. Стезю служения Богу выбрал для себя и Павел Васильевич.

В 1884 году окончил Владимирскую духовную семинарию. Собрался было ехать в Москву, чтобы поступать в университет. Но внезапно умер отец. Павел отказался от продолжения образования и остался в родном селе. Вскоре женился на Манефе Александровне Виноградовой, дочери протоиерея Успенского собора г. Владимира.

Чету Ундольских хорошо знали купцы Костеревы, которые имели торговые связи с А. Г. Кузнецовым. Прослышав, что в Форосе строится церковь и хозяин ищет священника, порекомендовали «чайному королю» отца Павла. Так судьба свела вместе этих двух замечательных людей.

В октябре 1891 года Ундольские переехали в Форос. Семья, в которой к этому времени было уже четверо детей: Василий (род. 1886), Мария (род. 1888), Зинаида (род. 1889) и Александр (род. 1890), поселилась в специально построенном для них большом доме, расположенном в 100 метрах от церкви. Рядом с

ними находился дом с комнатами для псаломщика, сторожей и для ночлега проходящих в зимнее время в храм богомольцев.

Строительство «форосского чуда» уже подходило к концу. Поэтому молодой священник с присущей ему энергией включился в работу по оформлению храма и размещению икон.

Но не все складывалось гладко. На новом месте Ундольские испытали тяжелое потрясение. Неожиданно умер их младший сын Саша, проживший всего полтора года. Его похоронили у стен строящегося храма.

В последующие годы жизни на Красной скале у отца Павла и матушки Манефы родилось еще девять детей: Нина (род. 1893), Надежда (род. 1895), Александра (род. 1897), Наталья (род. 1899), Ираида (род. 1901), Вера (род. 1903), Сергей (род. 1905), Любовь (род. 1905), Николай (род. 1909).

Между тем, здоровье отца Павла стало ухудшаться. Он страдал туберкулезом легких, признаки которого появились еще во Власовском. Целебный воздух Крыма, безусловно, помогал бороться с болезнью. Такая же проблема была и у владельца Фороса. Это, по-видимому, очень их сблизило. Ундольский очень часто бывал в гостях у А. Г. Кузнецова. Одну из таких встреч в Форосе запечатлел редкий снимок. Помимо Александра Григорьевича и отца Павла на нем изображен приехавший из Севастополя священник Владимир Бажанов.

Был Павел Васильевич хорошо знаком и с А. П. Чеховым. Знаменитый писатель помогал священнику в строительстве школы грамоты в селе Мухалатка. Сохранилась и их личная переписка.

В 1914–1915 годах Ундольские жили в Форосе. В связи с начавшейся войной управляющий именем Константин Михайлович Иванов был мобилизован. Григорий Ушков предложил отцу Павлу исполнять его обязанности. В распоряжение священника и его семьи была предоставлена квартира управляющего, занимавшая весь второй этаж дома, соединенная с дворцом галереей, увитой растениями. Особенно поражала роскошь имения, а в самой квартире – великолепная ванна с душем. Для поездок Ундольскому предоставлялась легковая машина «Форд».

Работая в имении, отец Павел сдружился с Константином Капитоновичем Ушковым. Они подолгу просиживали вместе, беседуя в гостиной дворца. У Ушковых был великолепный

граммофон, на котором они проигрывали романсы популярного тогда певца Давыдова. Вместе ловили удочками рыбу в 50–70 метрах от берега, у камня, названного в честь Павла Васильевича, «Поповым».

Осенью 1915 года в Форос был назначен новый управляющий. Отец Павел с семьей вернулся в свой дом у церкви.

Последние годы жизни священника были омрачены чередой событий, окончательно подорвавших его здоровье: революция, гражданская война, расстрел старшего сына Василия, смерть от голода двоих детей, реквизиция церковных ценностей... С 1921 года значительно обострилась болезнь. С 1924 года он уже практически не выходил из дома.

Первый священник храма Воскресения Христова в Форосе ушел из жизни в ночь на 13 декабря 1927 года в возрасте 63 лет. Из церкви в селе Скели приехали греческие священники: отец Стилиан и отец Стефан. Тело обмыли и одели в церковные облачения.

Гроб с телом усопшего находился сначала в доме. Затем его перенесли в храм, где была отслужена панихида. Далее гроб на подводе был перевезен в Скели. Там состоялся обряд отпевания. Похоронили отца Павла в ограде греческой церкви. До нашего времени ни сам храм, ни могила священника не сохранились.

После смерти супруга Манефа Александровна с оставшимися в живых детьми уехала во Владимир. Сегодня потомки отца Павла живут во Владимире, Запорожье, Кемерово и Алушке.*

* Материалы для очерка предоставлены Павлом Петровичем Фирсовым (Форос, Крым).

Книга третья
АДРЕСА НА КАРТЕ

ГЛАВА 1. КУНГУР

ДОМ ЧАЙНОГО МАГНАТА

«Жительство имею в городе Кунгуре, в собственном доме». Такая приписка, сделанная рукой А. С. Губкина, сохранилась в ряде архивных документов¹.

Особняк именитого чаоторговца был построен в 1870 году на углу Мининской и Успенской улиц (современный адрес – ул. Гагарина, 7), на месте бывшей родительской усадьбы. Здание двухэтажное, кирпичное, прямоугольное в плане. Кровля четырехскатная, с вальмой. Этажи разделяет профилированная тяга. Стены завершены карнизом значительного выноса, под которым проходит фриз растительного орнамента. Все окна обрамлены наличниками. Над окнами второго этажа имеются сандрики. К западному фасаду примыкают массивные ворота с двумя калитками.

Одновременно с возведением главного дома проходила и полная реконструкция всей усадьбы. Так в 1866 году внутри двора было построено одноэтажное кирпичное прямоугольное в плане здание конюшни. Три его стены глухие. Северный фасад прорезан тремя прямоугольными дверями и двумя окнами. Стены завершены профилированным карнизом.

В 1875 году к особняку со стороны Успенской улицы был пристроен одноэтажный каменный г-образный корпус. Главный фасад здания, расчлененный по вертикали пилястрами, прорезан рядами прямоугольных окон. Над окнами проходит профилированный пояс. Стены завершает профилированный карниз.

В том же 1875 году был возведен и двухэтажный каменный служебный корпус. Он представляет собой прямоугольное в плане здание, состоит из двух объемов, но один несколько ниже другого. Окна и двери прямоугольные, лишены какой-либо архитектурной обработки. Стены пониженной части завершены профилированным карнизом. Торец венчает прямоугольный фронтон с гладким тимпаном.

Сохранились сведения, что, обследовав новостройку, Кунгурская квартирная комиссия о назначении обывательских квар-

тир для воинских чинов определила просторный семнадцатикомнатный дом чайного магната под постой генералов ².

В своем кунгурском особняке Алексей Семенович прожил около двенадцати лет. В 1882 году купец переехал в Москву. После его смерти усадьбу унаследовал А. Г. Кузнецов. В 1889 году комплекс оценивался в 15 тысяч рублей ³.

В начале XX века владельцем здания стало Торгово-промышленное товарищество «Преимник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰». На первом этаже разместились контора и склад. На втором – частные квартиры ⁴.

Особняк А. С. Губкина стал одним из первых зданий города, куда был проведен водопровод и где был установлен водомер. Позднее здесь появилось и пароводяное отопление. В подвале здания было оборудовано помещение для печи «особой конструкции», за которой следил специально нанятый машинист.

В 1914 году в доме был сделан капитальный ремонт. Стоимость выполненных работ составила 40600 рублей. В помещениях первого этажа была установлена приточно-вытяжная вентиляция. Стекла в окнах и дверях заменили на знаменитые «бемские», отличавшиеся высоким качеством ⁵.

В годы Первой Мировой войны в Кунгуре был расквартирован 153-й запасной пехотный полк. Под постой в числе других зданий использовали первый этаж губкинского особняка. По свидетельству очевидцев, во всех помещениях расположили наспех сколоченные двухъярусные нары и специальные столбы со ступеньками, чтобы забираться наверх ⁶.

Перед Октябрьской революцией домовладение оценивалось в 62832 рубля 13 копеек. Из них – 5600 рублей приходилось на землю, остальное – на недвижимость ⁷.

В 1919 году усадьба была национализирована, а в 1923 году – муниципализирована. В 1920-х годах в бывшем особняке «чайного магната» находились Окружском ВКП(б) и МОПР. Г-образный корпус занимал клуб Союза строителей. В первой половине 1930-х гг. в нем разместилось общежитие строящейся школы-завода. В 1936 году все постройки были переданы детскому дому.

-
1. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 285. Л. 36.
 2. Ренева О. А. Усадьба чайного магната, или Губошлепы и старичок с тросточкой // *Добрый день*. 2007. 15 ноября.
 3. Именной список домовладельцам г. Кунгура с показанием ценности и доходности их недвижимых имуществ // ККМ. ОФ 6122/7. С. 57.
 4. Ренева О. А. Указ. соч.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. Там же.

ХРАМ-ПАМЯТНИК

Своеобразным памятником А. С. Губкину является одна из жемчужин каменного зодчества Кунгура – Иоанно-Предтеченская (Никольская) церковь.

Отсчет своей истории храм ведет с XVIII века. Он был заложен в 1773 году на юго-восточной окраине города, на месте часовни, «построенной по силе указов для погребения мертвых»¹. Средства на строительство собирали всем миром. Купцы вносили по одной гривне, мещане и жители пригородных деревень – от трех до пяти копеек². Недостающую сумму пожертвовал кунгурский купец Семен Васильевич Юхнев.

Как и большинство кладбищенских храмов, вновь выстроенная церковь была одноглавой и имела небольшие размеры. Главный храм в память Усекновения главы Св. Иоанна Предтечи, занимавший большую часть здания, был холодным. Его освятили 29 мая 1787 года. Теплый придельный храм в честь Св. Николая Чудотворца освятили спустя пять лет: 2 декабря 1792 года³.

Первоначально церковь не имела собственного причта, была очень тесной. Теплый Николаевский придел был настолько мал и беден, что даже в сельских храмах «редко можно было встретить такое убожество, нищету и тесноту»⁴. В таком виде храм оставался до середины 1860-х годов. Лишь в 1859 году усердием церковного старосты Якова Ивановича Каблукова появился новый иконостас в холодном храме⁵.

В июле 1866 года к обязанностям ктитора приступил купец второй гильдии Иван Иванович Рязанов. Его старанием была

произведена побелка стен внутри храма, очищен от пыли иконостас, приобретена приличная церковная утварь. По воспоминаниям современников, «староста Рязанов выказывал самое горячее желание и не жалел средств на это дело»⁶. Полную поддержку ему оказывал и новый священник, о. Михаил Холмогоров.

В 1867 году планировалось начать строительство двух новых приделов. Однако по ряду причин перестройка храма была отложена. К реконструкции приступили лишь в 1873 году. Кунгурский городской архитектор Н. А. Воскресенский разработал план новой «ремонтировки» церкви⁷. Наружный вид храма был изменен устройством четырех новых глав. Все главы покрыли белым английским железом и вызолотили через огонь. В 1873–1874 годах с южной стороны храма был возведен новый Никольский придел. Летом 1875 года была сломана старая колокольня и заложена новая, «выше и красивее прежней». К 1878 году завершились и внутренние работы. Перестроенный храм освятили 5 ноября 1878 года⁸.

По свидетельству Е. Д. Золотова, средства на перестройку церкви пожертвовали «граждане кунгурские, любящие благолепие дома Господня». Самое «живое участие» принял Алексей Семенович Губкин: на кладбище у стен храма были погребены его жена и дочь. Сохранились сведения, что от именитого чае-торговца поступила большая часть материалов и необходимых денег. Кроме того, купец «позаботился» и о внутреннем украшении вновь выстроенного Никольского придела⁹.

Среди других жертвователей – кунгурские купцы И. И. Рязанов, С. И. Сибиряков, Е. С. Зырянов, Ф. Д. Коробков¹⁰. По 1000 рублей внесли М. С. Хлебников, П. В. Васильев, купчиха Елизавета Мухлыгина. 300 рублей передал протоирей Петр Луканин. По 200 рублей пожертвовали купцы И. М. Бабин и И. Обалин, по 100 рублей – Фекла Котельникова и солдатка Новок¹¹.

В 1884 году старостой храма стал купец второй гильдии Петр Васильевич Фефилов. Прихожане отмечали его как человека благородного, уважаемого¹². Купец старался содержать церковь в благодатном убранстве. Его стараниями в 1886 году на территории храма была построена каменная часовня в честь иконы Божией Матери «Живоносный источник» и мученика Христофора. В марте 1885 года за заслуги и пожертвования по

духовному ведомству П. В. Фефилов был награжден грамотой Святейшего Синода¹³.

29 мая 1887 года кунгуряки отметили столетний юбилей Иоанно-Предтеченской церкви. Прихожане приобрели для храма сребропозлащенный потир «весьма изящной работы» со всеми принадлежностями стоимостью 409 рублей 8 копеек. Церковный староста Андрей Прохорович Чулошников преподнес на престольное евангелие с дарственной надписью. В 1889 году на его средства храм «был украшен живописью»¹⁴.

В 1892 году потомственный почетный гражданин Александр Григорьевич Кузнецов изъявил желание построить на могиле своего деда, А. С. Губкина, новый храм. Но так как захоронение располагалось очень близко к алтарю Иоанно-Предтеченской церкви, то после долгих размышлений было решено разобрать недавно перестроенный храм почти полностью и возвести на его месте новую церковь, с тем чтобы ее алтарная часть располагалась над могилой именитого чаеоторговца.

Проект нового храма был заказан известному пермскому архитектору А. Б. Турчевичу. Закладка церкви состоялась 22 мая 1894 года при многочисленном стечении народа и при участии всего городского духовенства. Строительный комитет возглавил протоиерей о. Михаил Холмогоров. По воспоминаниям современников, отец Михаил «вел дело с таким умением и любовью, что законченная кладка снаружи производила огромное впечатление своим внешним великолепием, красотой и прочностью»¹⁵. Значительную помощь настоятелю оказывал сотрудник пермской конторы Торгово-промышленного товарищества «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К⁰» Сергей Павлович Елтышев¹⁶.

Церковь была возведена в так называемом неомосковском стиле. Планировка традиционна: четверик основного храма, полукруглая двухъярусная апсида, трапезная с шатровой колокольней. С севера и юга к четверику примыкают приделы. Помимо центральной, световой главы, основной объем несет еще четыре главы и два ряда полукруглых кокошников, расположенных «вперебежку». Большие окна украшены наличниками, завершенными кокошниками. Приделы также завершаются тремя рядами кокошников «вперебежку» и главами со световыми барабанами. Полукруглая двухъярусная апсида с арочными про-

емами завершена небольшой главой. Здание построено из красного кирпича. В декоре фасадов использован местный белый камайский камень¹⁷.

По свидетельству очевидцев, церковь была богато украшена не только снаружи, но и внутри. «Иконы нового (большого) придела, именно в иконостасе его, очень хорошего письма в древнерусском стиле, близком к византийскому. Писаны они по образцам Васнецова в мастерской художника Харламова и под его ближайшим руководством, а две иконы (на боковых колоннах) – святого апостола Андрея Первозванного и Мученицы Александры-царицы – написаны самим Харламовым. Живопись икон весьма ценная и художественная: в ней гармонично соединены изящество, правильность и живопись красок с верностью древнеправославным «подлинникам» изображения священных ликов. Весь иконостас, резьба его, отделка и стиль весьма изящны и близки к древнерусским иконостасам, что как нельзя более гармонирует стилю иконной живописи школы художника Васнецова», – вспоминал А. А. Кичигин¹⁸.

Строительство храма-памятника обошлось его устройтелю в 120 тысяч рублей. Кроме того, А. Г. Кузнецов завещал дополнительно 10 тысяч рублей на содержание церкви¹⁹. Работы по росписи, выполненные академиком живописи Н. Н. Харламовым и его учениками, оплатило Торгово-промышленное товарищество «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К^о»²⁰.

Но, к сожалению, из-за внезапной смерти заказчика строительные работы затянулись. «Я, братие, – отмечал настоятель храма о. Иоанн Бирилов, – вошел в труд покойного отца Михаила Холмогорова, моего предшественника, который оставил мне начатую постройку сего святого храма... Доводилось иногда слышать, что постройка храма идет медленно. Но это зависело, во-первых, от того, что незачем было спешить. Отправлять Богослужение было где, тесноту мы редко испытывали. Во-вторых, иное нужно было, во избежание ошибок, несколько раз обсудить, например, переустройство отопления, наем живописцев и прочее. В третьих, такова была воля наследников покойного Александра Григорьевича Кузнецова, принесшего свои богатые жертвы на сие священное дело. По их совету нужно было дело вести не спеша, но обдуманно...»²¹.

Первым 9 ноября 1903 года в новом храме освятили левый придел во имя Алексия, человека Божия. Торжество приурочили ко времени проходившей в городе Мининской ярмарке. По свидетельству очевидцев, «народу приехало отовсюду полно»²².

«Вечер накануне 9 ноября был ясный и тихий, – вспоминал участник церемонии освящения храма диакон Тихвинской церкви Александр Калашников, – незадолго до всенощного бдения новоустроенный Предтеченский храм осветился кольцами огня – фонарей и плошек. В морозном воздухе гулко пронесся первый удар колокола ко всенощной и понеслись широкою волною дорогие русскому сердцу призывные звуки благовеста. Затихающий город как бы снова ожил – храм наполнился молящимися. Взоры всех устремились к алтарю, перед которым был поставлен стол с приготовленными священными принадлежностями алтаря, покрытый белой прозрачной пеленою. Перед столом на аналое – икона Святого Алексия, человека Божия. На солее перед иконой Спасителя, под воздухом и звездицей на дискосе антиминос, перед ним Неугасимая. Вышли священнослужители в богатой, блестящей ризнице и разместились перед аналоем: первостоятельствующий протоиерей Иоанн Луканин, настоятель храма Иоанн Бирилов, его сын Александр, священники из других храмов: Покровский, Успенский, Красноперов и Коровин, а также диаконы: соборный – Дубровский, из Тихвинского храма – Калашников и из данного храма – Лебедев»²³.

Торжественное освящение окончилось молебном с провозглашением обычных «многие лета» и вечной памяти рабу Божию Алексею и его сродникам.

Через несколько дней, 16 ноября 1903 года, протоиерей Иоанн Луканин освятил в церкви правый придел во имя святителя Николая, Мирликийского Чудотворца. Главный храм, устроенный в память Усекновения главы Иоанна Предтечи, был освящен 20 июня 1904 года.

Накануне, 19 июня, около 2 часов дня, в Кунгур для участия в церемонии освящения храма на пароходе прибыли Преосвященнейшие Иоанн и Павел. При громадном стечении народа и торжественном колокольном звоне Владыки, побывав и помолвившись в соборе, проследовали на отведенные им квартиры.

Вечером того же дня Владыки совершили всенощное бдение. На следующий день состоялось освящение и была отслууже-

на Божественная литургия. По окончании литургии и молебна Архипастыри «удостоили своим присутствием» торжественный обед в их честь, устроенный в особняке Кузнецовых. На обед также были приглашены городская знать и члены строительного комитета²⁴.

Работы в храме продолжались и в последующие годы. Полное освящение храма, производившего неизгладимое впечатление на кунгуряков и гостей города, состоялось лишь 20 августа 1917 года²⁵.

Иоанно-Предтеченская церковь была закрыта 9 января 1931 года. В течение многих лет в ней находились производственные помещения ИТК-30. 1 августа 1990 года храм был возвращен верующим.

-
1. *Золотов Е. Д.* История храмов Кунгура. Рукопись. ККМ. ОФ 6122/51 д-5464. С. 111.
 2. *Ренева О. А.* Почивай мирно под сводами тобой воздвигнутого храма // *Добрый день*. 2007. 22 ноября.
 3. *Золотов Е. Д.* Указ. соч. С. 114.
 4. Там же. С. 115.
 5. Там же. С. 116.
 6. Там же.
 7. *Ренева О. А.* Н. А. Воскресенский – первый городской архитектор Кунгура и его последователи // Роль музея в жизни провинциального города. Историко-культурное наследие и природный комплекс Кунгурского края. – Кунгур, 1999. – С. 66.
 8. *Золотов Е. Д.* Указ. соч. С. 118.
 9. *Шишонко В. Н.* Пермская летопись. Пятый период. Часть вторая. – Пермь, 1887. С. 340.
 10. *Золотов Е. Д.* Указ. соч. С. 119.
 11. *Летихина З. Я.* Проторить дорогу к Храму может каждый // *Искра*. 1994. 23 июня.
 12. *Субботина С.* Иоанно-Предтеченская церковь // *Искра*. 1993. 14 сент.
 13. ПЕВ. Пермь, 1886. С. 251.
 14. *Золотов Е. Д.* Указ. соч. С. 120.
 15. *Летихина З. Я.* Православный Кунгур. – Пермь: Энтер-профи, 1999. – С. 131.
 16. *Ренева О. А.* Почивай мирно под сводами тобой воздвигнутого храма // *Добрый день*. 2007. 22 ноября.
 17. *Кашихин Л. С., Перескоков Л. В.* Храм и люди // *Искра*. 1990.

18. Там же.
19. *Лепихина З. Я.* Православный Кунгур. – Пермь: Энтер-профи, 1999. С. 100.
20. *Ренева О. А.* Почивай мирно под сводами тобой воздвигнутого храма // *Добрый день.* 2007. 22 ноября.
21. *Лепихина З. Я.* Указ. соч.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. *Ренева О. А.* Бессмертие красоты и памяти. – Кунгур, 1999. С. 18.

КУЗНЕЦОВСКИЙ ДВОРЕЦ

Так некогда называли кунгуряки особняк зятя чайного магната, потомственного почетного гражданина Г. К. Кузнецова, на Киттарской улице (современный адрес – ул. Карла Маркса, 27).

Усадьба именитого купца, ограниченная Киттарской, Хлебниковской, Успенской и Андреевской улицами, была одной из крупнейших в городе. В первой четверти XIX века владельцем этой территории был кунгурский купец-кожевник Егор Павлович Кузнецов (1762–1847)¹.

В 1850-х годах внук купца, Григорий Кириллович Кузнецов, построил на унаследованной усадьбе, на углу Киттарской и Андреевской улиц, одноэтажный каменный особняк в стиле русский классицизм.

Этот дом, известный в Кунгуре как «дом с мезонином» и «особняк Ковалевой», отличали зрелость и соразмерность форм и декора. Здание целиком повторяло схему мезонинного особняка с тремя окнами в центральной части и двумя – с краев. Мезонин был завершен карнизом с квадратными украшениями. Фронтон с полукруглым окном обрамлен рельефным узором-рустовкой. Балкон появился позднее. Очевидно, его позаимствовали с другой постройки аналогичного типа. Окна первого этажа были строго прямоугольны. Перемычки между ними украшала рустовка с мощными центральными замковыми камнями. Окна выделялись на ровной глади стен и придавали зданию подчеркнутую значительность.

В 1863 году на другом конце усадьбы, на углу Киттарской и Хлебниковской улиц, началось строительство еще более величе-

ственного, небывалого по кунгурским меркам, особняка. Проект здания разработал пермский архитектор Н. Н. Черницкий.

Кузнецовский дворец возведен в стиле позднего русского классицизма. Здание одноэтажное, с мезонином над центральной частью. Общая длина дома – 54,6 метра. Ширина – 30 метров. Главный фасад имеет пятичастное деление. Парадный вход, предназначенный для хозяев и их гостей, выделен портиком с балконом над ним на уровне второго этажа. Двухэтажная центральная часть особняка завершена парапетом, имеющим богатую обработку. Стены завершены сильно выступающим карнизом. Несколько выдвинутый вперед цокольный этаж отделен от основного двойной тягой. Полуциркульные окна имеют профилированные наличники с замковыми камнями над окнами угловых частей здания. Членение фасада подчеркнуто пилястрами. На фигурном фронтоне до сих пор сохранилось изображение геральдического щита, увенчанного короной.

К 1870 году, когда все строительные работы были завершены, особняк Г. К. Кузнецова по праву стал одним из символов купеческого Кунгура. В нем часто останавливались приезжавшие в город именитые гости. Так, например, 9 июля 1873 года в Кузнецовском дворце принимали Великого князя Алексея Александровича, возвращавшегося из кругосветного путешествия в Санкт-Петербург².

Особняк был одним из самых дорогостоящих зданий города. В 1889 году он оценивался в 25 тысяч рублей³. Интерьеры дома украшали живописные полотна, мраморная скульптура, а также коллекция старинного оружия⁴.

Еще одной достопримечательностью был великолепный зимний сад, в котором росли пальмы и другие диковинные растения. Украшением усадьбы было озеро с плавающими лебедями. За мостиком, перекинутым через озеро, был прекрасный сад, где, по воспоминаниям очевидцев, любил отдыхать купец.

Но, к сожалению, к концу XIX века кузнецовское озеро стало постепенно засоряться. Воспользовавшись тем, что водоем, пересекая Андреевскую улицу, заходил и на соседний квартал, местные жители приспособили его для хозяйственных нужд. Кожевники вымачивали в нем дубленые кожи. Отсюда же кунгуряки брали воду для полива огородов и мытья полов. И постепенно водоем с некогда чистой водой стал известен как «Пога-

ное озеро»⁵.

В начале XX века кузнецовский особняк пустовал. Наследники скончавшегося в 1897 году Г. К. Кузнецова жили в основном за границей. Кунгурская Городская Управа попыталась взять этот дом в аренду для размещения в нем реального училища. Но владелица особняка, Анна Ивановна Кузнецова, «не нашла возможным» уступить здание городу⁶.

После Октябрьской революции в просторных парадных помещениях особняка проводились всевозможные собрания. В 1918 году сюда были перевезены экспонаты городского музея.

В 1920-е годы особняк Г. К. Кузнецова находился на учете в Главнауке как памятник старины. В 1925 году, после проведенного крупномасштабного ремонта, в здании разместились окрисполком, окроно, окрздрав, собес, ряд других учреждений. Затем, с 1956 по 2005 год, здесь находились управление внутренних дел и городская прокуратура. В настоящее время бывший купеческий особняк занимают Управление городского хозяйства, Управление гражданской защиты, муниципальное предприятие «Служба единого заказчика ЖКХ», управляющая компания «Кунгур-центр». В мезонине находится отделение ФСБ по г. Кунгуру. В цокольном этаже здания размещаются медицинский вытрезвитель и следственный изолятор.

Кузнецовскому «дому с мезонином» повезло меньше. После революции это здание также было национализировано. Его занимали различные учреждения и организации. Долгое время в нем находилось ЖКО машиностроительного завода.

В середине 1990-х годов особняк был передан в ведение городской прокуратуры. Началась его реконструкция. Из-за ветхости была разобрана крыша, убраны полы и потолки, демонтированы оконные рамы и двери. Но из-за отсутствия финансирования работы остановились. Сегодня от красивого старинного особняка остались одни руины...

1. КГА. Ф. 585. Оп. 1. Д. 92. Л. 105.

2. Журналы Кунгурского Уездного Земского собрания на 1873 год. – Вятка: Печатня А. А. Красовского, 1874. С. 528.

3. Именной список домовладельцам г. Кунгура с показанием ценности и доходности их недвижимых имуществ. ККМ. ОФ № 6122/14 д-5430. С. 61.

4. Ренева О. А. Наследие купцов Кузнецовых // Добрый день. 2006. 29 июня.
5. Там же.
6. Журналы Кунгурской Городской Думы за 2-ю половину 1907 года. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1909. С. 185.

ДАЧНЫЙ ДОМ

Общеизвестно, что дома, как и люди, имеют свое лицо и свой нрав. Неповторимый облик есть и у дома № 2 по улице Прорывной, более известного кунгурякам как «старый клуб».

Высокое двухэтажное здание из красного кирпича было построено в 1893 году. Расположенное в городском сосновом бору, оно предназначалось под дачу Елизаветинской рукодельной школы. Затраты на строительство – 40 тысяч рублей – принял на себя почетный попечитель заведения А. Г. Кузнецов¹.

По свидетельству очевидцев, воспитанницы Елизаветинского приюта жили в «дачном доме» в летний период. Сама жизнь на даче, вдали от пыльного и шумного города, «кроме укрепления здоровья и пользования отдыхом и чистым свежим воздухом, вносила некоторое разнообразие в жизнь закрытого заведения»².

Помимо повседневных занятий по дому, девочки учились печь хлеб, доить коров, обрабатывать огород. В свободное время для них устраивались игры на открытом воздухе с кеглями, мячами, в крокет, серсо.

«После майских экзаменов, – вспоминала Татьяна Ивайлова (Кривоусова), бывшая воспитанница приюта, – переезжали на дачу. За лето должны были связать чулки (по 2 пары себе и маленькой), сшить по 2 рубашки, по 2 фартука, по 2 платья и по 2 нижних юбки. Остальное время – для гуляния. Около нашей дачи было два сада. В большой нас водили, когда поспеет земляника. Ходили в лес, собирали грибы и ягоды. Грибы отдавали на кухню, там их солили, а потом из них стряпали нам пироги. Ягоды мы съедали сами. Когда жили на даче, у нас были дежурства в столовой, в спальнях, на кухне, в прачечной стирали белье и гладили. Пололи и поливали гряды, доили коров, у нас их было 4»³.

В начале 1920-х годов бывшую дачу муниципализировали. В 1923 году ее, по ходатайству Пермской железной дороги, передали в аренду сроком на двенадцать лет «для капитального переоборудования под клубное здание». Рядом с клубом железнодорожники построили летнюю эстраду с танцевальной площадкой⁴. Позднее здесь же был установлен памятник «вождю всех народов» И. В. Сталину⁵.

Новому клубу было присвоено имя «товарища Кузнецова»⁶. В учреждении начала работу библиотека. Были организованы духовой оркестр, хор, театральные кружки и другие творческие коллективы.

Сохранились сведения, что в 1924 году домовладение было застраховано Госстрахом. Однако, по-видимому, содержалось здание далеко не лучшим образом. Поэтому в последующие годы его неоднократно обследовали различные комиссии. «Бревенчатая часть здания (изначально центральная часть дома была деревянной – С. М.) – зал, балконы. Кирпичные стены намокли. Деревянное здание непригодно для театра», – читаем в акте, датированном 1928 годом⁷.

В начале 1930-х годов в здании клуба были временно поселены 70 рабочих землекопов (так называемых грабарей), приехавших в Кунгур на строительство стадиона железнодорожников. Разместились они «в общих этажах каменной части» дома. «Вдоль стен, – отмечали очевидцы, – топчаны, железные печи. Тут же, около печей, колка дров. Производится ремонт зимних экипажей (саней). Кухня и коридоры заняты мешками с овсом и мукой. Рамы вставлены небрежно, стекла побиты, везде грязь и мусор, вокруг дома разлиты помои. Все помещения (за исключением библиотеки) производят впечатление бесхозяйственности, запущенности, что приводит к порче, разрушению здания»⁸.

В середине 1930-х годов в клубе произошел сильный пожар. Выгорела вся центральная (деревянная) часть дома. Приводя здание в порядок, впоследствии возвели две капитальные стены по периметру пострадавшей части. Однако по каким-то причинам дальнейшие работы были приостановлены. И в таком виде дом оставался вплоть до 1976 года, когда в ходе капитального ремонта срединная часть здания наконец-то была достроена. Кроме того, в этот период к дому провели все необходимые коммуникации: отопление, канализацию, водопровод.

В 1951 году дистанция гражданских сооружений станции Кунгур в связи с вводом в эксплуатацию нового здания клуба железнодорожников, построенного по типовому проекту, передала бывший «дачный дом» Горжилуправлению. Вероятно, с тех пор за ним и закрепилось название «старый клуб».

За свою более чем полувековую историю нахождения в жилищном фонде города этот некогда великолепный дом стал своеобразным «родовым гнездом» Чупиным, Мушкаловым, Шляпиным, Дорониным, Бурдиным, Лекомцевым, Сухаревым, Скорняковым и многим другим кунгурским семьям.

-
1. *Семенов В. Л.* А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 73.
 2. Отчет Кунгурской Елисаветинской рукодельной школы за 1900 год. – Кунгур: Типография М. Ф. Летунова, 1901. С. 20.
 3. ККМ ОФ 7644. С. 26–27.
 4. *Михайлова Л. Г.* Дачный дом // Искра. 2005. 3 сентября.
 5. *Алтухин С. А.* Реестр мемориальных памятников города Кунгура // Грибушинские чтения – 2004. Современный музей в контексте культурно-экологического пространства региона. Опыт. Проблемы. Возможности. – Кунгур, 2004. С. 160.
 6. Кунгурский округ Уральской области. – Пермь, Кунгур, 1925. С. 151.
 7. *Михайлова Л. Г.* Указ. соч.
 8. Там же.

КУНГУРСКОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ

В 1918 году основанная А. С. Губкиным Елисаветинская рукодельная школа была закрыта. В национализированном здании приюта разместился детский дом.

В сентябре 1920 года на базе художественной студии и мастерских бывшей рукодельной школы были открыты Высшие государственные художественно-технические мастерские. Большой вклад в их создание внес выпускник Строгановского училища П. И. Субботин-Пермяк, вернувшийся в Прикамье в качестве уполномоченного ИЗО наркомпроса¹.

Учащихся распределили по индивидуальным мастерским. В станковой живописной мастерской занятия проводил Г. А. Мелентьев, в общей живописной подготовительной – Н. А. Глазы-

рин, в декоративной – А. В. Скрипов, в керамической, столярной и гончарной – Г. П. Бученков. Чуть позднее были открыты еще несколько отделений: текстильное, художественного шитья, швейное, трикотажно-чулочное. В 1921 году, по свидетельству очевидцев, в мастерских на 69 учащихся приходилось 65 преподавателей, мастеров и обслуживающегося персонала ².

Новое учебное заведение с самого начала столкнулось с многочисленными трудностями. Недостаток ощущался практически во всем. Средств на содержание, несмотря на утвержденную смету, почти не поступало. «Вся техническая работа по оборудованию, без всякой оплаты, исполнялась собственными силами, только в надежде воздвигнуть для себя новый алтарь знаний, на что терялось то дорогое время, которое бы следовало использовать на прямые цели», – отмечал в своем докладе уполномоченный мастерских Ю. И. Дравин ³.

Из-за недостатка средств в мастерских не было ни воды, ни дров. Учащиеся и служащие стали попросту голодать. Многие из них в связи с этим покинули заведение.

В 1922 году мастерские были преобразованы в Кунгурский художественный техникум. Из 400 человек, пожелавших обучаться в новом учебном заведении, отобрали почти половину. Начались занятия в классах: ткацком, белوشвейном, рукодельном, трикотажном, столярном и рисования. Однако отпускаемых средств не хватало даже на оплату труда. Все это привело к тому, что в 1924 году техникум был закрыт ⁴. Здание передали под клуб кожевников ⁵.

В 1926 году здесь начал работу Кунгурский педагогический техникум. «Принимая во внимание то, что развертывание школьной сети при осуществлении всеобщего обучения и ликвидации неграмотности потребует ежегодного добавления педагогов до 80 человек, и что существующие на Урале педтехникумы в состоянии удовлетворить лишь в размере 20–25 процентов ... считать крайне необходимым открытие в округе педагогического техникума», – отмечалось в заключении Кунгурского округа ⁶.

Техникум подчинялся УралОНО и финансировался из областного бюджета. Срок обучения был рассчитан на три года. На первый курс принимались лица, окончившие семилетку или школу крестьянской молодежи. Учебное заведение имело обще-

житие на 40 человек, оборудованное в основном корпусе, и столовую, где кормили «по удешевленным ценам»⁷.

Директором техникума был назначен Василий Александрович Белавин. Вместе с ним здесь работали Т. С. Овчинников, В. П. Удинцева, Н. И. Бирилова, М. В. Максимова, Н. С. Назаров, А. И. Морозов, В. Н. Бирюков, И. В. Манохин, Г. А. Мелентьев, А. С. Брандис, В. Г. Шляпников⁸.

Первый учебный год начался 30 сентября 1926 года. На двух отделениях – дошкольном и школьном – обучалось 64 человека, в том числе – 24 комсомольца. 55 студентов были стипендиатами. Областную стипендию, составлявшую 12 рублей 50 копеек, получало 45 человек, окружную – в размере 10 рублей – 10⁹.

В 1929 году педтехникум сделал свой первый выпуск. Аттестаты об окончании учебного заведения с присвоением звания «учитель начальных классов» получали 23 молодых преподавателя.

По воспоминаниям очевидцев, студенты тех лет проводили большую общественную работу среди населения города и окрестных деревень. Так, например, зимой 1929–1930 учебного года более 100 человек были ликвидаторами неграмотности. Кроме того, они проводили разнообразные беседы и лекции, выступали с номерами художественной самодеятельности¹⁰.

«Тогда было плохо учиться, – вспоминал Константин Георгиевич Пысин, выпускник 1930 года, впоследствии заместитель председателя Совета министров РСФСР. – Да, плохо было с одеждой, обувью и пищей. Наши учителя помогали нам переносить материальные невзгоды, и было легче. Находили время прирабатывать к мизерной стипендии. Грузили вагоны, выкатывали лес с реки...»¹¹.

В 1936 году педтехникум был преобразован в Кунгурское педагогическое училище. В связи с этим в учреждении произошел ряд изменений. Было закрыто дошкольное, но открылось заочное отделение.

«Годы эти были для нашей страны трудными, – вспоминал выпускник 1938 года Я. С. Рожков. – Учебников почти не было. После занятий собирались в училище и вместе учили уроки. Жили весело. Запомнились спектакли, которые ставили учащиеся вместе с учителями каждый месяц»¹².

В 1939–1940 гг. училищу пришлось временно, на период войны с Финляндией, оставить свое здание. Занятия проходили в здании машиностроительного техникума. Общежитие было оборудовано в здании швейной фабрики.

В годы Великой Отечественной войны в комплексе бывшей рукодельной школы находились эвакогоспитали № 1718 и № 5935. Студенты в этот период занимались в деревянном здании во дворе школы № 11¹³.

В свое здание педучилище вернулось в сентябре 1945 года. «Трудное было время, – вспоминала студентка тех лет Е. С. Полыгалова. – Не забыты нами длинные столы, чурбаки и доски, на которых мы сидели первый год. Многого не было, многого не хватало. Но было главное – желание учиться, отдавать силы любимому делу»¹⁴.

Между тем, требования к качеству подготовки преподавателей с каждым годом росли. Поэтому в 1947 году обучение в училище стало четырехгодичным. Кроме того, был сделан переход на семестры, введены переводные экзамены по окончании учебного года. Принимать на учебу стали лишь лиц, имеющих 7 классов образования, а после перехода школ на обязательное восьмилетнее образование – 8 классов.

В 1950 году состоялся первый выпуск студентов дневного и заочного отделений с четырехгодичным обучением. Вместо аттестатов 84 выпускника получили дипломы. По распределению 20 выпускников этого года поехали в школы Дальнего Востока.

А в 1954 году состоялся Всесоюзный выпуск учителей начальных классов, направленных для обучения детей русскому языку в школы союзных республик. В этом же году в учебном заведении начался прием абитуриентов на базе 10 классов.

В 1966 году в педучилище после длительного перерыва вновь открылось дошкольное отделение. Первый выпуск воспитателей детского сада состоялся в 1969 году.

В 1975 году было построено благоустроенное общежитие на 360 мест. В 1982–1989 годах ему шесть раз присуждалось звание «Лучшее студенческое общежитие Пермской области».

23 июля 1976 года за достигнутые успехи в подготовке педагогических кадров Кунгурское педагогическое училище было награждено Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

В 1988 году был введен в эксплуатацию пристрой к зданию училища. В нем разместились новый спортивный зал и семь классных комнат. Занятия стали проходить в одну смену.

В 1990–1993 годах функционировал филиал учебного заведения в г. Лысьва, где было подготовлено 182 специалиста. В 1992 году при педучилище открылся первый в городе гимназический класс.

В 1991 году с целью социальной защиты выпускников в училище были введены дополнительные специализации. На школьном отделении: учитель русского языка и литературы в 3–6 классах, учитель математики в 5–6 классах, педагог дополнительного образования (ИЗО), организатор детского коллектива, учитель музыки в начальной школе, педагог-эколог, учитель в системе развивающего обучения, учитель-воспитатель комплекса «детский сад – школа». На дошкольном – воспитатель логопедической группы, руководитель ИЗО, руководитель физвоспитания, руководитель ритмики, музыкальный руководитель в дошкольном учреждении. В 1998 году на школьном отделении появилась подготовка в области иностранного языка.

В 2001 году на базе училища был открыт филиал Пермского государственного педагогического университета. Обучение ведется на трех факультетах: «Дошкольная педагогика и психология», «Педагогика и методика начального образования», «Русский язык и литература».

С 2003 года педучилище готовит педагогов по специальностям: математика, русский язык и литература, иностранный язык, дошкольное образование, преподавание в начальной школе.

В 2006 году Кунгурское педагогическое училище отметило свое 80-летие. За эти годы путевку в жизнь получили 11748 специалистов. Среди выпускников – 17 докторов и кандидатов наук, 30 заслуженных учителей, 7 заслуженных работников культуры Российской Федерации.

Сегодня училище представляет собой динамично развивающееся учебное заведение. Выстояв в сложное время перемен, его слаженный, творческий коллектив по-прежнему выполняет свое главное предназначение – подготовку квалифицированных педагогических кадров для образовательных учреждений Пермского края.

-
1. *Казаринова Н. В.* Петр Иванович Субботин-Пермяк: Судьба и время // Художник Петр Субботин-Пермяк. – Пермь: Маматов, 2006. С. 12.
 2. *Семянников В. В.* Высшие художественные мастерские в Кунгуре // Грибушины и время. – Кунгур, 2000. С. 29.
 3. Там же. С. 29–30.
 4. Там же. С. 30.
 5. Кунгурский округ Уральской области. – Пермь, Кунгур, 1925. С. 151.
 6. *Летихина З. Я.* Год за годом // Искра. 1981. 4 апреля.
 7. *Голованов Б. П.* История развития народного образования в Кунгурском уезде, Кунгурском округе, Кунгурском районе и в г. Кунгуре. Научный архив ККМ. Д. 384. Л. 51.
 8. Там же.
 9. Там же.
 10. Там же.
 11. *Шилов В.* Кунгурское педагогическое // Звезда. 1966. 26 марта.
 12. История Кунгурского педагогического училища 1967–1976. Т. 2. Архив музея Кунгурского педагогического училища. С. 26.
 13. Буклет «70 лет Кунгурскому педагогическому училищу». – Кунгур, 1996. С. 2.
 14. История Кунгурского педагогического... С. 21.

КУЗНИЦА КАДРОВ

В годы Советской власти Губкинское Техническое училище претерпело серьезные изменения, которые коснулись различных сторон его деятельности.

В 1921 году Губкинское училище было преобразовано в Кунгурский механический техникум. Первым заведующим стал инженер-технолог В. А. Бородин, бывший преподаватель училища. На его плечи легла забота о возрождении учебного заведения в крайне тяжелых условиях. Не было средств на отопление, не хватало учебников...

В октябре 1922 года в техникуме была создана комсомольская организация. Комсомольцы активно работали в обществе «Долой неграмотность!», помогали ликвидировать детскую неграмотность, первыми в городе взяли шефство над пионерским отрядом школы второй ступени (ныне – школа № 10), в составе

молодежного отделения ЧОНа боролись с «остатками» внутренней контрреволюции.

Летом 1926 года комсомольцы техникума организовали первый в районе загородный пионерский лагерь. Кроме того, ими была создана комсомольская бригада помощи крестьянам, оказавшая содействие в открытии Полетаевского машинного товарищества.

Значительное развитие в этот период получила в учебном заведении художественная самодеятельность. В техникуме работали духовой оркестр, драматический кружок, агитбригада, выходила собственная стенная газета «Кузница». Кроме того, проводились различные спортивные соревнования, физкультурные праздники. Футболисты техникума играли на равных с сильнейшими командами города ¹.

В феврале 1928 года механический техникум был преобразован в машиностроительный. В связи с этим существенно изменился состав учащихся. В их числе впервые появились девушки.

В техникум после подготовительных курсов пришло первое пополнение рабочих. «Учащихся зачисляли без вступительных экзаменов, – вспоминал Павел Федорович Скворцов. – Это отступление от правил приема диктовалось конкретной исторической обстановкой. Результаты первого урока математики были плачевными, три четверти зачисленных не имели элементарных знаний по арифметике. Проверка знаний по русскому языку показала худшие результаты.

Тогда руководство техникума и партийная организация приняли такое решение: время занятий увеличить, установить вечерние занятия с пяти до девяти часов. Это позволило в течение трех месяцев пройти учебную программу по математике и русскому языку в объеме семилетки» ².

В начале 1930-х годов, в связи с увеличением финансирования, началась перестройка материально-технической базы техникума. Был капитально отремонтирован учебный корпус, реконструированы учебно-производственные мастерские, переоборудованы все кабинеты и лаборатории.

«На первом курсе, – вспоминал об учебном процессе тех лет Борис Федорович Федоров, выпускник 1930 года, – мы изучали столярное и кузнечное дело, формовку и литье, причем все зна-

ния закреплялись практически. В мастерских мы формировали модели, изготавливали утюги, ключи, тисочки. На II и III курсах учащиеся работали токарями, строгальщиками, шлифовщиками; на четвертом – сборщиками станков, нормировщиками. Мы получали много практических знаний и многое сделали своими руками.

У нас был сплоченный коллектив. Помню, как однажды поздним вечером мы строем пошли на станцию разгружать скопившиеся здесь «красные обозы» с зерном. Всю ночь под сильным дождем мы таскали длинные крестьянские мешки. Устали так, что чуть не валились с ног, а все-таки к техникуму вернулись с песней»³.

В октябре 1931 года учебно-производственные мастерские техникума были выделены в самостоятельное предприятие и преобразованы в Кунгурскую механическую школу-завод. А техникум стал кузницей кадров. В 1934 году в нем было открыто литейное, а в 1935 году – чугунно-литейное отделение. С 1936 года учебное заведение начало готовить специалистов по холодной обработке металлов резанием, а с 1937 года – по производству и монтажу металлических конструкций⁴.

В 1941 году, в первый месяц войны, здание техникума было передано под военный госпиталь. Занятия продолжались в семи комнатах общежития. В условиях военного времени обучение не прекращалось ни на один день. За эти суровые годы дипломы технологов, механиков, конструкторов получили 59 человек.

Послевоенный период начался с восстановления учебно-материальной базы. В двух кабинетах цокольного этажа разместили механические мастерские. Рядом с ними оборудовали кузницу.

В августе 1950 года учебное заведение было передано в ведение Министерства нефтяной промышленности СССР и с 13 сентября того же года переименовано в Кунгурский нефтяной техникум. Целевое финансирование министерства позволило обновить в аудиториях мебель и инвентарь, восстановить все имевшиеся ранее кабинеты, оборудовать новые: инструментального дела, технологии металлов, автотракторный, испытания материалов, технологии машиностроения; приобрести современное оборудование для мастерских. Кроме того, техникум получил семь грузовых и две легковые автомашины, два трактора

С-80, комплект оборудования радиоузла, кинопроектор, а также два пианино, по два комплекта духовых и народных инструментов, пять баянов, необходимый спортивный инвентарь⁵.

1950-е годы ознаменовались открытием в техникуме новых отделений. В 1950 году начало функционировать отделение «эксплуатация автотранспорта». В 1952-м – «оборудование нефтеперерабатывающих заводов» и «эксплуатация и ремонт автомобилей и тракторов». В 1953 году было открыто планово-экономическое отделение, в 1954-м – «обработка металлов резанием». В 1959 году появились «монтаж и ремонт металлообрабатывающих станков и автоматических линий» и «техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта», а в 1960-м – «контрольно-измерительные приборы и регулирующие устройства»⁶.

С 15 сентября 1960 года учебное заведение было преобразовано в Кунгурский автомеханический техникум. В этот период к основному зданию добавили двухэтажный пристрой площадью 289 кв. м. В нем разместили слесарный, сварочный, малярный участки и мастерские КИПа.

В 1961 году техникум впервые представил свои изделия на Выставке достижений народного хозяйства в Москве, а в дальнейшем стал постоянным участником ВДНХ. Выставленные работы получили 12 дипломов I, II, III степени, а преподаватели и учащиеся завоевали медали, в том числе – 1 золотую, 7 серебряных, 36 бронзовых, 40 медалей «Юный участник ВДНХ»⁷.

В 1963 году одним из первых среди средних специальных заведений страны за хорошую постановку спортивно-массовой работы коллектив физкультуры техникума был реорганизован в спортивный клуб «Техник». В течение многих лет выпускники клуба не имели равных себе на различного рода соревнованиях по лыжным гонкам, легкой атлетике и зимнему многоборью. Неоднократно были победителями городских и областных эстафет.

В августе 1965 года техникум вновь был переименован в машиностроительный и передан в подчинение Совнархоза Западно-Уральского экономического района. Через полтора года, 28 февраля 1967 года, техникум был переведен в ведение Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР и преобразован в автомеханический. 29 апреля 1971 года учеб-

ное заведение переименовано в Кунгурский автотранспортный техникум⁸.

В 1977 году за достигнутые успехи в подготовке специалистов для народного хозяйства и в связи со 100-летием техникум был награжден орденом «Знак Почета».

С 1977 года в учебном заведении начали готовить специалистов по планированию на автомобильном транспорте. В 1979 году здесь были открыты отделения «техническое обслуживание и ремонт автомобилей и двигателей» и «организация перевозок и управление движением на автомобильном транспорте».

25 августа 1992 года приказом Российского государственного автотранспортного концерна Росавтотранс техникум был преобразован в автотранспортный колледж.

За свою 130-летнюю историю Федеральное государственное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Кунгурский автотранспортный колледж» прошло большой и славный путь. Сегодня колледж – одно из крупнейших и динамично развивающихся средних специальных учебных заведений страны. Хочется верить, что зенит его творческого взлета и славы еще впереди.

-
1. *Одегов В. В.* Спортклубу «Техник» – 40 лет // Искра. 2003. 22 ноября.
 2. *Варзаков В. Н.* Кунгурская школа автотехников. – Пермь: Кн. изд-во, 1978. С. 50.
 3. Там же. С. 51–52.
 4. Колледж, один из старейших на Урале, был и остается – престижным // Искра. 2007. 21 июня.
 5. *Варзаков В. Н.* Указ. соч. С. 60.
 6. Колледж, один из старейших...
 7. Автотранспортному колледжу 120 лет // Искра. 1997. 5 июня.
 8. Колледж, один из старейших...

МАШЗАВОД. ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

С учебных мастерских Губкинского Технического училища ведет свою историю и крупнейшее предприятие города – Кунгурский машиностроительный завод.

Все начиналось с небольшого двухэтажного флигеля площадью всего 193 кв. сажени, пристроенного к главному зданию

училища. По свидетельству очевидцев, мастерские были хорошо оснащены различными станками и другим оборудованием как отечественного, так и зарубежного производства.

В период Гражданской войны мастерские были разграблены. Отступавшие колчаковцы демонтировали все наиболее ценное оборудование и вывезли его в Красноярск. Был снят даже коленчатый вал паровой машины ¹.

Возрождение мастерских началось лишь в 1923 году. Возглавил эту работу выпускник Губкинского училища Н. П. Тимшин. «Я принял разрушенные мастерские, – вспоминал Николай Петрович, – с общим штатом 13 человек при десятке разбитых станков по металлу, при кузнице в два горна с качалками и мехами и чугунолитейной мастерской с вагранкой устаревшей конструкции и деревянным консольным краном, при не работавшем из-за износа двигателе в 25 лошадиных сил» ².

Николаю Петровичу приходилось самому принимать заказы, готовить эскизы и чертежи деталей, начислять заработную плату. Особое внимание он уделял подбору квалифицированных кадров, реконструкции и техническому оснащению производственной базы.

По воспоминаниям Л. Д. Веретенникова, все рабочие были заинтересованы в восстановлении мастерских. Не было случая, чтобы кто-то отказался поработать после смены.

И постепенно производство оживило. Росли объемы ремонтных работ. Чинили механическое оборудование для заводов, сельскохозяйственные машины, нефтяные двигатели – с заменой изношенных чугунных и медных деталей на новые, собственной отливки. Наладили выпуск токарных и строгальных станков для обработки металла, оборудования для мельниц, маслобоен, лесопильных и кожевенных заведений. Изготавливали трансмиссии, ребристые трубы для водяного и парового отопления, всевозможное чугунное и медное литье ³. В мастерских изготовили и часть необходимого оборудования для строящейся первой в районе Полетаевской ГЭС.

Всего в 1923 году было выпущено продукции на 12 тысяч рублей. К концу года на предприятии работало около 60 человек ⁴.

В 1926 году мастерские были переведены на хозяйственный расчет и получали статус юридического лица. Между тем произ-

водственные площади предприятия оставались на прежнем уровне. Так, например, литейное отделение занимало 136 квадратных метров, кузнечное – 146.

Основу литейного производства составляла вагранка с внутренним диаметром 600 миллиметров. Ее производительность – полторы тонны чугуна в час. Колошниковая площадка была деревянной. Шихту на нее поднимали вручную по лестнице. Вручную проводили и разливку металла. Для этой операции использовали особые одноручные ковши емкостью до 30 кг и двуручные емкостью до 150 кг. Выплавка чугуна происходила раз в два-три дня. Для плавки бронзы применяли тигельный горн.

Кузница была оборудована четырьмя горнами, воздух к которым подавал центробежный вентилятор. К каждому кузнецу был прикреплен подручный – молотобоец.

В механическом отделении стояли различные станки как отечественного, так и иностранного производства. Оборудование приводил в действие электродвигатель при помощи трансмиссии и ременных передач ⁵.

К началу 1930-х годов предприятие, уверенно набиравшее обороты, стало все острее испытывать нехватку производственных площадей. Весной 1931 года было принято решение о расширении чугунолитейного и механического отделений.

Строительство новых заводских корпусов проходило в трудных условиях. Котлованы под фундаменты зданий копали вручную. Кирпич на строительную площадку возили на лошадях, а для кладки стен – подавали на носилках и заплечной козе.

16 октября 1931 года мастерские были переданы в ведение Уральского завода тяжелого машиностроения и реорганизованы в Кунгурскую механическую школу-завод. Основной задачей предприятия стала подготовка квалифицированных кадров для Уралмашзавода. Требовалось ежегодно обучать рабочим профессиям 700 человек. Производственный план составил три миллиона рублей. Норму выработки на одного списочного рабочего определили в 4500 рублей, на одного учащегося – 616 рублей ⁶.

Одним из центральных звеньев школы-завода стало литейное производство. В цехе, площадь которого после реконструкции увеличилась до 1030 кв. метров, была установлена вагранка, созданная заводскими специалистами. Ее высота от пода до ко-

лошниковой площадки составляла 5 метров, внутренний диаметр – 750 миллиметров. Воздух подавал центробежный вентилятор. Загрузка шихты производилась вручную. Производительность вагранки составляла 2,5 тонны чугуна в час.

В значительно расширенном после реконструкции механическом цехе было установлено 58 различных станков. Большинство из них – токарно-винторезные, от знаменитых «Щеплеев» и «Нортонов» до станков собственного производства⁷.

Школа-завод выполнила поставленные перед ней задачи. Для Уралмашзавода было подготовлено 1200 квалифицированных рабочих: литейщиков, токарей, слесарей. В январе 1933 года предприятие преобразовали в Кунгурский экскаваторный завод.

Переход на выпуск новой техники сопровождался значительными трудностями. Оборудование, необходимое для изготовления сложных деталей экскаватора, быстро изнашивалось. Не хватало фрезерных станков, а зуборезных и расточных не было совсем. Отсутствовали и мостовые краны. Тяжеловесные детали поднимали переносной талью или вручную. Вручную в то время на заводе рубили и листовой прокат.

Первый кунгурский экскаватор собрали в сентябре 1934 года. Это была неполноповоротная машина на гусеничном ходу с емкостью ковша 0,35 кубических метра. Позднее предприятие освоило выпуск других видов экскаваторов. Всего кунгуряками была изготовлена 291 машина⁸.

В 1929 году в Прикамье, в районе Верхнечусовских городков, была найдена первая на Урале нефть. Дальнейшие геолого-разведочные работы увенчались открытием крупных месторождений нефти в Татарии, Башкирии и Пермской области.

Освоение нового нефтяного района вызвало острую потребность в специальном оборудовании. В связи с этим несколько уральских заводов, в том числе и Кунгурский экскаваторный, было намечено перепрофилировать на выпуск нефтепромыслового оборудования.

20 мая 1939 года завод был передан в подчинение Главнефтемаша Народного комиссариата топливной промышленности и переименован в Кунгурский машиностроительный завод.

По воспоминаниям Л. Д. Веретенникова, предприятие в этот период имело механический, сборочный, литейный, модельный, кузнечный, ремонтно-механический цеха, инструментальный

участок, отдел капитального строительства и собственную электростанцию. Заводской транспорт составляли две пятитонные автомашины, две трехтонные, четыре полутонки, два трактора и ... одиннадцать лошадей. На заводе работало более 600 человек, в том числе 9 инженеров и 40 техников⁹.

Переход на выпуск оборудования для нефтяной промышленности снова потребовал перестройки всего производства. Были приобретены 20 новых металлорежущих станков. Значительно увеличились мощности заводской электростанции. В ней установили восстановленную паровую машину фирмы «Тэндем» (мощностью 1500 лошадиных сил) и два дизеля фирмы «Денц» (мощностью по 500 лошадиных сил), выписанных из Германии. Были введены в эксплуатацию новая заводская котельная с тремя котлами, насосная станция с системой водоочистки, гараж на 30 машин. В литейном цехе появился конвертер. К 1 мая 1941 года литейщики завода выплавляли первую сталь, которая полностью соответствовала техническим нормам.

К концу 1939 года заводчане выпустили два первых буровых агрегата РА-400 с насосными блоками. В следующем году был освоен выпуск агрегатов марки РА-800 и РА-1000. В первом полугодии 1941 года в номенклатуре предприятия появились буровой модернизированный станок РБ-400, грязевой насос НГ-4, ротор закрытого типа, глиномешалка к буровым станкам, вертлюг, газосъемные буровые станки «Микроротор». Но война внесла свои коррективы в планы завода.

В августе 1941 года предприятие получило первый военный заказ. Требовалось наладить выпуск стальных головок к осколочным авиабомбам. В короткий срок была проведена реорганизация производства. Завод перешел на двухсменную работу по 12 часов, без выходных. Инженерно-технический персонал и рабочие ряда цехов были переведены на казарменное положение¹⁰.

С сентября 1941 года на заводе началось производство стальной головки и сопла к снарядам для гвардейского миномета «Катюша». В корпусе сборочного цеха был организован второй механический цех, где выпускали противооткатное устройство («Салазки») для 76-миллиметровой пушки.

Осенью того же года в Кунгур стало поступать оборудование, эвакуированное с Новокраматорского, Одесского и Туап-

синского заводов. Станки установили в недостроенном корпусе механосборочного цеха, законсервированного еще в 1935 году. Работали под открытым небом. После смены рабочие помогали строителям возводить стены. Крышу закрыли только под Новый год. В начале 1942 года третий механический цех начал выпуск 120-миллиметровых мин.

В 1943 году, одновременно с выпуском военной продукции, завод начал производство турбобуров, паровых насосов, станков-качалок, тракторных подъемников и другого оборудования для нефтяных промыслов.

После войны предприятие снова полностью перешло на выпуск нефтяного оборудования. Большой удельный вес среди продукции завода стали занимать турбобуры и самоходные установки разведочного бурения. Лучшие образцы производимых агрегатов неоднократно экспонировались на различных выставках как в нашей стране, так и за рубежом.

Продукция предприятия пользовалась устойчивым спросом. Кунгурскую марку имели 95% турбобуров, выпускаемых в стране. Буровая техника завода экспортировалась в 57 стран.

После распада СССР основные потребители и поставщики комплектующих деталей оказались за границей. Практически прекратилось освоение новых месторождений, не обновлялись старые. В результате кунгурские турбобуры оказались невостребованными.

Сложившаяся ситуация вызывала тревогу. Были приняты срочные меры. Одним из путей выживания завода в те трудные времена стало создание нового оборудования и расширение номенклатуры.

Сегодня Кунгурский машиностроительный завод – самое крупное и динамично развивающееся предприятие города. Его продукция – буровые и ремонтные агрегаты, турбобуры и запасные части к ним – пользуется устойчивым спросом в Западной Сибири, Татарстане, Башкортостане и других регионах России. Увеличивается объем экспортных поставок в Узбекистан, Казахстан, Нигерию, Египет, Сирию, Македонию и другие страны.

Большое внимание уделяется изучению конъюнктуры рынка и тенденций развития оборудования. Стремясь стать лидером на рынке сбыта бурового и нефтепромыслового оборудования,

предприятие ведет индивидуальную работу с каждым потребителем.

В июле 2007 года Кунгурский машиностроительный завод отметил свое 130-летие. Подводя итоги, несколько перефразируем слова бывшего главного металлурга предприятия А. В. Подшивалкина:

Все было: бури, потрясения –
Завод работает, живет!

-
1. Мушкалов С. М. ...А он работает, живет. К 125-летию Кунгурского машиностроительного завода. – Пермь: Раритет-Пермь, 2002. С. 17.
 2. Там же. С. 17–18.
 3. Там же. С. 19.
 4. Там же.
 5. Там же. С. 21–22.
 6. Там же. С. 24.
 7. Там же. С. 24–25.
 8. Там же. С. 34.
 9. Там же.
 10. Там же. С. 40.

ГЛАВА 2. МОСКВА

НА РОЖДЕСТВЕНСКОМ БУЛЬВАРЕ

Рождественский бульвар – одна из десяти жемчужин знаменитого бульварного ожерелья столицы – получил свое название по улице Рождественке (которая в советское время на несколько десятилетий была переименована в улицу Жданова) и Рождественскому женскому монастырю, основанному в 1386 году и сохранившемся до наших дней.

На карте Москвы Рождественский бульвар появился в 1820-е годы. Застраивался в основном деревянными домами. Постепенно здесь сложился свой особый микромир. Так, по свидетельству писателя М. Н. Загоскина, на помятых газонах улицы спокойно расхаживали куры, гуси, индейки, порою можно было увидеть и жирную свинью с поросятами ¹.

Именно здесь, в самом центре столицы, на углу Рождественского бульвара и Малого Кисельного переулка, Алексей Семенович Губкин, перебравшийся в Первопрестольную, приобрел роскошный двухэтажный каменный особняк.

Дом этот – один из старейших на бульваре. Его возвели в 1794 году. Первой владелицей была княгиня А. М. Голицына. Затем усадьбу приобрел Александр Иванович Фонвизин, родной брат знаменитого драматурга, автора комедии «Недоросль» ².

Сохранились сведения, что в 1821 году в особняке Фонвизиных состоялся съезд «Союза благоденствия», членами которого состояли сыновья владельца, Иван и Михаил.

После подавления восстания декабристов И. А. Фонвизин жил под надзором полиции в своем подмосковном имении Марьино. Его брат, отставной генерал-майор М. А. Фонвизин, был сослан на каторгу в Сибирь. В декабре 1826 года он в числе большой партии осужденных проследовал через Кунгур ³. Вслед за ним отправилась его супруга Наталья, которую пушкиноведы считают одним из прототипов Татьяны Лариной, героини романа «Евгений Онегин» ⁴.

В 1869 году владельцем особняка стал К. Ф. фон Мекк. По инициативе его жены, Надежды Филаретовны, здание было перестроено по проекту А. Н. Стратилатова. В ходе реконструкции существенно изменились внутренние интерьеры. Располагав-

шиеся ранее симметрично к дому два флигеля, были соединены с ним. Кроме того, со стороны Малого Кисельного переулка был возведен еще один корпус⁵.

В таком вот обновленном виде и приобрел в 1881 году этот пятидесятикомнатный особняк именитый кунгурский чаеоторговец. По воспоминаниям современников, дом «был мощным и обширным, как крепость». Роскошный подъезд украшали резные двери, блестящие бронзой, а также фигуры двух львов⁶. Известно, что вместе с Алексеем Семеновичем в особняке поселилась и семья его внучки, Марии Григорьевны Ушковой.

За новое домовладение купец исправно платил налоги в городскую казну. В 1883 году, согласно окладной книге государственного налога Мясницкой части, особняк оценивался в 5644 рубля 78 копеек. Окладной сбор составил 78 рублей⁷.

В доме на Рождественском бульваре прошли последние два года жизни чайного магната. Здесь, в окружении родных и близких, он скончался 27 ноября 1883 года.

После смерти А. С. Губкина владелицей усадьбы стала Мария Григорьевна Ушкова. В 1891 году комплекс перешел в собственность ее мужа и детей. В начале XX века в доме, помимо жилых помещений, находился и большой оптовый склад виноградных вин из Флоры⁸.

Последней владелицей усадьбы значится Маргарита Эдуардовна Ушкова, супруга правнука именитого чаеоторговца⁹. В 1910 году она продала здание Дворянскому банку.

После революции домовладение было национализировано. Бывший купеческий особняк заняла сначала Рабоче-крестьянская инспекция. Затем в нем разместились райком партии и райисполком. Позднее комплекс передали Министерству рыбного хозяйства СССР. Правопреемник этого ведомства – Государственный комитет Российской Федерации по рыболовству – занимает это здание и по сей день.

1. <http://www.landshaft.ru/pub.php?id=612>.

2. <http://slovari.yandex.ru>.

3. Чернышов Г. П. «Во глубине сибирских руд...» // Искра. 1993. 20 апреля.

4. <http://www.internevod.com>.

5. Ренева О. А. Кунгурские страницы истории Москвы // Добрый день. 2007. 1 ноября.
6. Примаченко П. А. Продавец чая // Русский торгово-промышленный мир. – М.: Планета, 1993. С. 255.
7. Центральный государственный исторический архив. Ф. 179. Оп. 17. Д. 1337.
8. Ренева О. А. Указ. соч.
9. Сведения сообщены Ольгой Анатольевной Реновой.

МОСКОВСКАЯ ЧАЕРАЗВЕСОЧНАЯ

В середине 1880-х годов А. Г. Кузнецов приобрел в Москве, на Нижней Сыромятнической улице, напротив арматурного завода Гакенталя, необычное пятиэтажное здание с глухой торцовой стеной. После реконструкции в нем разместилась главная контора Торгово-промышленного товарищества, которая, по свидетельству очевидцев, выглядела как музей. На стендах были представлены основные моменты истории предприятия, портрет А. С. Губкина, фотографии рабочих и служащих ¹.

В этом же здании была оборудована и крупнейшая в стране чаеразвесочная фабрика. Один из этажей целиком занимала сортировочная. Здесь были установлены большой и малый барабаны для смешивания чаев, дробильная машина, а также сто пятьдесят прессов. Подготовленный продукт перемещали внутри здания на специальных тележках ².

Целый этаж фирма отвела и под развесочную, которая была оснащена тридцатью четырьмя длинными столами, сорока двумя большими весами, а также разнообразными гириями, медными и железными совками, молотками, ножницами. В этом же помещении стояли шкафы, ломберный столик и самовар ³.

Чай фасовали в бумажные пакеты, а также в чайницы: стеклянные, алюминиевые, из папье-маше. Самая большая упаковка весила один фунт (409 г), самая маленькая – два золотника (3,2 г). Качество чая проверялось в пробном отделении, где кроме стола находились барабан для смешивания чаев для заварки и весы марки «Фербенкс». Упакованный товар хранился изолированно по сортам в специально оборудованных для этого складах.

Помимо производственных, в здании было и немало различных служебных помещений: кабинет контролеров, архив,

швейцарская, столовая, комнаты эконома, кухарок, кочегара, сторожа, дворников...

Чаеразвесочная отвечала «всем требованиям гигиены». В здании имелись паровое отделение, водопровод, электрическая станция, слесарная и токарная мастерские, кузница. Все помещения освещались электрическими лампами, подвешенными под потолком. Чистоту воздуха обеспечивала вентиляция. Имелась собственная пожарная станция с пожарным экипажем, тремя рукавами и брандспойтом. Территорию фабрики, площадь которой составляла 3324 кв. сажени, опоясывал «надежный» забор с просторными воротами ⁴.

Перед Октябрьской революцией комплекс чаеразвесочной оценивался в 948374 руб. 21 коп. В том числе – земельный участок – 65417 руб. 70 коп.; недвижимость – 563551 руб. 81 коп.; движимое имущество – 161574 руб. 70 коп. Отдельно учитывалась стоимость весов, которые у предприятия в то время были уже в основном электро-автоматическими. В 1917 году она составляла 157830 руб. ⁵.

Сохранились сведения, что для расфасовки чая принимались в основном мальчишки. Причем, они не только работали в здании фабрики, но и здесь же жили и учились. Прямо в чаеразвесочной была оборудована школа, в которой подростки обучались в свободное от работы время. В комнате для занятий находились столы, фисгармония, волшебный фонарь, музыкальные инструменты для струнного и духового оркестров. Для отдыха предназначалась спальная комната с железными кроватями и постельными принадлежностями.

Помимо зарплаты, каждый малолетний работник получал комплект одежды: рубашку, кальсоны, блузу, праздничный и рабочий костюмы, пальто, башлык и другие вещи, вплоть до носового платка ⁶.

Трудились на фабрике и около 600 взрослых. В большинстве своем, это были выходцы из Московской, Костромской, Тамбовской, Калужской губерний. Годовое жалование рабочего составляло от 360 до 1800 рублей. Кроме того, дважды в год – к празднику Пасхи и Рождеству – вручали премии в размере месячного оклада. Причем, их получали не только постоянные работники, но и те, кто работал сдельно и поденно ⁷.

В годы Первой Мировой войны, когда москвичи почувствовали продовольственный кризис, на фабрике стали выдавать обеды «натурой». Это поставило рабочих и служащих товарищества в привилегированное положение. В июне 1917 года на совместном заседании Совета рабочего отдела общества заводов и фабрик и Союза чаеразвесочников предприятию было рекомендовано отказаться от выдачи обедов «натурой» и перейти на денежное довольствие.

Удалось установить, что в годы военного лихолетья при Московской чаеразвесочной работал лазарет для раненых воинов. Только за десять месяцев 1916 года фирма потратила на его содержание 14457 рублей. Известны и другие, более скромные пожертвования. Так, например, в том же 1916 году было выделено 100 рублей приходской церкви и 10 рублей на приобретение дров для богадельни при Троицком храме⁸.

В 1918 году чаеразвесочная фабрика, как и все другое имущество Товарищества, была национализирована.

-
1. Ренева О. А., Елтышева Л. Ю. Московская чаеразвесочная // *Добрый день*. 2007. 8 ноября.
 2. Там же.
 3. Там же.
 4. Там же.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. Там же.
 8. Там же.

ОСТАШЕВО

Осташево – старинное большое село в Волоколамском районе Московской области. Известный еще с XV века, населенный пункт имел некогда другие названия: Успенское, Старое Долголядье.

Расположено село по берегам реки Рузы (в настоящее время – Рузского водохранилища). На правом берегу сохранилась усадьба Петровское-Чередово. Она была построена около 1756 года князем П. Ф. Голицыным. В 1765 году имение приобрела графиня Е. А. Салтыкова. К этому времени здесь находились

каменные палаты в 10 покоев. Во дворе за решетчатым забором стояли службы, поварня с приспешней, каретный сарай и две лакейские светлицы. В 1770-х годах к этим постройкам добавились деревянный жилой дом, а также здания конного завода и суконной фабрики. Кроме того, на территории усадьбы был разбит «регулярный» сад. В 1777 году имение приобрел князь А. В. Урусов, выстроивший к 1781 году при усадьбе каменную церковь в честь Александра Невского¹.

В самом конце XVIII века князь Урусов перенес свою резиденцию на противоположный берег реки, создав существующий ныне усадебный ансамбль, известный до 1861 года как Александровское-Осташево.

Старая усадьба со временем опустела. Каменный господский дом был занят суконной фабрикой. В 1822 году здание было передано церковному причту. До наших дней оно дошло в измененном виде, оставшись после разборки церкви единственной постройкой исчезнувшей усадьбы.

Усадьба Осташево была создана по заказу А. В. Урусова, по-видимому, в 1790-х годах. Четкость ее плановой структуры, умелое распределение архитектурных масс и художественное своеобразие, основанное на сочетании башен различной величины и формы, выдают руку зрелого мастера. Возможно, автором общего замысла являлся Р. Р. Казаков (племянник знаменитого архитектора М. Ф. Казакова), много строивший для князя в этот период времени².

В 1813 году усадьба перешла во владение пасынка А. В. Урусова, Николая Николаевича Муравьева (1768–1840), участника Отечественной войны 1812 года, основателя Московского училища колонновожатых (учебного заведения по подготовке офицеров Генерального штаба).

Летом 1816 года будущие офицеры Генштаба проходили в Осташеве летнюю практику. Многие из них впоследствии стали декабристами, в том числе и сын владельца усадьбы – Александр Муравьев. По легенде, здесь, на берегу Рузы, проходили тайные встречи заговорщиков и где-то в парке зарыта знаменитая «Конституция» декабристов³.

Во второй половине XIX века усадьбой последовательно владели помещик Н. П. Шипов и генерал А. А. Непокойчицкий.

Затем имение купил А. Г. Кузнецов. Правда, точную дату приобретения им усадьбы и какие-либо подробности сделки пока установить не удалось.

Сохранились сведения, что Александр Григорьевич очень любил Осташево, часто здесь бывал. В имении им была открыта молочная ферма, продукция которой получила более десяти наград на различных сельскохозяйственных выставках⁴. Здесь, в Осташеве, 22 июля 1895 года «чайный король» и скончался.

После смерти А. Г. Кузнецова усадьбу унаследовал его племянник, Алексей Константинович Ушков⁵. В 1903 году он продал Осташево внуку императора Николая I, Великому князю Константину Константиновичу (1858–1915).

Последний владелец имения был личностью весьма колоритной. Профессиональный военный, герой русско-турецкой войны 1877 года, командир лейб-гвардии Преображенского полка, президент императорской Академии Наук, выдающийся поэт, подписывавший свои произведения псевдонимом «К. Р.», лауреат Пушкинской премии, мечтал о тишине и спокойствии. В приобретенной усадьбе он хоть ненадолго обрел это.

По воспоминаниям современников, Константин Константинович очень любил Осташево. Стремился приезжать в усадьбу, заботился о поддержании ее в должном порядке, любил украшать усадебный дом произведениями искусства (особенно гравюрами и картинами). Он не только отдыхал в Осташево, но и обдумывал варианты государственных дел, а также писал любимые им лирические стихотворения. «Красивые Москве достались реки, земли, люди. И я рад, что Осташево, моя усадьба, рядом с Москвой, и меня всегда ждет здесь мой дом»⁶.

В Осташеве великий князь построил начальную школу, помогал в строительстве больницы на 75 мест, провел шоссе до села Рюховское. В селе Бражниково организовал детские ясли и обеспечивал их продовольствием. Местные жители вспоминали о Константине Константиновиче и его семье с уважением и теплотой, единодушно утверждая: «Очень добрые были люди».

В Осташеве был похоронен четвертый сын К. К. Романова, князь императорской крови Олег. В 1914 году он в звании корнета ушел вместе с братьями добровольцем на фронт и погиб.

Князь Олег любил Осташево. Здесь незадолго до смерти он написал в своем дневнике: «Мне надо работать, передо мной громадное поле, на котором многое можно сделать, и я хочу сделать... Боже, как мне хочется трудиться на благо России»⁷.

Великий князь Константин Константинович умер 5 июня 1915 года, вскоре после гибели младшего сына. Трех оставшихся сыновей – Иоанна, Игоря и Константина – в 1918 году вместе с другими Романовыми большевики сбросили живыми в шахту под Алапаевском.

Время оказалось безжалостным не только к владельцам, но и к постройкам. До наших дней Осташево дошло с многочисленными утратами.

Архитектурный ансамбль усадьбы в стиле классицизм с элементами псевдоготики обладает симметричной композицией с выраженной продольной осью. Последняя, намеченная подъездной липовой аллеей, организует застройку парадного двора, ограниченного въездными башнями и флигелями по углам. Стоявший в глубине двора великолепный двухэтажный господский дом с бельведером и четырехколонным тосканским портиком в 1950-х годах был заменен новым, совершенно безликим зданием (в нем в настоящее время находится Осташевский краеведческий музей). Ограда курдонера и боковые дворы с их оградами и флигелями утрачены. От хозяйственного комплекса, в середине XIX века размещившегося вблизи усадебного центра, осталось только здание конного двора.

Въезд в усадьбу отмечают два обелиска из белого камня, поставленные в начале центральной аллеи с двухрядной липовой обсадкой. Эта главная и несколько поперечных аллей организуют регулярно распланированную территорию.

Два жилых флигеля с переходными галереями к дому – очень скромные одноэтажные постройки конца XVIII века – сильно перестроены в 1950-х гг. Их ясные, четкие объемы и строгая простота внешней обработки характерны для классицизма, переходящего в ампир. Единственным украшением стен служат рельефные подоконные вставки и венчающий карниз энергичного профиля. Прежние окна с наружной четвертью, без наличников, увеличены. Балочные перекрытия и кровля новые. Над правым флигелем в конце XIX века возведен второй этаж из

деревя. Закрытые переходные галереи сохранились фрагментарно. Они обработаны ложной аркадой, в которую вписаны небольшие стрельчатые окна. На поперечной оси галерей помещены нарядные входные павильоны, служившие одновременно проходом со двора в парк. Каждый из них венчался граненым деревянным бельведером с высоким шпилем.

Контора и дом управляющего составляют вторую пару однотипных одноэтажных флигелей на парадном дворе. Современные жилым постройкам, они объединены общностью стилевых форм и художественных приемов. Угловое положение на участке определило их конфигурацию «глаголем». Равновеликие крылья соединены массивными круглыми башнями, поставленными на внешне срезанных углах, обращенных к подъездной аллее. Глухие, в два яруса, завершенные шатром с деревянным бельведером наподобие смотровой вышки, башни имитируют крепостные сооружения, что характерно для эпохи романтизма. Оформлявшие фасады прямоугольные ниши на одной из башен впоследствии заменены стрельчатыми. Внутренняя планировка флигелей и большинство окон изменены.

Двухъярусные въездные башни у парадного двора, исполненные в стиле псевдоготики XVIII века, воспроизводят форму и основные мотивы убранства аналогичных башен Петровского дворца в Москве. Нижние, снаружи крестчатые, внутри восьмигранные, помещения перекрыты сомкнутым сводом. Украшенный поясом килевидных ниш глухой цилиндрический верх венчался короной из зубцов. Некогда контрастное сочетание красно-кирпичной поверхности стен с белокаменными наличниками, цоколем и тонко прорисованным карнизом сообщало архитектуре башен большую живописность.

Две башни ограды одного из боковых дворов в художественном отношении значительно уступают остальным усадебным постройкам. Небольшие пятигранные, с крупными арочными окнами и сводчатым перекрытием, они завершены глухим каркасным, обшитым железом барабаном со шпилем. Сегодня упрощенные формы башен испорчены штукатуркой. Решетчатая с кирпичными столбами ограда утрачена.

Конный двор, построенный в 1840-х годах, представляет поздний, но чрезвычайно интересный образец применения псев-

доготических форм в архитектуре русской усадьбы. Одноэтажное здание состоит из двух длинных крыльев, соединенных под прямым углом. Ось симметрии главного фасада, обращенного к центру усадьбы, отмечена многоярусной проездной башней, фланги – ризалитами со щипцом. Рядовая ячейка с воротами в центре и окнами по сторонам, чередуясь с ризалитами, образует боковой фасад и повторяется трижды. Внешней структуре отвечает секционная планировка корпуса. Художественным центром конного двора служит надвратная башня, украшенная поясами щелевидных ниш, стрельчатыми наличниками, зубцами, пинаклями. Все элементы подчеркивают вертикальную направленность сооружения.

Живописный пейзажный, преимущественно липовый, парк раскинулся по сторонам жилого комплекса вдоль берега Рузы. При устройстве водохранилища нижняя часть парка с прудами оказалась затопленной. Заросшая восточная его половина превратилась в лес.

В западной части парка, на Васюткиной горке, находится последняя по времени постройка усадьбы. Церковь во имя князя Олега и Св. Серафима Саровского была возведена в 1915 году в неорусском стиле по проекту М. М. Перетятковича и С. М. Дешевова. Кубический четырехстолпный одноглавый храм крестово-купольного типа с пониженной апсидой сооружен по образцу древних псковско-новгородских церквей. Западный вход отмечен крыльцом на кувшинообразных столбах, у юго-восточного угла – двухпролетная звонница. Под зданием – подвал с балочным перекрытием. Архитектурные формы храма словно отражают их изменение во времени: многолопастные арки в верхней части стен срезаны четырехскатной кровлей, большие прямоугольные окна нижнего яруса имитируют расширенные древние проемы. В скупом наружном убранстве здания использованы декоративные пояса с бегунцом, поребриком, впадинами; в карнизе барабана-аркатура. Стены, внутри и снаружи оштукатуренные, побелены. Росписей в интерьере нет. Вдоль стен помещаются саркофаги. Вмурованные в кладку надгробные доски утрачены⁸.

Храм проектировался как усыпальница Романовых. Однако похоронен в нем был лишь один князь Олег Константинович,

сын последнего владельца усадьбы. В настоящее время церковь находится в полуразрушенном состоянии.

1. <http://volokolamsk.narod.ru/ostashevo>.
2. <http://nataturka.newmail.ru/usadiba/ostashevo.html>.
3. <http://www.geocaching.su>.
4. *Примаченко П. А.* Продавец чая // Русский торгово-промышленный мир. – М.: Планета, 1993. С. 256.
5. *Гафурова Ф.* У домов, как и у людей, своя судьба // Казанские ведомости. 1992. 1 мая.
6. *Глушкова В. Г.* Усадьбы Подмосковья. Исторический путеводитель. – М.: Вече, 2006. С. 461–462.
7. <http://gl.itgo.com/regions/villas.htm>.
8. <http://volokolamsk.narod.ru/ostashevo>.

ГЛАВА 3. КРЫМ

ФОРΟΣ

Название одного из самых известных курортов Крыма – Форос – древнегреческого происхождения. Этим словом, в частности, в V веке до н. э. называли пошлину или дань, поступавшую в общую казну Делосского союза (объединения древнегреческих приморских городов и островов Эгейского моря во главе с Афинами). По другой версии, поселок назван в честь Фароса – знаменитого Александрийского маяка, считающегося одним из семи чудес света. Тем более, что выше населенного пункта археологи обнаружили руины средневекового христианского храма. По мнению ученых, сооружение вполне могло служить и маяком. Дело в том, что вход в церковь располагался не с западной, как обычно, стороны, а с южной, обращенной к морю. Освященный прямоугольник двери храма виднелся с моря достаточно далеко и служил прекрасным ориентиром для мореплавателей.

Форосский храм стоял на высоте. Был окружен оборонительной стеной, фрагменты которой сохранились и по сей день. В средние века здесь же находилась сначала греческая колония, а затем – опорный пункт генуэзцев с крепостью Фора¹.

После присоединения Крыма к Российской Империи землями Фороса владели, сменяя друг друга, князя Потемкин, Нарышкин, Голицын, граф Игнатъев². В 1887 году Форос приобрел знаменитый чаеоторговец А. Г. Кузнецов³.

В тот период имение представляло собой «дрянную деревушку в несколько саклей»⁴. Александр Григорьевич стал подлинным преобразователем этой местности. Он разбил на территории усадьбы великолепный парк, являющийся и ныне памятником садово-парковой архитектуры. К планировке парка были привлечены известный художник-пейзажист, профессор Петербургской Академии Художеств Ю. Ю. Клевер и ученый-садовод Э. А. Альбрехт. Посадку растений и уход за ними осуществлял видный ученый-садовод Энко⁵. На вопрос, во сколько обошелся этот райский уголок, чайный магнат ответил: «Во столько, во сколько сложится сумма сторублевых кредиток, если устлать ими поверхность этого сада»⁶.

«В 1885 году, когда я первый раз посетил эту местность, — отмечал доктор Ф. Д. Вебер, один из старейших членов Крымского Горного Клуба, первый организатор экскурсионного дела в Ялте, — она была дикая, голая, навален был лишь строительный мусор... Воды я видел мало, из одного тощего фонтана струилась лениво вода...

Скудность растительности в то время бросалась тем резче в глаза, что в соседнем имении «Тессели» Раевского красовался прекрасный парк, с богатыми источниками, к сожалению, запущенный точно как и самый господский дом. Но вода в фонтанах была прекрасна и текла богатою струею. В Форосе поражала зрителя лишь могучая, дикая, скалистая природа. Теперь же (в 1892 году — С. М.) все изменилось...

Когда посмотреть на этот парк, то трудно поверить, что он создан в течение 6–7 лет. Здесь мы имеем целую систему озер с фонтанами, водопадами, маленькими каскадами, устроены гроты из сталактита и дикого камня, каждое озеро украшено своеобразно флорой: одно из них окружено группой пальм и тропических памятников, другие — гигантскими агавами, растительностью итальянской Ривьеры, даже молодая группа араукарий украшает одно из них.

Все, что только имелось в садах южного берега Крыма, все бесчисленные виды природной и культурной растительности имеет здесь представительниц. Не только флора южного берега, но и все, что возможно здесь акклиматизировать из чужестранных растений, мы здесь встречаем. Но самое замечательное в парке Кузнецова не огромное количество разнообразных растений, но то, что они распределены и группированы с таким вкусом, который возможен лишь художнику первого класса»⁷.

Помимо этого, в парке, по свидетельству очевидцев, был и настоящий зоопарк. «Каких только животных и птиц там не было. Просто райские птицы! Таких я нигде и никогда больше не видела!» — вспоминала М. Ф. Фредди (Шалапина)⁸.

Форосский парк расположен на приморских склонах и примыкает с одной стороны к обрывистому берегу моря, а с другой — к подножию Байдарской возвышенности и крутым обрывам горы Форос. Основой для создания парка послужили естественные южнобережные леса (можжевельник высокий, терпентинное дерево, дуб пушистый, ясень остроплодный, клен полевой и др.).

В настоящее время в парке, общая площадь которого составляет 70 гектаров, произрастает свыше 200 видов деревьев и кустарников, среди которых преобладают породы экзотические и субтропические: сосны алеппская, итальянская, сабинова, приморская, Культера, судакская и замечательная, пихты греческая, испанская, нумидийская и кавказская, кедры атласский, гималайский и ливанский, кипарисовик Лавсона и его золотистая форма, кипарисы аризонский, португальский и крупноплодный, секвойя гигантская, тисс ягодный, пальма вееролистная, магнолия крупноцветковая, платаны западный и восточный, мушмула японская, олеандр, калина вечнозеленая, маслина европейская, лавр благородный, розмарин лекарственный, лимон трехлистный, аукуба японская и так далее⁹.

Достопримечательностью центральной части парка является так называемый «Райский уголок» с шестью озерами, которые устроены на разных уровнях и соединены протоками в единый каскад с миниатюрными водопадами.

Несомненным украшением комплекса является роскошный господский дом. Он был построен в стиле русский классицизм в 1887 году в приморской части имения по проекту архитектора Билинга. К отделке здания привлекались лучшие мастера прикладного искусства.

«Это прекрасный господский дом, – отмечал Ф. Д. Вебер, – белые стены которого выдаются от окружающей зелени. Нет никаких причудливых башен, ажурных балконов, колоннад, которые бы напоминали, что мы находимся на классической почве. Зато, войдя в этот дом, посетитель будет очарован прекрасными картинами на стенах жилых комнат. Главным образом, галерею проф. Клевера. Эта галерея, помещающаяся во втором этаже, к сожалению, недостаточно освещена, чтобы при дневном свете можно было вполне насладиться произведениями кисти этого мастера. Впрочем, все эти картины могут иметь большое значение для знатока, тогда как картины, которые представляются взору зрителя, когда он вступит на балкон дворца, с разных сторон поражают своей величественностью и красотой каждого простого человека, которому чуждо чутье художника.

В особенности поразителен вид с западного балкона на мыс Форос и выдающийся шпиль мыса Айя, с южного балкона – на Черное море, с северного балкона, откуда расстилается вид на

чудный парк, на заднем фоне которого возвышается величественно скала Форос с храмом»¹⁰.

Этому зданию повезло. Его миновали многочисленные метаморфозы отечественной истории. В особняке сохранились великолепные каминные, прекрасный золотистый паркет итальянских мастеров, мраморные лестницы, дубовые двери, чугунные вазы работы демидовских металлургов, гостиная с голландскими печами... Особый интерес представляют 15 великолепных настенных панно, созданных Ю. Ю. Клевером. Они выполнены специально для этого дома, привезены сюда уже готовыми и наклеены на стены в подготовленные ниши.

Сохранились сведения, что А. Г. Кузнецов одним из первых на побережье привел в имение электричество, телефон и телеграф. Широкою известность получили и его форосские вина. Они изготавливались из винограда, собранного на собственных виноградниках, выдерживались годами по лучшим технологиям. По образцу существовавших во французской провинции Шампань, в Форосе был сооружен (по проекту знаменитого архитектора Ф. О. Шехтеля) подвал «Шесть лучей». Он размещался на глубине восемь метров, что позволяло поддерживать в помещении постоянную температуру 12–13° С. Подвал вмещал от 75 до 100 тысяч ведер вина¹¹.

После смерти А. Г. Кузнецова владельцем Фороса стал его племянник, Григорий Константинович Ушков. Он продолжил дальнейшее благоустройство имения и превратил его в популярный курорт. В Форосе были открыты казино, тир, кегельбан, теннисные корты. Среди скал появились ипподром и крытый манеж. В начале XX века купец предпринял попытку строительства через имение железной дороги от Севастополя до Ялты. Однако из-за финансовых затруднений проект так и не был реализован¹².

По воспоминаниям современников, в Форосе часто гостили родственники и друзья владельца. К «приветливому Ушкову» приезжали многие известные писатели, художники, музыканты. Так, например, летом 1916 года Ф. И. Шаляпин и М. Горький вместе работали здесь над автобиографической книгой Шаляпина «Страницы моей жизни». В разные годы гостями Фороса были С. В. Рахманинов, А. П. Чехов, В. А. Гиляровский, Н. Гарин-

Михайловский, Н. Я. Данилевский, К. Е. Маковский, И. К. Айвазовский, А. И. Корзухин и другие знаменитости.

После революции имение было национализировано. В 1922 году здесь открыли курорт. В советский период в Форосе отдыхали А. И. Микоян, В. М. Молотов, Н. К. Крупская, И. Козловский, Л. Зыкина, Л. Орлова, В. Толкунова, Э. Хиль, А. Вознесенский, Р. Быков, И. Кобзон, Л. Целиковская, Ю. Любимов, В. Плучек, Д. Гнатюк, А. Соловьяненко, Л. Ахеджакова и другие.

В соседней с Форосом даче «Тессели», подаренной писателю Сталиным, в 1932–1936 годах жил и работал А. М. Горький. Здесь были написаны второй вариант пьесы «Васса Железнова», роман-эпопея «Жизнь Климса Самгина». Позднее дача стала курортом. Здесь отдыхали космонавты Ю. Гагарин, Г. Титов, А. Николаев, В. Терешкова, П. Попович, В. Севастьянов, Н. Руквишников и другие.

В 1988 году в Форосе одновременно с новым комплексом была построена дача первого президента СССР М. С. Горбачева (так называемый объект «Заря»), ставшая всемирно известной в связи с событиями августовского путча 1991 года.

Сегодня Форос – первоклассный курорт для лечения сердечно-сосудистых заболеваний, неспецифических болезней органов дыхания, функциональных заболеваний нервной системы.

-
1. <http://www.gpntb.ru/win/inter-events/srimea96/prog/foros.html>.
 2. <http://alybika.narod.ru/goroda/foros.htm>.
 3. <http://terra-tavrika.narod.ru/2003/12s20.htm>.
 4. Сведения предоставлены Павлом Петровичем Фирсовым (п. Форос, Крым).
 5. <http://foros-sity.boom.ru/historu.htm>.
 6. <http://terra-tavrika.narod.ru/2003/12s20.htm>.
 7. Сведения предоставлены П. П. Фирсовым.
 8. <http://foros.net.ua/>
 9. <http://foros-sity.boom.ru/historu.htm>.
 10. Сведения предоставлены П. П. Фирсовым.
 11. Там же.
 12. <http://terra-tavrika.narod.ru/2003/12s20.htm>.

ФОРОССКОЕ ЧУДО

Одним из символов южного берега Крыма по праву является храм Вознесения Христова в Форосе.

Место для строительства этой небольшой, но удивительно красивой церкви весьма необычно. Она возведена на вершине 400-метровой Красной скалы, как на протянутой к морю и солнцу ладони.

Такое расположение храма породило немало красивых легенд. Одна из них повествует о том, как юная дочь богатого купца каталась в горах. Вдруг лошади, словно испугавшись чего-то, понесли экипаж прямо в пропасть. Ничто не могло сдержать их бешеный бег. Казалось, гибель неминуема. Но на самом краю обрыва кони остановились, как будто перед невидимой преградой. В честь чудесного спасения девушки и была построена церковь¹.

Между тем, в архивных документах мы находим иную версию появления храма. В 1889 году владелец имения Форос, миллионер-чаоторговец Александр Григорьевич Кузнецов, изъявил желание построить в этой местности церковь в память о спасении Императора Александра III и его семьи при крушении поезда на станции Борки 17 октября 1888 года².

К работе по воплощению своего замысла купец привлек лучших специалистов: проект здания разработал известный русский архитектор, академик Н. М. Чагин. Он же подобрал и удобную для строительства площадку в двух километрах от Байдарских ворот, у самой дороги, на отвесной скале красного цвета, благодаря чему храм прекрасно виден со всех сторон.

Церковь построена в русско-византийском стиле. В центре и по бокам девять куполов разной величины. При строительстве храма применялась особая технология кладки из широкого плоского кирпича – плинфы. Колонны с резными капителями, панели и подоконники были выполнены из каррарского мрамора. Стены облицованы белым инкерманским камнем. Украшением здания является узорчатое крыльцо с устремленной ввысь колокольной.

Во внутреннем оформлении храма привлекал внимание резной дубовой иконостас с позолоченными царскими вратами. Росписи были выполнены известными художниками. Так, на-

пример, А. И. Корзухин создал изображение Христа Спасителя и «Тайную вечерю», К. Е. Маковский – «Рождество Христово», «Вознесение» и «Божью Матерь». Ряд икон написал академик живописи Е. Н. Сверчков³.

Строительство храма обошлось хозяину Фороса в 150 тысяч рублей⁴. Кроме того, на содержание причта А. Г. Кузнецов пожертвовал капитал в 52 тысячи 400 рублей⁵. В собственность церкви Александр Григорьевич также передал 2,5 десятины земли, на которых были построены дома для настоятеля и причта⁶.

Освящение храма состоялось 4 октября 1892 года. Обряд совершил Преосвященный Мартиниан, епископ Симферопольский и Таврический. В качестве почетного гостя на церемонии присутствовал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев. Спустя шесть лет, в десятую годовщину чудесного избавления Александра III от смерти, церковь посетили Император Николай II и Императрица Александра Федоровна⁷.

Храм Вознесения Христова стал местом паломничества верующих. Изображения храма печатались на банках с чаем, которые выпускались фирмой Кузнецова и продавались не только в России, но и за рубежом. Позднее появились многочисленные открытки с различными видами Форосской церкви. И очень скоро она стала одним из символов южного берега Крыма.

Но прежде всего церковь стала центром духовности. Огромная заслуга в этом принадлежит первому настоятелю храма, отцу Павлу Ундольскому. Он вел большую просветительскую работу среди населения окрестных деревень. Его стараниями при храме была открыта церковноприходская школа, а в соседней деревне Мухалатка – школа грамотности. В Байдарах для бедняков, нищих и бродяг был создан ночлежный приют. Этих людей, оказавшихся на обочине жизни, отец Павел также не оставил без внимания. Источником просвещения и культуры стала для них библиотека, открывшаяся при ночлежном приюте. В вечерние часы ночлежникам выдавались книги и периодические издания. Пользоваться библиотекой могли и жители Байдар. Библиотека была учреждена Ялтинским комитетом попечительства о народной трезвости и содержалась за счет средств этого комитета и на добровольные пожертвования. Заведовали ею отец Павел и учителя церковноприходской школы – Иван Кон-

цевич и Константин Соловьев. Отец Павел организовал также народные чтения в Байдарах и Мухалатке ⁸.

В 1924 году храм был закрыт. С куполов убрали позолоченные кресты, колокола отправили на переплавку. Варварски уничтожалась изумительная, цвета золота, мозаика. Сосуды для богослужений, подсвечники, дарохранительницы и другие церковные ценности были изъяты. Драгоценные оклады с икон сорваны, а сами иконы работы известных мастеров пропали бесследно ⁹.

Здание использовалось сначала как склад, затем в нем был открыт ресторан с блюдами национальной татарской кухни. И это несмотря на то, что официально церковь значилась филиалом местного краеведческого музея.

В 1927 году в Крыму произошло сильное землетрясение, в результате которого получили повреждения многие дома и дворцы, в том числе и знаменитое Ласточкино гнездо. А вот Форосская церковь, стоящая почти на краю скалы, и дом Кузнецова не пострадали.

В годы Великой Отечественной войны храм оказался в центре жестоких боев. Гитлеровцы рвались к Севастополю, но на перевале Байдарские ворота их задержал отряд командира погранзаставы А. С. Терлецкого. Форосская церковь стала для бойцов наблюдательным пунктом и оборонительным сооружением. Все бойцы погибли, но не отступили. Командира отряда враги живьем распяли на дереве ¹⁰.

В послевоенные годы в здании храма снова открыли ресторан. В 1960-е годы в стороне было построено новое, более удобное, шоссе, соединяющее Ялту и Севастополь. Форосскую церковь стали меньше посещать туристы. Храм постепенно ветшал и, наконец, был закрыт и обречен на полное разрушение. От коистра, разведенного кем-то внутри здания, погибли сохранившиеся до этого времени росписи.

В 1980 году церковь и прилегающая территория были переданы для строительства пансионата Днепропетровского южмаш-завода. Однако жители Фороса встали на защиту храма и спасли его от полного разрушения. По настоянию заинтересованных лиц церковь была объявлена памятником архитектуры XIX века.

В 1981 году Киевским управлением реставрации и живописи было проведено комплексное обследование здания. В 1987 году в храме начались реставрационные работы.

В 1990 году храм был передан Русской Православной церкви. Возглавил приход иеромонах Петр (в миру – Виталий Леонидович Посаднев) (1966–1997).

Местные жители пришли на помощь. Они вычистили церковь от мусора и вымыли в ней пол. 3 июня 1990 года, в канун праздника Святой Троицы, храм был вновь освящен.

В 1992 году Форосской церкви исполнилось 100 лет. К этому времени реставраторы установили новые медные купола, вставили цветные витражи в окна, закончили внутреннюю роспись алтаря и купола храма, подняли на восстановленную звонницу колокола. Среди них оказался колокол 1862 года весом в 200 пудов. Он сохранился на маяке мыса Сарыч и был подарен церкви Черноморским флотом.

Но проблем было еще много. Предстояло провести паровое отопление и водопровод, восстановить внутреннюю роспись, изготовить новый иконостас и резные киоты. Все внутренние работы планировалось завершить к 105-летию храма.

Новый иконостас для церкви заказали у черкасских мастеров. Величественный, украшенный удивительной резьбой, он был выполнен из дуба по старинным образцам. Новый иконостас, аккуратно упакованный в ящики, прибыл в Форос 18 августа 1997 года. А в ночь на 20 августа произошло ужасное злодеяние: настоятель, архимандрит Петр, был убит двумя грабителями, которые надеялись присвоить деньги, собранные на иконостас. В память об этом событии в храме установлена табличка: «Иконостас сей был сооружен в благоугдную память о подвижнических трудах настоятеля храма архимандрита Петра, злодейски убитого 20 августа 1997 года».

В 2004 году по инициативе президента Украины Л. Д. Кучмы в храме продолжались ремонтно-реставрационные работы. В ходе их был обновлен внешний вид фасадов, отремонтирован мозаичный пол, полностью заменены витражи, система отопления и электрообеспечения, проведены работы по внутренней росписи и позолоте интерьеров храма, выполнена реставрация и восстановлено каменное ограждение вокруг церкви.

В настоящее время храм Вознесения Христова в Форосе является действующим и открытым для посещения.

1. <http://subscribe.ru/archive/rest.travel.cooltravel/200502/24131313.html>.
2. <http://terra-tavrika.narod.ru/2003/12s20.htm>.
3. <http://subscribe.ru/archive/rest.travel.cooltravel/200502/24131313.html>.
4. Там же.
5. Семенов В. Л. А. С. Губкин и его благотворительная деятельность. – Пермь, 2001. С. 81.
6. http://www.palmarius.com.ru/palom/obj-palom/yalta_foros.htm.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. <http://www.Krim-palomnik.ru/index.php?page=168/>.

МЕЛЛАС

Восточнее Фороса расположено удивительно красивое имение Меллас. Название местности в переводе с древнегреческого означает «седой», «темный», «серебристый», дано, скорее всего, по темному цвету возвышающихся здесь скал ¹.

Первым хозяином Мелласа был Лев Алексеевич Перовский (1792–1856), русский государственный деятель, граф (с 1849 г.), генерал от инфантерии (с 1854 г.), почетный член Петербургской Академии Наук, с 1840 года – член Государственного совета, в 1841–1852 гг. – министр внутренних дел, в 1852–1856 гг. – министр уделов Российской Империи ².

Удачная карьера Л. А. Перовского оказалась омрачена большим личным горем. В 1833 году умерла его любимая жена Екатерина Васильевна, урожденная княжна Горчакова. Похоронив супругу в Петербурге, на Лазаревском кладбище Александрово-Невской лавры, Лев Алексеевич в поисках уединения приехал в Крым и в 1834 году приобрел у своей родственницы, владелицы имения Мшатка В. А. Башмаковой, участок земли в 59 десятин ³.

Теплое, тихое место на южном берегу он выбрал не случайно. По соседству жили его родственники – Нарышкины, Кочубеи, Башмаковы. В Крыму проживал в это время и сводный брат Николай Иванович. Правда, отношения между братьями были более чем прохладными. Так, по свидетельству очевидцев,

в 1846 году, в один из своих приездов в Крым, Лев Алексеевич, уже будучи министром и имея дом в Симферополе, не пригласил брата к себе, а по дороге в Меллас сам заехал в его имение Кильбурун, где пробыл ровно полчаса ⁴.

Во второй половине 1830-х годов в Мелласе был возведен оригинальный с плоской крышей и четырьмя угловыми башнями дворец, напоминающий римскую виллу эпохи Возрождения. В декоре фасада и внутренних помещений широко использованы килевидные арки, ниши, арабески. Проект этого необычного здания разработал, скорее всего, архитектор Ф. Эльтон, занимавший в то время должность «первого архитектора южного берега Крыма» и курировавший все строительные работы тех лет ⁵.

В 1830–1840-е годы на территории имения был разбит великолепный ландшафтный парк, каскадами спускающийся к морю. Здесь и сегодня произрастает 185 видов ценных декоративных деревьев и кустарников. Парк Мелласа занимает 12 гектаров, а вся лесопарковая зона имения составляет 60 гектаров.

Украшением комплекса, окаймленного со стороны моря от горы Ай-Юри до пляжа и набережной, являются реликтовая сосновая роща, белокаменная ротонда «Подкова счастья», беседка у моря «Тет-а-тет», «Ниша Дездемоны», мраморный фонтан с арабской вязью, бассейн эллипсоидной формы, устроенный так, чтобы водная гладь могла отражать горные вершины массива Ай-Юри, многочисленные беседки, видовые площадки, расположенные в самых неожиданных местах, откуда открывается потрясающая панорама моря и прибрежных окрестностей.

Недалеко от набережной находится уникальный природный источник со слабоминерализованной лечебной водой, аналогичной по своим свойствам знаменитой кавказской минеральной воде Эссентуки № 20.

Первый владелец Мелласа граф Л. А. Перовский умер в 1856 году в возрасте 64 лет и был похоронен рядом с женой на кладбище Александро-Невской лавры. «Недвижимое благоприобретенное имение в Крыму» унаследовал его племянник, граф А. К. Толстой, автор знаменитого романа «Князь Серебряный» ⁶. Позднее Мелласом владели княгиня Д. Голицына, граф М. Осерман, сенатор Ф. Маркус ⁷.

В начале XX века Меллас приобрела Анна Ивановна Кузнецова. Она построила в имении еще один оригинальный дворец в восточном стиле, что породило легенду о том, что там якобы был когда-то гарем турецкого султана ⁸.

После революции Меллас был национализирован. В 1924 году на базе имения открылся дом отдыха московских учителей. В настоящее время здесь находится санаторий мэрии российской столицы.

-
1. <http://www.tour-ethno.com/info/castles/melas.shtml>.
 2. Большой энциклопедический словарь. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 134.
 3. <http://www.tour-ethno.com/info/castles/melas.shtml>.
 4. Там же.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. <http://www.tourfinder.ru/hotels/ucraine/mellas.html>.
 8. Сведения сообщены Павлом Петровичем Фирсовым (п. Форос, Крым).

БИОЛОГИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ

В 1871 году в г. Севастополе по инициативе знаменитых ученых Н. Н. Миклухо-Маклая и А. О. Ковалевского была основана первая в России биологическая станция. Ее создание обуславливалось необходимостью изучения флоры и фауны Черного моря.

Первоначально учреждение находилось в арендуемом помещении. В 1894 году Севастопольская Городская Дума выделила биостанции для строительства собственного здания земельный участок в самом центре города, в районе Приморского бульвара на месте бывшей Николаевской батареи ¹.

Проект комплекса, «выдержанный в формах французского ренессанса», разработал севастопольский городской архитектор А. М. Вейзен. Строительные работы были начаты в 1896 году и велись как на средства правительства, так и на пожертвования «заинтересованных» лиц ². Известно, например, что основной капитал на эти цели внес А. Г. Кузнецов ³.

Строительство было завершено к осени 1897 года. В «первоначальном» виде здание представляло собой симметричный

двухэтажный корпус, увенчанный со стороны морского фасада двумя кубическими башнями. Цокольный этаж выполнен в технике правильной бутовой кладки с декоративными элементами, имитирующими контрфорсы. Первый и второй этажи облицованы белым инкерманским камнем. В отделке здания использованы сложнопрофилированные карнизы, балюстрады, полуциркульные завершения окон, пилястры и полуколонны между ними. Особо декорирован морской фасад, выходящий на Приморский бульвар. Остальные фасады оформлены скромнее, однако также с большим вкусом.

При строительстве комплекса был впервые в России решен ряд инженерно-технических проблем, связанных с устройством системы протока в лабораториях и в крупном морском аквариуме. Архитектурно-художественные достоинства здания биостанции отмечались уже тогда современниками.

В здании биостанции разместились общая лаборатория, вмещавшая до 9 человек, 7 малых лабораторий, 3 личные лаборатории – директора, старшего и младшего заведующего, библиотека и жилые помещения штатных сотрудников⁴.

В цокольном этаже был оборудован морской аквариум, в виде мощного «бастиона» выступающий из основного объема здания в сторону моря. Первоначально аквариум имел всего один зал, где демонстрировались обитатели Черного моря. Внутри помещения находились 7 пристенных аквариумов (общим объемом 18 куб. м.) и центральный бассейн на 24 куб. метра.

Первоначально аквариум был открыт для посетителей бесплатно три дня в неделю (вторник, четверг, воскресенье). Позднее, в 1904 году, из-за сложного материального положения станции в аквариум была установлена входная плата⁵.

К 1910 году в учреждении возникла острая нехватка площадей. Возможность расширения здания была предусмотрена еще А. М. Вейзенем за счет пристройки северного и южного крыльев. Строительные работы по возведению южного крыла были выполнены в конце 1910 – начале 1911 годов по проекту архитектора В. А. Чистова. Руководил строительством подрядчик И. И. Пиминити, возводивший в свое время центральную часть здания.

Художественное оформление пристроя выдержано в прежнем стиле. В качестве нового декоративного элемента В. А. Чистовым были введены барельефы на темы античной мифологии, изображающие морское божество тритона, восседающего на спине дельфина. Барельеф, выполненный по эскизу местной художницы Е. А. Кощенко, и по сей день является своеобразным символом института. Между двумя барельефами находилась надпись «Биологическая станция Имп. А. Н.».

Начавшаяся в 1914 году Первая Мировая война сделала невозможной работу в море. Последующие годы революции и Гражданской войны поставили станцию в исключительно тяжелые условия, в которых она с трудом сохраняла работоспособность. Только после установления Советской власти в Крыму, несмотря на крайнюю материальную необеспеченность, деятельность станции начинает расширяться. Так, например, аквариум был открыт для посетителей ежедневно, кроме понедельника. Только в 1925 году его посетило 16260 человек. Красноармейцы и краснофлотцы, а также учащиеся местных школ осматривали коллекции бесплатно⁶.

В 1934–1935 годах к зданию станции было пристроено северное крыло, повторившее по архитектурному оформлению южное, и надстроен четвертый этаж над центральной частью.

Во время Великой Отечественной войны зданию биостанции повезло. Оно было разрушено лишь частично, в то время как весь Севастополь лежал в руинах. Экспозиция аквариума и музея в тот период была небольшой. Однако вследствие сильных морозов и постоянных бомбежек она, к сожалению, была утрачена.

Весной 1945 года силами строительных организаций Черноморского флота в здании начались восстановительные работы. К 1949 году комплекс был восстановлен в прежнем виде, включая сильно пострадавший декор фасада. Летом 1951 года был открыт для посетителей и аквариум.

К началу 1960-х годов Севастопольская биологическая станция стала ведущим учреждением в области исследования биологии моря. В связи с расширением сферы деятельности в 1963 году она была преобразована в Институт биологии южных морей. Одновременно по проекту архитектора Л. В. Плахова была проведена новая реконструкция здания.

К 1965 году все строительные работы были завершены. Весной 1966 года принял первых посетителей новый аквариум. Экспозиция разместилась в трех залах. В центральном двенадцати-гранном зале были установлены двенадцать пристенных аквариумов и большой бассейн на 150 куб. метров, в котором демонстрировались 45 видов черноморских животных. В двух других залах разместился музей.

В настоящее время площадь Севастопольского аквариума-музея составляет около 200 кв. м. В 32 аквариумах и центральном бассейне (общим объемом 700 куб. м.) демонстрируется более 70 видов животных не только Черного, но и тропических морей, а также Индийского и Атлантического океанов. Ежегодно музей посещают более 500 тысяч человек ⁷.

Сам Институт биологии южных морей Национальной Академии Наук Украины сегодня представляет собой многопрофильный научно-исследовательский комплекс. Помимо аквариума-музея и собственно института в Севастополе в его состав также входят филиал в г. Одесса, Дунайский природный биосферный заповедник, опытное производство и научно-исследовательский флот. В учреждении работает около 500 человек, в том числе – 3 академика и 2 члена-корреспондента НАН Украины, 21 доктор и 135 кандидатов наук ⁸. Разработки ученых института получили широкое признание во всем мире.

-
1. <http://www.ibss.iuf.net.rus/history/buildigs/index.php?zagruzka=1&name-thems=2&...>
 2. Там же.
 3. Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. XVI. – СПб, 1895. С. 937.
 4. <http://www.ibss.iuf.net.rus/history/buildigs/index.php?zagruzka=1&name-thems=2&...>
 5. <http://www.otdihinfo.ru/catalog/279.html>.
 6. Там же.
 7. <http://crimea-portal.gov.ua/index.php?v=10&tek=168&par=10&art=1094&date...>
 8. Там же.

ГЛАВА 4. ДРУГИЕ ТЕРРИТОРИИ

РОЖДЕСТВЕНО

В ряде публикаций о А. С. Губкине и его наследниках неоднократно упоминается¹ принадлежавшее им в конце XIX – начале XX вв. имение Рождествено.

Удалось установить, что этот населенный пункт находится на правом берегу Волги, менее чем в пяти километрах от г. Самары. Между тем, разделяющее их расстояние – наша знаменитая река с ее многочисленными островами, протоками и старицами. Интересен и тот факт, что, располагаясь вблизи Самары, Рождествено до октября 1921 года входило в состав соседней Симбирской губернии.

Рождествено возникло в начале XVII века на землях Самарского патриаршего Спасо-Преображенского монастыря. Свое название село получило по приходской церкви Рождества Христова.

К 1630 году Рождествено стало на Волге одним из крупнейших центров по добыче и переработке речной рыбы, уступая в этом отношении лишь Астрахани. Большая часть выловленной рыбы (прежде всего – лосось, осетр, белуга и стерлядь) поставлялась в Нижний Новгород, на знаменитую Макарьевскую ярмарку, а также шла в Москву, Казань и некоторые монастыри².

В середине XVII века село превратилось в центр дворцовых владений на Самарской Луке. Рыбные запасы к этому времени были уже сильно истощены, поэтому рыбный промысел не имел прежнего значения. Главным занятием рождественцев в этот период стало земледелие. Особенно широкое развитие получило огородничество и бахчеводство.

Из-за плодородных земель часто возникали конфликты с соседями. Так, например, в 1736 году волостной староста Рождествено Я. Барышников попросил разрешения у дворцовой конторы сжечь хлеб, посеянный соседями на спорных землях, а затем совершил налет на Чуракаевку, где сжег два двора, потравил сенные покосы и вывез оттуда уже собранный хлеб. Несмотря на явную противозаконность таких действий, дворцовые власти вывели старосту из-под следствия³.

В 1768 году указом Екатерины II Рождествено в числе других населенных пунктов Самарской Луки было передано братьям Орловым в обмен на их малоземельные имения в центральной России. Сохранились сведения, что эти земли Орловым, как «лучшие в целой России по обилию лесов, лугов, пойменных земель, рыбных ловель и всяких угодий, орошаемых Волгой», порекомендовал симбирский приятель, помещик А. И. Мещеринов⁴.

В 1831 году Рождествено перешло во владение Екатерины Владимировны Новосильцевой, одной из трех дочерей В. Г. Орлова. По воспоминаниям современников, новая хозяйка была умной, образованной, но слишком доброй и доверчивой для помещицы. Она, например, с легкостью, без особого сожаления, предоставляла свободу крепостным за выкуп, а иногда и без него, что, естественно, не нравилось ее родственникам. Она также не мешала своим крестьянам заниматься лесными промыслами. И это тоже не нравилось ее родственникам, прежде всех – племяннику В. П. Давыдову, который считал, что место крестьянина в поле, а не в лесу. По донесению управляющих Давыдова, «все вообще леса у Новосильцевой употребляются без всякой экономии только для крестьян, которые пользуются не только для собственных домашних надобностей, но и большей частью заготавливают для разных изделий, дрова и прочее продают на значительную сумму»⁵.

При Екатерине Владимировне в Рождествено были построены господский дом, каменный Христорождественский храм, больница, в которой работали крепостные медики во главе с подлекарем Ф. Тугаровым. Но, с увлечением занимаясь строительством и содержанием господского дома, Е. В. Новосильцева мало вникала в дела по управлению имением и излишне доверялась своим управляющим. В итоге, в 1845 году, запутавшись в делах и испытывая финансовые затруднения, она передала заботы по управлению Рождественской волостью В. П. Давыдову, который и уберег ее от разорения⁶.

У Орлова-Давыдова и княгини Левашовой имение приобрел А. С. Губкин. Правда, точную дату сделки и какие-либо подробности пока установить не удалось.

В 1875 году Алексей Семенович подарил Рождествено в качестве свадебного подарка своей внучке, Марии Григорьевне

Ушковой. По свидетельству очевидцев, имение отличалось колоссальными размерами, превосходя некоторые европейские княжества⁷. В 1880-е годы в состав имения, помимо Рождествено, входили также села Новый и Старый Буян, Бахилова и Гаврилова Поляны, Ширяево, Новинки, Шелехметь, Подгоры, Выползово, Торновое и другие⁸.

Ушковы сделали Рождествено своей летней резиденцией. На их средства в усадьбе был разбит великолепный парк, организованы театр, библиотека, столовая и клуб для рабочих, созданы винокуренный завод и конеферма. Здесь же разместился и оптовый склад форосских вин. «Натуральные виноградные вина подвалов имения Ушковых, наследников А. Г. Кузнецова. Южный берег Крыма. Форос. Продажа производится не менее 17 бутылок. С требованием просят обращаться в контору имения», – читаем в рекламных объявлениях того времени⁹.

Население Рождествено в этот период стало очень быстро расти. Крупное хозяйство Ушковых привлекало в село много работников, тем более что заработки в имении были приличные.

В 1890 году на землях имения, около села Ширяев Буерак, П. К. Ушков, родной брат владельца Рождествено, открыл завод по производству белильной извести (Богоявленские дачи). Это предприятие, переименованное после революции в «Бурлак», продолжало работать до 1957 года.

Сохранились сведения, что Петр Капитонович Ушков приезжал в Рождествено со своим сыном Иваном и дочерью Лидией почти каждое лето. Вместе с братом Константином Капитоновичем они любовались красотами Волги и Жигулевских гор, обсуждали планы развития промышленности с учетом природных ресурсов края. Вместе определили места под строительство кирпичного, а затем и винокуренного заводов.

В последний раз П. К. Ушков приезжал в Рождествено летом 1897 года. Вместе с братом он встречал здесь друга детства, знаменитого художника И. И. Шишкина. Как оказалось, это была их последняя встреча. В декабре этого же года Петра Капитоновича не стало. А через несколько месяцев скончался и Шишкин¹⁰.

В советский период все постройки усадьбы Ушковых в Рождествено использовались в хозяйстве. Так, например, в здании бывшей столовой разместился сельскохозяйственный техникум.

Бывшую конюшню переоборудовали под жилье. Из всех построек прежнюю функцию выполняет лишь винокуренный завод. В нем находится Рождественский спиртзавод.

Кстати, по словам местных жителей, от завода до так называемой «конторы» (бывшего господского дома) был прорыт подземный ход. Ну а сам некогда великолепный господский дом находится сегодня в плачевном состоянии: окна без стекол, внутри все заброшено. Кроме того, об этом здании в селе ходят слухи, что там временами появляется привидение и что какие-то силы каждый раз «встают на защиту дома», не пуская внутрь приезжих туристов¹¹.

Между тем, остается надежда, что и в наши дни найдется меценат, подобный Ушковым, который возродит былое великолепие этой замечательной усадьбы.

-
1. *Примаченко П. А.* Продавец чая // Русский торгово-промышленный мир. – М.: Планета, 1993. С. 256.
 2. <http://old.samara.ru/paper/544/5512/97434>.
 3. Там же.
 4. Там же.
 5. Там же.
 6. Там же.
 7. *Примаченко П. А.* Указ. соч.
 8. <http://www.nissan2.ru>.
 9. <http://old.samara.ru/paper/544/5512/97434>.
 10. <http://zhigra.zhg.ru/state.php?id=86/>
 11. <http://old.samara.ru/paper/544/5512/97434>.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАПО – Государственный архив Пермской области

КГА – Кунгурский городской архив

ККМ – Кунгурский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ПГВ – «Пермские губернские ведомости»

ПЕВ – «Пермские епархиальные ведомости»

РГИА – Российский государственный исторический архив

Мушкалов Сергей Михайлович

**АЛЕКСЕЙ ГУБКИН
И ЕГО НАСЛЕДНИКИ**

Издатель П. Г. Богатырев

Редактор Е. А. Селиванова

Подписано в печать 2.07.2008.
Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,5.
Тираж 200 экз.

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем П. Г. Богатыревым. ОГРН 304590427400071

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122
Тел.: 236-53-43, тел/факс 236-53-53
e-mail: ld36@yandex.ru

